ОБОЗРѢНІЕ

ПОСЛАНІЙ СВ. АПОСТОЛОВЪ

СОСТАВИЛЪ

преподаватель Московской духовной семинаріи

Н. РОЗАНОВЪ.

Выпускъ третій.

ПОСЛАНІЯ СВ. АП. ПАВЛА КЪ ЕФЕСЕЯМЪ, ФИЛИППІЙЦАМЪ, КОЛОССЯНАМЪ, СОЛУНЯНАМЪ, КЪ ТИМОѲЕЮ, ТИТУ, ФИЛЕМОНУ И КЪ ЕВРЕЯМЪ. АПОКАЛИПСИСЪ.

МОСКВА.
Типографія Л. Ѳ. Снегирева. Остож. Савел. пер., д. Снегиревой.
1886.

Отъ Московскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва Августа 16 дня 1886 года.

Цензоръ протоіерей *Михаилъ Боголюбскій.*



Электронный вариант книги выполнен в Перервинской духовной семинарии

Москва
2004

О посланіи ап. Павла къ Ефесянамъ.

Въ Ефесѣ, славномъ іоническомъ городѣ Малой Азіи, первыя сѣмена христіанства были брошены учениками Іоанна Крестителя, которые хотя имѣли далеко не достаточныя познанія въ христіанской вѣрѣ, однако же вѣровали въ Іисуса какъ въ Мессію. Потомъ на краткое время заходилъ въ Ефесъ ап. Павелъ (во 2-е свое путишествіе), оставивъ здѣсь для проповѣданія евангелія Акилу и Прискиллу, своихъ спутниковъ и друзей, къ которымъ присоединился потомъ ученый Аполлосъ. Но прочное устройство ефесской церкви было дано ап. Павломъ уже во время третьяго его путешествія. Въ это путешествіе апостолъ оставался въ Ефесѣ около трехъ лѣтъ и проповѣдывалъ евангеліе сначала въ синагогѣ, а потомъ въ школьной залѣ нѣкоего Тиранна. Успѣхъ, который здѣсь имѣлъ апостолъ, былъ очень великъ: изъ іудеевъ и язычниковъ образовалось въ Ефесѣ большое общество вѣрующихъ во Христа и язычество стало опасаться за свое существованіе, что и выразилось въ извѣстномъ возмущеніи мастера, приготовлявшаго серебряныя изображенія языческихъ боговъ, Димитрія. Удаляясь изъ Ефеса, апостолъ оставилъ здѣсь ученика своего, Тимофея, (который сдѣлался епископомъ Ефесской церкви). Возращаясь потомъ въ Іерусалимъ, апостолъ вызвалъ на о. Милетъ предстоятелей ефесской церкви и простился съ ними въ трогательной рѣчи.

Внѣшнимъ поводомъ къ написанію посланія къ Ефесеямъ было отправленіе Тихика въ Малую Азію, которому ап. Павелъ далъ нѣкоторыя словесныя инструкціи. Что касается собственно внутреннихъ побужденій, по какимъ апостолъ

рѣшился обратиться къ Ефесянамъ (и всѣмъ вообще малоазійскимъ церквамъ, ибо посланіе къ Ефесянамъ отличается характеромъ окружныхъ посланій), то прежде всего апостола къ этому побудило желаніе раскрыть предъ Ефесянами величіе церкви Христовой, которое не довольно ясно сознавалось ими; а потомъ ап. желалъ направить на истинный путь тѣхъ изъ числа ефесскихъ христіанъ, которые позволяли себѣ уклоненія отъ нравственнаго ученія и главнымъ образомъ страдали недостаткомъ христіанской общительности. Апостолу особенно нужно было обратить вниманіе на послѣднее явленіе, потому что церковь ефесская составилась изъ іудеевъ и язычниковъ и, слѣд., въ ней легко могли возникнуть разнаго рода раздѣленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что посланіе къ Ефесеямъ написано въ то время, когда ап. Павелъ находился въ узахъ (Еф. 3, 1, 13; 4, 1; 6, 20), но одни изъ толкователей подъ этими узами разумѣютъ первыя римскія узы Павла, другіе —заключеніе апостола въ Кесаріи. Какъ то, такъ и другое предположеніе не имѣетъ достаточно убѣдительныхъ для себя основаній, но всетаки нужно согласиться, что апостолъ, находясь въ Кесаріи, недалеко отстоявшей отъ Малой Азіи, и проведя слишкомъ малое время въ разлукѣ съ ефесянами, едвали имѣлъ нужду обращаться къ нимъ съ посланіемъ. Поэтому лучше признать, что посланіе къ Ефесеямъ написано ап. Павломъ изъ первыхъ его узъ въ городѣ Римѣ.

Посланіе къ Ефесеямъ можно раздѣлить на двѣ части: догматическую и нравоучительную. Предметомъ первой (обнимающей первыя три главы) служитъ величіе церкви Христовой, которая ко времени написанія посланія приняла въ свои нѣдра какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Вторая часть (4—6 гл.) содержитъ увѣщанія къ единенію духа и святости жизни, какъ общія для всѣхъ христіанъ, такъ и частныя, относящіяся къ разнымъ классамъ и состояніямъ.

Изъясненіе посланія къ Ефесеямъ.

ГЛАВА 1-я

Величіе домостроительства спасенія нашего во Христѣ Іисусѣ по его основаніямъ и по его дѣйствіямъ въ мірѣ.

Послѣ надписанія посланія и привѣтствія (1—2 ст.) ап. въ длинномъ періодѣ говоритъ о чрезвычайномъ богатствѣ божественной благодати, явленной во Христѣ, и о высокомъ достоинствѣ основанной Имъ Церкви. Ап. сначала благословляетъ Того, Кто есть Богъ (для насъ) и Отецъ І. Христа, за то, что Онъ Самъ благословилъ насъ. Благословеніе, дарованное намъ отъ Бога, ап. обозначаетъ троякимъ образомъ: это благословеніе не земное, а духовное и притомъ не однообразное для всѣхъ; затѣмъ, оно исходитъ съ неба и даруетъ небесныя блага (конечно, не въ цѣломъ ихъ объемѣ); наконецъ, оно получается нами во Христѣ или чрезъ Христа (ст. 3). Почему дарованы намъ эти благословенія? Въ силу того, что мы еще отъ вѣчности были избраны къ тому, чтобы получить освященіе во Христѣ. Еще до сотворенія міра Богъ провидѣлъ, что люди впадутъ въ грѣхъ и потому предопредѣлилъ быть Нашимъ Искупителемъ Сыну Своему. Такимъ образомъ мы, христіане, въ Немъ, въ Его лицѣ, были уже предъизбраны къ освященію, подобно тому какъ въ лицѣ Авраама былъ уже выдѣленъ изъ среды народовъ народъ Израильскій. Наше освященіе и соединенная съ нимъ непорочность должны быть совершенными, такъ чтобы Богъ нашелъ ихъ дѣйствительно такими (предъ Нимъ) и основываться на любви къ Богу (ибо собственно для Него мы и освящаемъ свою жизнь). Избирая насъ отъ вѣчности, Богъ рѣшилъ въ тоже время содѣлать насъ Своими сынами чрезъ Іисуса Христа, будучи побуждаемъ исключительно Своимъ благоволеніемъ къ человѣчеству и имѣя притомъ въ виду, чтобы люди восхваляли и прославляли или сильнѣе возлюбили Его за дарованную Имъ великую благодать. А что люди непремѣнно должны прославлять Бога—

это видно изъ характера самой благодати, ибо ею Богъ сдѣлалъ насъ прекрасными, пріятными (ἐχαρίτωσεν), снявъ съ насъ всю нашу грѣховную нечистоту (ст. 4 - 6). Это измѣненіе человѣчества въ христіанствѣ совершилось чрезъ возлюбленнаго Сына Божія, Который для того, чтобы принести выкупъ или удовлетвореніе правдѣ Божіей, чтобы намъ были прощены наши грѣхи, благоволилъ пролить Свою кровь.—Въ этомъ великомъ жертвоприношеніи сказалось, по ученію апостола, величіе или богатство божественной благодати (ст. 7). Еще же большую благодать даровалъ намъ Богъ чрезъ то, что не ограничился только искупленіемъ насъ отъ грѣховъ, но и ввелъ насъ въ пониманіе того, что съ нами совершилось и вообще далъ способность уразумѣвать всѣ тайны исторіи человѣчества. Именно посредствомъ сообщенной ему отъ Бога мудрости (σοφία) человѣкъ познаетъ цѣли, къ которымъ онъ долженъ стремиться, а при помощи разумѣнія (φρονήσει)—средства необходимыя для достиженія этихъ цѣлей (ст. 8). Въ особенности же величіе благодати Божіей въ отношеніи къ христіанамъ проявилось въ томъ, что Богъ открылъ имъ даже то, что имъ можно бы и не разъяснять, именно, конечную цѣль, какую имѣлъ Богъ при возстановленіи человѣчества. Богъ открылъ христіанамъ, что Христосъ долженъ былъ не только примирить человѣчество съ Богомъ, но въ тоже время содѣлаться примирителемъ неба съ землею, возстановить ту гармонію во всемъ мірѣ, которая была разрушена грѣхомъ человѣка. Вся вселенная получила въ Немъ Единаго Главу и составила такимъ образомъ одно царство, всѣ части котораго должны служить на пользу одна другой (ст. 9—10).

Отъ изображенія всеобъемлющаго значенія искупительнаго дѣла Христова апостолъ переходитъ къ изображенію особенныхъ его дѣйствій въ ефесской церкви. Какъ представитель христіанъ изъ іудеевъ, онъ говоритъ за нихъ, что они прежде были призваны къ полученію блаженнаго наслѣдія во Христѣ, именно какъ такіе, которымъ уже заранѣе было возвѣщено о Христѣ и которые поэтому съ нетерпѣніемъ Его ожидали. При этомъ ап., чтобы смирить гордость іудеевъ, замѣчаетъ, что Богъ предрѣшилъ даровать имъ возможность первыми вступить въ обѣтованное

наслѣдіе не въ силу какихъ нибудь отличающихъ ихъ націю свойствъ, а только по изволенію или, точнѣе, по рѣшенію Своей воли (ст. 11—12). Что касается христіанъ изъ язычниковъ, (которыхъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду ап. при написаніи посланія), то и они получили въ дарованіи Св. Духа залогъ, который обезпечиваетъ для нихъ участіе въ наслѣдіи [1]), хотя о нихъ въ этомъ отношеніи не было ничего опредѣленно извѣстно (ср. 2, 12) и хотя самую вѣсть о спасеніи или слово объ истинѣ они услыхали впервые во дни апостоловъ и притомъ какъ нѣчто совершенно для нихъ новое (ст. 13—14). Это великое дѣло Божіе, совершенное среди ефесскихъ христіанъ, побуждаетъ апостола постоянно возносить Богу благодаренія. Но апостолъ знаетъ, что дѣло спасенія ефесянъ еще не окончено, что имъ предстоитъ пройти длинный путь земныхъ испытаній, что они должны послѣ своего обращенія ко Христу какъ слѣдуетъ вникнуть въ значеніе этого событія и укрѣпиться въ христіанскомъ познаніи вообще. Поэтому, вмѣстѣ съ благодареніями, онъ возсылаетъ къ Богу и прошенія. Онъ молится Богу, — Котораго именуетъ здѣсь Богомъ Господа нашего І. Христа и Отцомъ славы, чтобы показать, что отъ Него можно ожидать полнаго содѣйствія успѣху дѣла Христова и открытію Его собственной славы, —молится о томъ, чтобы полученный вѣрующими ефесянами Духъ Божій дѣйствовалъ среди нихъ преимущественно какъ Духъ (постоянно проявляющейся) премудрости (σοφίας) и какъ Духъ (по временамъ бывающаго) откровенія (ἀποχαλύψεως), которое сообщаетъ христіанину необходимыя ему по разнымъ случаямъ указанія. Дѣйствія этого Духа должны касаться познанія Бога (ἐν ἐπιγνώσει αὐτοῦ) т. е. Духъ долженъ просвѣщать насъ во всемъ, что касается домостроительства Божія о нашемъ спасеніи, отношенія Бога къ намъ (ст.

---

[1]) Св. Духъ есть, по апостолу, ἀῤῥαβὼν τῆς κληρονομίας ἡμῶν т. е. задатокъ или, лучше, одно изъ благъ небеснаго блаженства. Онъ сообщенъ намъ для избавленія снабдѣнія εἰς ἀπολύτρωσιν τῆς περιποιήσεως, т. е. для того чтобы удѣлъ Божій или христіанскій народъ (περιποίησις) искупить, избавить отъ всѣхъ треногъ настоящей жизни и чтобы за это христіане восхвалили Бога Своего.

15—17). Но такъ какъ *познаніе находится* въ зависимости отъ воли, а материнское нѣдро послѣдней есть сердце (Мѳ. 15, 19), то апостолъ молится еще о просвѣщеніи очей сердца ефесянъ. Только чистыми, свѣтлыми очами духовными можно постигнуть, какъ велика надежда, которая связывается необходимо съ нашимъ призваніемъ ко Христу, и какое славное наслѣдіе уготовано Богомъ для святыхъ Его. Такимъ образомъ апостолъ, видя, что ефесяне уже обладаютъ вѣрою и любовію, желаетъ, чтобы они утвердились въ надеждѣ и выяснили бы для себя ея предметъ, (ибо въ надеждѣ вѣра и любовь доходятъ до совершенства. Рим. 5, 5; 8, 24; Кол. 1, 23). Надежду вѣрующихъ подкрѣпляетъ созерцаніе могущества Божія, которое обнаруживается на вѣрующихъ постоянно, но которое главнымъ образомъ и всего величественнѣе сказалось въ воскрешеніи І. Христа изъ мертвыхъ и посажденіи Его Одесную Бога (ст. 18—20). Ибо, посадивъ Христа одесную Себя, Богъ поставилъ Его вмѣстѣ съ тѣмъ выше всѣхъ духовныхъ, ангельскихъ силъ, къ какимъ бы важнымъ чинамъ они ни принадлежали [1]). Мало того, никогда не было и не будетъ существа, которое бы не находилось въ подчиненіи І. Христу, и такимъ образомъ исполнилось слово псалмопѣвца (пс. 91) о покореніи всего существующаго подъ ноги человѣка. Но въ отношеніи къ Церкви, замѣчаетъ апостолъ, Богъ поступилъ нѣсколько иначе. Онъ не просто подчинилъ ее Христу какъ часть міра, а далъ ей Христа, главу всего, тоже какъ главу, но въ ближайшемъ смыслѣ слова. Онъ устроилъ такъ, что церковь составляетъ со Христомъ одно цѣлое, подобно тому какъ тѣло для того, чтобы быть живымъ, необходимо связуется съ головою. Безъ Христа церковь стала бы обезглавленнымъ трупомъ и съ другой стороны Христосъ безъ церкви хотя бы и остался самостоятельнымъ владыкою всего, но былъ бы такъ разъединенъ

---

[1]) ἀρχῆς—ангелы, стоящіе во главѣ міровыхъ существъ и управляющіе міромъ, ἐξουσίας—ангелы, по скольку они имѣютъ власти надъ отведенною имъ областью; δυνάμεος—ангелы, по скольку они являются совершающими какія либо особенныя дѣйствія; κυριότητος — ангелы, заставляющіе людей исполнять свою волю.

съ міромъ, что Его можно бы назвать тогда главою, лишенною тѣла. И такъ какъ голова, лишенная тѣла, не есть уже дѣйствительная голова, потому что ей въ такомъ случаѣ недостаетъ существенно необходимаго, то опредѣленіе церкви какъ „исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ" нужно понимать въ томъ смыслѣ, что церковь есть нѣчто, такъ сказать, дополняющее Христа какъ Искупителя, что Христу Искупителю, если бы церковь искупленныхъ Имъ не была Его тѣломъ, не доставало бы существенно необходимаго для того чтобы быть главою. Значеніе церкви представляется еще болѣе важнымъ, если обратить вниманіе на дѣло, которое долженъ совершить Христосъ, глава Церкви. Міръ заключаетъ въ себѣ великое разнообразіе формъ существованія, но всѣ эти формы со времени грѣхопаденія человѣка лишились содержанія, представляютъ изъ себя внутри печальную пустоту (Рим. 8, 20). Христосъ, сокрушившій силу грѣха, и долженъ наполнить содержаніемъ эти пустыя формы и если теперь Церковь дополняетъ Его Самого, то какое великое значеніе принадлежитъ ей въ исторіи всего міра (ст. 21—23)!

ГЛАВА 2-я.

Продолженіе рѣчи о величіи домостроительства спасенія нашего во Христѣ Іисусѣ.

Доселѣ апостолъ главнымъ образомъ изображалъ всемогущество Божіе, обнаружившееся въ отношеніи къ І. Христу. Теперь онъ говоритъ о томъ, въ чемъ сказалось это могущество на читателяхъ посланія. Эти послѣдніе до вступленія въ Церковь были мертвыми въ духовномъ смыслѣ т. е. отлученными отъ Бога, истинной жизни — Іудеи вслѣдствіе прегрѣшеній (παραπτώμασι—уклоненіе отъ истиннаго пути, указаннаго въ законѣ), язычники вслѣдствіе грѣховъ (ἁμαρτίαις указываетъ на то, что язычникамъ истинный путь жизни былъ вовсе неизвѣстенъ, ст. 1). Ближе изображая дохристіанскую жизнь язычниковъ и іудеевъ, ап. говоритъ, что для первыхъ грѣхъ сдѣлался какъ бы сферою жизни,

изъ которой имъ не было выхода. Они жили, руководясь ученіемъ этого міра, такъ, какъ живетъ этотъ міръ; а такъ какъ надъ послѣднимъ властвуетъ діаволъ, то діавольское вліяніе воспринималось ефесянами необходимо, съ каждымъ вдыханіемъ воздуха, потому что діаволъ свое преимущественное *мѣстопребываніе* утвердилъ, по апостолу, въ воздухѣ и такимъ образомъ отравлялъ все дышащее (для того чтобы выразить эту мысль ап. и называетъ діавола „княземъ власти воздушной"). Люди, дышавшіе этимъ зараженнымъ воздухомъ, дѣлались сынами противленія и ефесяне могутъ постигнуть все величіе совершеннаго для нихъ искупленія, если обратятъ вниманіе на то, какъ діаволъ продолжаетъ дѣйствовать въ ихъ невѣрующихъ согражданахъ (ст. 2). Точно также и Іудеи, до своего обращенія, принадлежали къ чадамъ непослушанія (Ἐν οἷς относится къ τοῖς υἱοῖς ст. 2-го), потому что (постоянно) вращались въ похотяхъ плоти своей, подобно тому какъ язычники находились въ постоянной зависимости отъ мірскихъ обычаевъ и понятій. Такимъ образомъ вина іудеевъ представляется даже бóльшею, чѣмъ язычниковъ. Ибо послѣдніе находились подъ вліяніемъ чуждой грѣховной силы, отъ которой они никакъ не могли спастись, а первые сами грѣшили, не подчиняясь, по крайней мѣрѣ до степени язычниковъ, вліянію діавола. Они допустили свой разумъ (τῶν διανοιῶν) заключить дружескій союзъ съ плотію, вмѣсто того чтобы сдѣлать его орудіемъ борьбы противъ поползновеній плоти, и плоть вслѣдствіе этого стала дѣйствовать рѣшительнѣе, стала смѣлѣе предъявлять свои требованія, какъ бы зная, что разумъ, ея союзникъ, всегда ее оправдаетъ предъ совѣстью человѣка. По этому то Іудеи ничего не исправили въ своей, испорченной прародительскимъ грѣхомъ, натурѣ (φύσει) и оставались, подобно язычникамъ, подъ дѣйствіемъ гнѣва Божія (ст. 3). Богъ, чтобы уничтожить эту духовную мертвенность какъ язычниковъ, такъ и іудеевъ, оживилъ насъ вмѣстѣ со Христомъ т. е. воскресилъ насъ въ духовномъ смыслѣ. Мало того, Онъ въ воскресеніи Христа положилъ начало и нашему тѣлесному воскресенію (ср. 2 Кор. 5, 5; Рим. 8, 11), а въ вознесеніи и прославленіи Его—нашему прославленію (ср. Кол. 1, 18; Іоан. 12,

32). И всѣмъ этимъ мы, какъ іудеи, такъ и язычники, обязаны только милости, благодати Божіей. Богъ возродилъ насъ къ новой жизни, спасъ отъ того гибельнаго состоянія, въ которомъ мы прежде находились, и даже предначерталъ намъ нравственныя задачи, которыя мы должны исполнять по своемъ возрожденіи [1]). (Ст. 1—10). Особенно должны благодарить Бога за это дѣло Его язычники, ибо они не были даже какъ слѣдуетъ подготовлены къ полученію столь великой благодати. Именно, они не имѣли Христа, т. е. пророчествъ о Мессіи, не жили тою благоустроенною жизнію теократическаго государства, какою жили евреи, не вступали въ такой союзъ съ Богомъ, при которомъ бы Богъ обѣщался непремѣнно исполнить свои обѣтованія и проклятіе, тяготѣвшее надъ людьми, превратить въ благословеніе. Будучи исключены изъ числа получавшихъ божественныя обѣтованія, они вслѣдствіе этого не имѣли никакой надежды на лучшее будущее и, что самое важное, были оставлены Богомъ безъ помощи [2]). (Ст. 11—12). Теперь же, чрезъ кровь Христову, язычники стали близки къ Богу, ибо Христосъ есть не только примиритель, дѣло котораго можетъ послѣ разрушиться, но самый миръ (ἡ εἰρήνη) т. е. дѣйствительно и на всегда примиряетъ человѣчество съ Богомъ и изъ двухъ противоположныхъ его половинъ дѣлаетъ одно гармонически-устроенное цѣлое—Церковь. Какимъ образомъ совершилось это сліяніе двухъ враждовавшихъ между собою частей человѣчества—іудеевъ и язычниковъ? Христосъ не заставлялъ язычника уподобляться іудею и такимъ способомъ сближаться съ народомъ обѣтованія. Напротивъ, Онъ, какъ бы имѣя предъ собою двѣ статуи, одну изъ серебра, другую изъ олова, превратилъ обѣ въ порошокъ и изъ этой смѣси уготовалъ новую статую т. е. произвелъ новую тварь. А такъ какъ іудеевъ отъ язычниковъ ограждалъ законъ, то Христосъ разрушилъ, уничтожилъ эту преграду, за которую

---

[1]) Но приписывая такъ много значенія благодати въ дѣлѣ нашего спасенія, апостолъ не преминулъ сказать, что для христіанина необходимо творить и добрыя дѣла *(да въ нихъ ходимъ)*.

[2]) Αθεος—тотъ, кто лишенъ Бога (ср. ἄλογος) и употребляется или въ дѣйствительномъ значеніи (забывающій, незнающій Бога) или въ страдательномъ (незнаемый Богомъ).

не позволялся входъ язычникамъ какъ нечистымъ, разрушилъ тѣмъ, что упразднилъ, лишилъ всякой силы и значенія ту вражду, которую возбуждалъ между іудеями и язычниками законъ,—не законъ, имѣющій по своему идеальному содержанію вѣчное значеніе (Рим. 7, 10), но законъ заповѣдей, высказанныхъ какъ догматы, какъ повелѣнія, которыя подъ страхомъ наказанія необходимо исполнять всякому человѣку [1]) (ст. 13—15). Составивъ такимъ образомъ изъ двухъ половинъ человѣчества одно тѣло — Церковь, Христосъ примирилъ обѣ съ Богомъ на крестѣ Своемъ, убивши ту вражду, какая до Него существовала между Богомъ и грѣшнымъ человѣкомъ, и послѣ воскресенія, являясь Своимъ ученикамъ, а по вознесеніи на небо, разсылая ихъ на проповѣдь, возвѣстилъ объ этомъ примиреніи всему міру. А что примиреніе людей съ Богомъ и между собою дѣйствительно совершилось—это видно изъ того, что всѣ—и іудеи и язычники чрезъ Христа, какъ перваго виновника ихъ спасенія, приступаютъ къ Богу Отцу, будучи руководимы однимъ, ко всѣмъ одинаково относящимся Духомъ Святымъ и, слѣдовательно, въ полномъ взаимномъ мирѣ (16—18). Итакъ,—изъ всего выше сказаннаго, заключаетъ ап.,—вы, язычники, теперь уже не странники и не пришельцы т. е. не похожи на тѣхъ, которые жили среди Израиля, не пользуясь тѣми гражданскими правами, какими пользовался всякій израильтянинъ. Конечно, и прежде язычники нѣкоторымъ образомъ входили въ область божественнаго домостроительства, ибо въ Адамѣ, Ноѣ и Авраамѣ Богъ предназначилъ къ благословенію весь родъ человѣческій (Рим. 4, 13 и сл.; Быт. 22, 17); но язычники въ домѣ Божіемъ всетаки не были своими: они только были тутъ терпимы (Рим. 3, 25). Теперь же, съ уничтоженіемъ іудейской теократіи, право быть согражданиномъ святыхъ (т. е. христіанъ) и право быть членомъ семьи, а не пришлымъ гостемъ (ξένος) въ домѣ

---

[1]) ἐν δόγμασι относится такимъ образомъ къ τὸν νόμον τῶν ἐντολῶν и δόγμα въ Св. писаніи ни гдѣ не употребляется для озяаченія христіанскаго вѣроученія: такой смыслъ приданъ этому слову уже въ позднѣйшее время. И русскій переводъ Н. Завѣта переводитъ глаголъ δογματίζεσθαι выраженіемъ: держаться постановленій. См. Кол. 2, 20.

Божіемъ получили наравнѣ съ іудеями и язычники (ст. 19). Назвавъ бывшихъ язычниковъ домашними Бога (οἰκεῖοι τοῦ θεοῦ), ап. продолжаетъ свое изображеніе развитія церкви, составившейся изъ этихъ бывшихъ язычниковъ, пользуясь *терминами, заимствованными изъ строительнаго дѣла*. Христіане изъ язычниковъ мало того, что находятся въ домѣ Божіемъ: они удостоены такой чести, что послужили камнями, изъ которыхъ строится домъ для Самого Бога. Домъ этотъ или Церковь строится на фундаментѣ (ἐπὶ τῷ θεμελίῳ), который заложенъ былъ апостолами, проповѣдовавшими о Христѣ (ап. называетъ ихъ также пророками потому, что они возвѣщали откровенія Божіи міру, и для того, чтобы показать, что увѣровавшіе язычники ни чѣмъ не умалены были противъ евреевъ, имѣвшихъ пророковъ), но основнымъ, краеугольнымъ камнемъ своимъ имѣетъ Самого І. Христа. По представленію апостола, это построеніе дома для Бога или возрастаніе Церкви возможно только тогда, когда части ея будутъ твердо прикрѣплены одна къ другой: иначе, если напр. нижнія части зданія будутъ не тверды, то и тѣ, которыя возведены на верху, также не будутъ прочными. Такимъ образомъ требуется краеугольный камень совершенно надежный, который бы прочно скрѣплялъ двѣ сходящіяся подъ угломъ стѣны, а такимъ камнемъ и можетъ быть только Христосъ. Предѣлъ роста этого зданія ап. указываетъ тутъ же: зданіе должно сдѣлаться въ концѣ концовъ святымъ храмомъ (ст. 20 — 21). Въ частности, и ефесяне употребляются обитающимъ въ нихъ Духомъ Божіимъ какъ матеріалъ для построенія жилища Самому Богу (ст. 22). Такъ велика благодать, дарованная Богомъ Ефесянамъ!

ГЛАВА 3-я.

Служеніе апостола языковъ и его молитва о вѣрующихъ.

Чтобы пособить язычникамъ достигнуть ихъ высокаго назначенія (быть храмомъ или жилищемъ Бога, Τούτου χάριν), апостолъ Павелъ сдѣлался узникомъ І. Христа т. е. для

этой цѣли Христосъ возложилъ на него бремя страданій (ст. 1). Имѣя въ виду, что посланіе его будетъ читаться не только среди хорошо знавшихъ его ефесянъ, но и въ окрестныхъ церквахъ, апостолъ при этомъ считаетъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя главнѣйшія свѣдѣнія о задачѣ, которую ему предлежитъ исполнить въ отношеніи къ язычникамъ. Именно, намѣреваясь предложить имъ нравственныя наставленія, апостолъ, чтобы поднять свой авторитетъ въ глазахъ не слыхавшихъ его христіанъ, напоминаетъ имъ о чрезвычайномъ проявленіи благодати, какое имѣло мѣсто при его обращеніи ко Христу, о которомъ они, конечно, слышали. Но то, что имъ извѣстно по слухамъ объ особомъ откровеніи, сообщенномъ Павлу, они могутъ подтвердить для себя внимательнымъ чтеніемъ того, что апостолъ вкратцѣ изложилъ въ началѣ посланія (2—4 ст.). Авторитетъ апостола Павла подтверждается и самымъ содержаніемъ открытой ему тайны. Эта тайна Христова, т. е. тайна спасенія язычниковъ, совершеннаго Христомъ, такъ высока, что ее нельзя было открыть даже самымъ святѣйшимъ мужамъ Ветхаго Завѣта. Никто до апостоловъ не зналъ, что и язычникамъ въ совѣтѣ Божіемъ суждено принять ближайшее и дѣйствительное участіе въ спасеніи, которое долженъ былъ совершить Мессія-Христосъ: образъ единой, изъ Израиля и не-Израиля составившейся Церкви, въ которой всѣ члены пользовались бы равными правами и стояли въ одинаковомъ отношеніи къ Богу,—такой образъ ни разу не былъ съ ясностію начертанъ въ Ветхомъ Завѣтѣ (ст. 5—6). Какъ высоко теперь служеніе апостола, который благовѣствуетъ объ этой тайнѣ! То, что долго оставалось сокровеннымъ для всѣхъ, апостолъ открываетъ, именно показываетъ все величіе и разнообразіе премудрости Божіей, которая вводитъ въ процессъ истинно-христіанскаго развитія и язычниковъ. Мало того, даже высшія небесныя силы узнаютъ премудрость Божію въ самомъ высшемъ ея проявленіи только чрезъ фактъ основанія Церкви Христовой (διὰ τῆς ἐκκλησίας): такъ было рѣшено въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ (7—12 ст.). Если же читатели смущаются бѣдственнымъ состояніемъ апостола, то они должны все-таки помнить, что онъ подъемлетъ скорби ради нихъ, для ихъ блага. Пусть они утвер-

дятъ въ своемъ сердцѣ убѣжденіе, что страданія апостола будутъ имѣть благопріятный исходъ, и тогда, выражая такое убѣжденіе, они пріобрѣтутъ славу и почетъ (ст. 13). Сознавая величіе возвѣщенной язычникамъ тайны и важность ихъ обращенія ко Христу *(сего ради)*, ап. горячо молится въ своемъ заключеніи, чтобы Отецъ Господа нашего І. Христа, отъ Котораго зависитъ всякій родъ существъ, какъ небесныхъ и земныхъ *(всяко отечество именуется)*, и отъ Котораго слѣд. и христіане изъ язычниковъ могутъ ожидать благодатной помощи,—чтобы Богъ укрѣпилъ въ нихъ христіанское мужество (ст. 14—16). Апостолъ, впрочемъ, не довольствуется просьбою объ укрѣпленіи ефесянъ. Онъ молитъ Бога о томъ, чтобы Самъ Христосъ соблаговолилъ постоянно пребывать (κατοικῆσαι—въ противоположность временному воздѣйствію Св. Духа) въ сердцахъ ефесянъ, если только они будутъ питать въ себѣ вѣру (ст. 17). Сообщивъ содержаніе своей молитвы, апостолъ вслѣдъ за тѣмъ указываетъ и на конечную цѣль ея. Онъ желаетъ именно, чтобы ефесяне, подобно растенію, укоренились на почвѣ любви и на этой же почвѣ заложили фундаментъ своего христіанскаго развитія (Ἐν ἀγάπῃ ἐρριζωμένοι καὶ τεθεμελιωμένοι. Эта любовь—взаимная любовь христіанъ, которая основывается на вѣрѣ и вмѣстѣ даетъ ключъ къ уразумѣнію любви Христовой (Кол. 2, 2), потому что только любящій понимаетъ любовь). Они какъ спасеніе получили общее для всѣхъ, такъ должны усвоить всѣ и надлежащее понятіе о немъ, именно постигнуть любовь Христову во всемъ ея объемѣ, понять, что она не есть любовь односторонняя, а простирается на всѣхъ и на все, по всѣмъ направленіямъ, что она выше и обильнѣе, чѣмъ всѣ наши представленія о ней. Наконецъ, ефесяне должны съ надеждою на успѣхъ стремиться наполнить себя всевозможными совершенствами, такъ чтобы уподобиться Богу (ст. 18—19, ср. 1 Іоан. 3, 2; 1 Петр. 1, 4). Свою молитву апостолъ заканчиваетъ восхваленіемъ Всемогущаго (ст. 20—21).

ГЛАВА 4-я.

Основанія и правила христіанской жизни.

Изобразивъ выше, что даровалъ ефесянамъ Богъ, апостолъ теперь, въ нравоучительной части своего посланія, говоритъ о томъ, чѣмъ должны христіане отблагодарить Бога за Его чудные дары и благословенія. Христіански-святая жизнь есть, по апостолу, необходимый плодъ увѣровавшаго во Христа и осѣненнаго благодатію сердца и потому апостолъ, которому его узы за Христа даютъ особый авторитетъ, увѣщаетъ ефесянъ поступать достойно того состоянія, къ которому они призваны. А какъ высоко ихъ призваніе, состояніе—ефесяне могутъ видѣть изъ того, что апостолъ сказалъ выше: они прежде сложенія міра были предназначены къ усыновленію Богу, по обращеніи ко Христу, запечатлѣны Духомъ Святымъ какъ законные наслѣдники небесныхъ благъ, изъ гостей и пришельцевъ сдѣлались настоящими гражданами и членами семьи въ домѣ Божіемъ. Чтобы не потерять этихъ преимуществъ, они должны проводить святую жизнь. Въ чемъ же состоитъ эта святость жизни? Во-первыхъ христіане должны всегда держать въ памяти и сердцѣ, что всѣми своими преимуществами они обязаны Единому Богу (смиренномудріе) и не превозноситься надъ другими; во-вторыхъ они должны быть кроткими въ отношеніи къ другимъ, служить другимъ. Даже еще болѣе,—они должны быть долготерпѣливы въ отношеніи къ разнаго рода оскорбленіямъ и, наконецъ, не просто снисходить другъ къ другу, но снисходить съ любовію, безъ которой снисхожденіе перестаетъ быть истинно-христіанскимъ. Нельзя не замѣтить, что апостолъ соединяетъ между собою добродѣтели смиренія и кротости, терпѣнія и снисхожденія. Дѣлаетъ онъ это потому, что эти добродѣтели, дѣйствительно, имѣютъ между собою внутреннюю связь, ибо кротость безъ смиренія была бы ложью. Но что такое смиреніе и кротость безъ терпѣнія, безъ постоянства? Могутъ-ли они въ такомъ случаѣ имѣть особенно-важные результаты? Не испортитъ-ли одно проявленіе нетерпѣливости трудъ долгихъ годовъ? На-

конецъ человѣкъ, привыкшій терпѣливо переносить оскорбленія, начинаетъ оказывать на дѣлѣ снисхожденіе къ чужимъ нуждамъ и слабостямъ (*терпяще*—ἀνεχόμενοι). Утвердившись въ этихъ добродѣтеляхъ, христіане получаютъ силу соблюдать единодушіе: послѣднее мыслимо только при вышеназванныхъ добродѣтеляхъ, которыя связываютъ прочный союзъ (συνδέσμῳ собственно-узломъ) мира, сдерживающаго и стягивающаго къ одному центру разныя составныя части Церкви (ст. 1—3). Единство духа христіане должны сохранять потому, что они составляютъ единое тѣло Христово, имѣютъ одного и того же Духа Святаго и питаютъ одну и ту же надежду на будущее прославленіе (ст. 4). Далѣе. Всѣ христіане находятся въ зависимости отъ одного Господа, всѣ имѣютъ одну и ту же вѣру (какъ общее всѣмъ нравственное расположеніе, какъ дѣтское довѣріе ко Христу въ отличіе отъ вѣры какъ убѣжденія и познанія, которой еще нужно достигать см. ст. 13). Всѣ посредствомъ крещенія во имя Св. Троицы вступили въ Церковь Христову и, наконецъ, всѣ одинаково имѣютъ въ Богѣ Отца, Который всегда одинъ и тотъ же, будемъ-ли мы Его представлять сущимъ надъ всѣми, т. е. возвышающимся надъ міромъ, или обнаруживающимъ себя во всемъ мірѣ или, наконецъ, пребывающимъ въ христіанахъ (ст. 5—6).

Но хотя благодать или, вѣрнѣе, источникъ ея для всѣхъ христіанъ одинъ и тотъ же, однако они изъ этого источника получаютъ различныя дарованія, которыя, впрочемъ, Христосъ раздѣляетъ не по какимъ-либо заслугамъ людей, а по Своему собственному разсужденію (ст. 7). Что Христосъ имѣетъ полное право и возможность такъ поступать—это было сознаваемо еще святыми мужами Ветхаго Завѣта, ибо въ псалмѣ 67 (мессіанскомъ) было предуказано, что Мессія-Христосъ завладѣетъ плѣнниками, которыхъ имѣлъ врагъ Его, и потомъ поведетъ ихъ за Собою въ тріумфальномъ шествіи, а затѣмъ этимъ людямъ раздастъ дары, какіе онъ для нихъ пріобрѣлъ. [1]) Разъясняя, какъ велика власть

[1]) Почему апостолъ измѣняетъ слова псалма до перемѣны ихъ ближайшаго смысла (вмѣсто «принялъ дары для человѣковъ» онъ говоритъ «далъ дары»)—на этотъ вопросъ отвѣтить весьма трудно. Вѣроятнѣе все-

тріумфатора-Христа, ап. изъ выраженія псалма „взыде" (ἀνέβη) выводитъ заключеніе, что Христосъ прежде сошелъ въ самые крайніе предѣлы бытія, въ страны, низшія земли, т. е. въ преисподнюю, для того, чтобы все, отъ низу до верху, подчинить Своей власти, все наполнить Собою и потомъ уже явиться всевластнымъ раздаятелемъ даровъ [1]) (ст. 8—10). Поэтому Онъ именно, а не кто-нибудь другой, имѣлъ полное право учредить въ Церкви особыя служенія, при помощи которыхъ Церковь должна рости и усовершаться въ познаніи Христа. Апостолъ перечисляетъ четыре вида этихъ служеній. Это: 1) апостольство, полагающее основаніе для жизни Церкви; 2) служеніе пророковъ, разъясняющихъ ученіе, сообщенное апостолами, и примѣняющихъ его къ различнымъ обстоятельствамъ жизни вѣрующихъ; 3) служеніе евангелистовъ, распространяющихъ это ученіе по разнымъ странамъ міра, и 4) служеніе пастырей и учителей (при ποιμένας καὶ διδασκάλους стоитъ только одинъ членъ, что указываетъ въ обоихъ названіяхъ одинъ видъ служенія), сохраняющихъ ученіе апостоловъ. Цѣль, для достиженія которой Господь учредилъ эти служенія, состоитъ въ томъ, чтобы святые или христіане были доводимы до совершеннаго соотвѣтствія съ предначертаннымъ въ ихъ призваніи идеаломъ (πρὸς τὸν καταρτισμὸν των αγιων), а дѣло всѣхъ этихъ служителей Церкви, на которое ихъ поставилъ Христосъ, есть дѣло служенія (διακονίας), при помощи котораго созидается тѣло Христово или постепенно возрастаетъ Церковь

го предположеніе, что ап. принялъ при этомъ во вниманіе поводъ, по которому былъ составленъ Давидомъ этотъ мессіанскій псаломъ. Давидъ въ то время одержалъ побѣду надъ врагами и добычу, взятую у враговъ, назначилъ на построеніе храма Богу (2 Цар. 8, 11 и сл. 1 Пар. 19, 8 и 11). Но какъ Давидъ принялъ дары отъ побѣжденныхъ для того чтобы отдать ихъ на храмъ, такъ и Христосъ получилъ въ свою власть всѣ блага небесныя для того чтобы раздавать ихъ, по Своему изволенію, вѣрующимъ въ Него и созидать такимъ образомъ храмъ Богу или Церковь. Слѣдов., ап. излагаетъ не буквальный, а внутренній смыслъ псалма.

[1]) Что Христосъ возшелъ на небо съ земли, а не изъ ада—это не можетъ говорить противъ правильности такого объясненія, ибо апостолъ не исторію Христа намъ сообщаетъ, а указываетъ только на предѣлы, до какихъ простирается Его власть.

чрезъ укрѣпленіе прежнихъ ея членовъ и чрезъ присоединеніе новыхъ (εἰς οἰκοδομὴν τοῦ σώματος τοῦ Χρ.). Дѣятельность всѣхъ этихъ носителей благодатныхъ даровъ и, конечно, ихъ преемниковъ закончится только тогда, когда будетъ достигнута послѣдняя, высшая цѣль существованія Церкви—именно, когда всѣ члены ея будутъ имѣть вѣру во Христа одинаковой ясности и чистоты и одинаковыя представленія о Его величіи, когда, слѣдовательно, прекратятся всякіе споры о вѣрѣ и главное въ христіанской жизни—ученіе о лицѣ Христа для всѣхъ будетъ одинаково ясно. Тоже самое говоритъ апостолъ и далѣе, опредѣляя эту цѣль образно какъ вступленіе въ зрѣлый возрастъ и достиженіе мѣры полнаго возраста Христова. Въ послѣднемъ опредѣленіи указывается, очевидно, на такое желаемое состояніе Церкви, когда она вся была бы проникнута всѣми силами Христовыми. Въ концѣ концовъ вѣрующіе такъ должны утвердиться въ истинной вѣрѣ и познаніи, чтобы не позволять себя увлечь никакимъ лжеученіемъ, какъ бы коварно оно ни было. Вмѣсто этого они, пребывая постоянно въ истинѣ, не отступая отъ нея (истинствующе—ἀληθεύοντες), будутъ при всякомъ новомъ шагѣ на пути христіанскаго развитія, совершаемомъ подъ дѣйствіемъ любви къ Богу и ближнимъ (ἐν ἀγάπῃ αὐξήσωμεν), имѣть въ виду одного Христа, Своего главу и руководителя (ст. 11—15). Но христіане, возращая все во Христа, не въ себѣ самихъ, а во Христѣ имѣютъ основаніе для своего роста, растутъ изъ Него. (Подобно этому и тѣло, сообщающее головѣ все, что въ немъ происходитъ, отъ головы же т. е. отъ ума получаетъ направленіе и указанія). При помощи Христа только возможно гармоническое соединеніе различныхъ существующихъ въ Церкви дарованій (*союзъ подаянія* ἁφῆς τῆς ἐπιχορηγίας). Такимъ союзомъ связанное общество растетъ къ своему созиданію при помощи любви, въ силу которой каждый членъ общества приноситъ въ общее дѣло всю данную ему энергію (*по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части*) Такъ изображаетъ апостолъ тотъ идеалъ, къ которому должна стремиться Церковь и осуществленію котораго должны помогать ея служители (ст. 16).

Возвращаясь теперь къ увѣщанію, которое начато въ

1-мъ стихѣ, апостолъ убѣждаетъ ефесянъ не поддаваться соблазнамъ прежней, языческой ихъ жизни. Эта жизнь самая печальная: умственная способность язычниковъ (τȣ νοός) обращена на служеніе суетѣ, ничтожеству и въ частности разсудочная сторона этой способности (διανοία) помрачена; съ умственнымъ помраченіемъ тѣсно связано и нравственное, ибо язычники вслѣдстіе Богоотчужденія перестали жить чистою, нравственною жизнью. Причиною перваго явленія былъ недостатокъ Боговѣдѣнія, который какъ бы по наслѣдству передавался отъ одного поколѣнія къ другому (την ἄγνοιαν τὴν οὖσαν ἐν αὐτοῖς), причиною второго—притупленіе нравственнаго чувства (διά τὴν πώρωσιν τῆς καρδίας). Ближе изображая это притупленіе, ап. говоритъ, что язычники потеряли способность чувствовать боль (ἀπηλγηκότες) т. е. скорбь при видѣ того позора, въ какомъ они находились вслѣдствіе своихъ пороковъ, и потому предались полной распущенности; чувственность ихъ перестала стѣсняться какими бы то ни было границами и выражалась главнымъ образомъ въ безнравственныхъ поступкахъ и въ корыстолюбіи (ст. 17—19) [1]. Но ефесскіе христіане изъ проповѣди о Христѣ узнали, что въ христіанствѣ подобные пороки не мыслимы (*вы же не тако познасте Христа*), если только (εἴγε), конечно (а это для апостола несомнѣнно), ученіе о томъ, какова должна быть жизнь истиннаго послѣдователя Іисуса, изложено имъ въ истинномъ видѣ (*якоже есть истина о Іисусѣ*). Напротивъ, ветхій человѣкъ, т. е. ихъ прежній, языческій строй внутренней жизни долженъ быть отложенъ въ сторону какъ старая одежда, не подходящая къ ихъ новому высокому положенію. (Этотъ ветхій человѣкъ еще живъ, но самъ стремится къ смерти, поддаваясь похотямъ, которыя производитъ обманъ и которыя только благодаря помощи обмана, представляющаго ихъ не тѣмъ, чѣмъ они есть по своему существу, прельщаютъ, увлекаютъ за собою человѣка). Христіанинъ, какъ призванный къ новой жизни, долженъ начать свое обновленіе съ

[1]) Невоздержаніе и корыстолюбіе возникаютъ одинаково изъ нѣдра чувственности и различаются между собою только тѣмъ, что послѣднее предполагаетъ спокойное обладаніе предметомъ, а первое ищетъ минутнаго наслажденія имъ.

того, что составляетъ самый высшій пунктъ его внутренней жизни, именно съ духа ума (τῷ πνεύματι τοῦ νοὸς), который есть начало разумной жизни, отличающее человѣка отъ животныхъ Дѣйствіе, которымъ сопровождается это обновленіе, изображается подъ видомъ одѣянія въ новаго человѣка. Ап. хочетъ сказать, что человѣкъ долженъ одѣться, долженъ стать такимъ, который бы былъ, дѣйствительно, новымъ твореніемъ Божіимъ, созданнымъ по образу Божію, какъ и первый, вышедшій изъ рукъ Творца совершеннымъ, человѣкъ. И какъ въ ветхомъ человѣкѣ обольщающій грѣхъ порождалъ гибельныя похоти, такъ въ новомъ человѣкѣ усвоенная имъ истина, т. е. совершенно правильныя воззрѣнія на вещи будутъ порождать правду въ отношеніи къ людямъ (δικαιοσύνῃ) и святость или благовѣніе въ отношеніи къ Богу (ὁσιότητι). Послѣ этихъ общихъ увѣщаній о томъ, какъ должно обновляться внутреннее существо христіанъ (20—24 ст.), апостолъ далѣе изображаетъ тѣ признаки, по какимъ можно узнать человѣка, въ которомъ это обновленіе уже совершается. Такой человѣкъ не позволяетъ себѣ говорить ложь, которая разрушаетъ довѣріе, существующее между членами одного и того же общества, и этимъ самымъ разрушаетъ общественную жизнь (ст. 25). Онъ не позволяетъ себѣ въ своемъ гнѣвѣ доходить до грѣха и старается прекратить его какъ можно скорѣе, потому что иначе посредствомъ этой страсти діаволъ можетъ найти доступъ къ душѣ его (ст. 26—27). Онъ не доходитъ до воровства, какъ часто случалось съ язычниками, не хотѣвшими работать (ст. 28), не говоритъ пустыхъ рѣчей, которыми можно оскорбить живущаго въ насъ Духа Божія, даннаго намъ какъ залогъ для того чтобы предъявить его въ день искупленія или полученія небеснаго наслѣдства (εἰς ἡμέραν ἀπολυτρώσεως ст. 29—30 ср. 1, 13), и устраняетъ всякія причины, производящія грѣхи языка, воспитывая вмѣсто того въ себѣ противоположныя имъ добродѣтели (ст. 31—32).

ГЛАВА 5-я.

Продолженіе увѣщаній къ освященію жизни.

Первые два стиха 5-й главы составляютъ заключеніе предшествующаго увѣщанія. Въ отношеніи другъ къ другу, въ прощеніи другъ другу грѣховъ христіане должны подражать Самому Богу, конечно, насколько это возможно для ограниченнаго существа (ст. 1). Примѣромъ такой высокой любви долженъ служить для насъ Христосъ, Который совершенно свободно принесъ Себя за насъ Богу (въ приношеніе—προσφοράν) и притомъ предалъ Себя какъ жертву примиренія (θυσία ст. 2). Вслѣдъ затѣмъ ап. начинаетъ новое увѣщаніе, направляя рѣчь противъ причастія христіанъ языческимъ порокамъ. Вмѣсто того чтобы находить удовольствіе во всякихъ, особенно непристойныхъ шуткахъ, (что Плавтъ (римскій поэтъ) подмѣтилъ въ ефесянахъ), христіане должны проводить время въ благодареніи (благо есть славить Господа, и пѣть имени твоему, Всевышній,—говоритъ псалмопѣвецъ въ пс. 91 ст. 2). Тѣ же, которые ведутъ языческій образъ жизни и этимъ дѣлаются служителями *ложныхъ* боговъ, теряютъ право на участіе въ царствѣ Христовомъ, потому что оно есть въ тоже время царство *истиннаго Бога* (ст. 3 — 5). Поэтому читатели не должны слушать пустыхъ, бездоказательныхъ рѣчей язычниковъ, уговаривающихъ христіанъ къ участію въ ихъ жизни (ст. 6—7). Чадамъ свѣта—символа чистоты, святости, блага, неприлично быть сообщниками чадъ тьмы. Какъ рожденные отъ свѣта христіане должны жить свѣтлою, т. е. святою жизнію, тѣмъ болѣе что такая жизнь приноситъ величественные плоды: она обнаруживается во всякихъ видахъ благости, которою человѣкъ уподобляется Всеблагому Богу, въ праведности, противоположной невоздержанію и корыстолюбію, и въ истинѣ, противоположной языческой лжи и обольщенію (8—9 ст.). Это хожденіе во свѣтѣ должно непремѣнно сопровождаться постояннымъ разслѣдованіемъ того, что справедливо и что нѣтъ, что угодно Богу, а не людямъ (ст. 10). Возвращаясь къ наставленію ст. 7-го, ап. убѣждаетъ христіанъ не имѣть общенія съ дѣлами безплодными тьмы. Онъ, оче-

видно, хочетъ этимъ сказать, что какъ физическій свѣтъ способствуетъ рости цвѣтамъ и созрѣвать плодамъ, такъ тьма, отсутствіе свѣта не сопровождается такими дѣйствіями: результаты ея безплодны или безполезны. Такъ бываетъ и въ духовной области жизни. Но христіане въ отношеніи къ такимъ дѣламъ не должны ограничиваться только удаленіемъ отъ нихъ: они обязаны прямо и открыто высказать на словахъ свой судъ надъ ними (ст. 11). Не слѣдуетъ думать, будто въ этомъ случаѣ апостолъ предъявляетъ слишкомъ большія требованія. Ибо если обратить вниманіе на тѣ безнравственные поступки, которые совершаюся тайно въ язычествѣ и которые христіанину и назвать по имени не прилично, то представится полная необходимость обнаружить всю строгость обличенія язычниковъ за ихъ пороки (ст. 12); притомъ отъ этого обличенія, кромѣ добра, никакихъ иныхъ послѣдствій нельзя ожидать. Общеизвѣстный фактъ, что всякій порокъ, когда онъ служитъ предметомъ обличенія, чрезъ это самое обнаруживается, выводится на видъ всѣхъ тѣмъ свѣтомъ тѣмъ нравственнымъ сознаніемъ и убѣжденіемъ, которое побуждаетъ къ обличенію (*отъ свѣта являются*). Съ порока и зла спадаетъ та маска, которою онъ прикрывался и прельщалъ людей, ибо все, всякій порокъ, будучи обнаруженъ, выставляется на видъ всѣхъ такимъ, какимъ онъ есть по существу (*все бо являемое свѣтъ есть* ст. 13). Посему-то т. е. такъ какъ грѣхъ обличить, выставить во всемъ его отвратительномъ видѣ не трудно, Богъ и обращается къ грѣшникамъ съ воззваніемъ отрѣшиться отъ грѣховной жизни, представляя это дѣломъ также легкимъ. Христіанинъ, нравственныя силы котораго какбы скованы сномъ, долженъ возстать, а тотъ, кто совсѣмъ погрузился въ бездну духовной смерти, долженъ воскреснуть подъ дѣйствіемъ оживляющей силы евангелія, и тогда Христосъ просвѣтитъ его Своимъ свѣтомъ т. е. проститъ ему грѣхи и дастъ силы совершать свое нравственное обновленіе (ст. 14) [1]).

---

[1]) Въ изреченіи: востани спяй... апостолъ свободно соединяетъ нѣкоторыя мѣста изъ книги пр. Исаіи (52, 1: востань; 26, 19: воскреснутъ мертвые; 60, 1: ибо придетъ твой свѣтъ и слава Господня тебя осіяетъ) и потому приписываетъ это изреченіе Самому Богу (λέγει ср. гл. 4, 8).

Сравнивъ такимъ образомъ жизнь дѣтей свѣта и дѣтей тьмы, апостолъ убѣждаетъ первыхъ къ осторожности (въ обращеніи съ послѣдними), которой должна научать ихъ христіанская мудрость. Эта мудрость должна научить христіанъ также тому, что они должны воспользоваться временемъ настоящей жизни, покупать время для христіанскихъ цѣлей, потому что безъ уроковъ *этой мудрости* трудно совершить покупку времени, находящагося въ рукахъ у лукаваго [1]) духа (ст. 15—16). Получая указанія отъ мудрости относительно нравственной цѣли жизни, христіанинъ долженъ также сдѣлаться разсудительнымъ т. е. изыскивать практическія средства для достиженія указанной ему цѣли и прежде всего сдѣлать для себя яснымъ то, что требуетъ отъ него Господь (ст. 17). Но для успѣха въ этомъ изслѣдованіи *нужно* устранить все, что мѣшаетъ человѣку сосредоточиться мыслію, и прежде всего страсть къ вину, отъ которой (ἐν ᾧ относится не къ одному οἴνῳ, а къ μὴ μεθύσκεσθε οἴνῳ) человѣкъ впадаетъ въ совершенную нравственную распущенность (ἀσωτία). Вмѣсто мгновеннаго возбужденія духовныхъ силъ, которое бываетъ слѣдствіемъ опьяненія, апостолъ убѣждаетъ христіанъ къ исполненію себя Духомъ Божіимъ, которое необходимо для полнаго развитія духовной жизни христіанина. И если слѣдствіемъ частаго опьяненія виномъ бываетъ распущенность, то слѣдствіемъ исполненія Духомъ – святое, христіанское одушевленіе: христіане будутъ обращаться другъ къ другу (λαλοῦντες ἑαυτοῖς) [2]) съ псалмами т. е. христіанскими пѣснопѣніями, составленными по образцу ветхозавѣтныхъ псалмовъ (1 Кор. 14, 15. 26), съ гимнами или хвалебными пѣснями и одами духовными т. е. по конструкціи похожими на прежнія мірскія пѣсни, но по Духу, ихъ вдохновляющему, отличными отъ тѣхъ. Такимъ образомъ полнота духа выражается въ полнотѣ пѣсней. При этомъ слова пѣсней должны находить себѣ откликъ и въ сердцахъ поющихъ, которые должны всѣ свои мысли устрем-

---

[1]) πονηρός у ап. Павла всегда относится къ злому духу (см. гл. 6, 13).

[2]) λαλεῖν ἑαυτοῖς указываетъ на взаимостороннее, перемѣнное пѣніе (антифоны).

лять къ Господу I. Христу (ст. 18—19). За тѣмъ истинно христіанское одушевленіе выражается въ постоянномъ, всю жизнь и всѣ ея явленія обнимающемъ благодареніи Богу, которое не могутъ ослабить никакія невзгоды (ибо христіанинъ знаетъ, что все въ жизни служитъ ему во благо Рим. 8, 28) Но такъ какъ Отца мы познаемъ чрезъ Сына, то ап. и убѣждаетъ христіанъ благодарить Бога какъ Отца во имя или чрезъ I. Христа (ст. 20). Наконецъ, христіане, исполняемые Духомъ Божіимъ, не должны уничтожать естественныхъ и исторически-сложившихся различій между членами общества, изъ страха оскорбить Бога (*повинующеся другъ другу въ страсѣ Божіи*), тогда какъ опьяненіе заставляло язычника забывать о всякихъ правилахъ общественной жизни, сокрушало всякія границы, которыя обезопашиваютъ личность ближняго (ст. 21).

Отъ общаго увѣщанія къ взаимному повиновенію апостолъ переходитъ къ частнымъ и прежде всего говоритъ о взаимномъ отношеніи христіанскихъ супруговъ. Обращаясь прежде всего къ женамъ, какъ къ такимъ, которыя имѣютъ ближайшее, чѣмъ мужья, отношеніе къ семейной жизни, апостолъ увѣщеваетъ ихъ подчиняться своимъ мужьямъ не только въ силу того, что этому повиновенію учитъ природа, а въ силу того сознанія, что мужъ выше жены, что онъ служитъ для нея представителемъ возстановленной, облагороженной во Христѣ мужеской натуры. Мало того, въ семейной жизни мужъ для жены тоже, что Христосъ для Церкви (въ отношеніи къ домостроительству нашего спасенія). И хотя Христосъ есть Спаситель тѣла т. е. Церкви, чѣмъ никогда въ отношеніи къ своей женѣ не можетъ быть мужъ, однако (Ἀλλ') жена должна повиноваться мужу во всѣхъ отношеніяхъ, какъ церковь повинуется Христу (ст. 22—24). Если въ брачномъ союзѣ первый долгъ жены—послушаніе мужу, то первый долгъ мужа—любовь къ женѣ, конечно, потому, что какъ властолюбіе жены разрушаетъ семейный миръ, такъ при самолюбіи мужа невозможно правильное теченіе семейной жизни. Какъ церковь, повинующаяся Христу, служитъ примѣромъ для жены, такъ Христосъ съ Своею любовію къ Церкви—примѣромъ для мужа. Апостолъ такимъ образомъ требуетъ отъ мужа полнаго самопожертвованія для

истиннаго блага жены (ст. 25). Чтобы разъяснить, когда именно требуется самопожертвованіе со стороны мужа, ап. указываетъ на цѣль, съ которою Христосъ предалъ Себя на смерть. Цѣль эта состояла въ томъ, чтобы освятить ее, очистивъ предварительно таинствомъ крещенія, при которомъ водное омовеніе было внѣшнимъ знакомъ того, что совершалось съ человѣкомъ внутри посредствомъ слова (ἐν ῥήματι) или евангелія, возвѣщеніе котораго, обыкновенно (Дѣян. 2, 38; 8, 36), предшествовало крещенію. А освятилъ Церковь такимъ образомъ Христосъ для того, чтобы (въ концѣ временъ, при второмъ Своемъ пришествіи) поставить ее около Себя какъ вполнѣ достойную Его невѣсту (παραστήσῃ), имѣющую всякія подобающія ей совершенства (ст. 26—27). Такою же должна быть и любовь мужа къ женѣ, она должна доходить до самого пожертвованія, но только въ такихъ случаяхъ, когда оно можетъ доставить женѣ истинное спасеніе. И тѣмъ болѣе мужья должны любить своихъ женъ, что они составляютъ ихъ тѣло, необходимую составную часть ихъ существа, ихъ личности (*любяй свою жену себя самаго любитъ*) [1]). А если жена есть тѣло мужа, то она можетъ быть справедливо названа плотію его; но быть врагомъ своего собственнаго организма—безуміе, и всякій человѣкъ, напротивъ, доставляетъ ему необходимую пищу и охраняетъ отъ вредныхъ вліяній (*питаетъ и грѣетъ*), какъ и Христосъ поступаетъ въ отношеніи къ Церкви (Онъ есть для нея хлѣбъ жизни (Іоанн. 6, 48) и пастырь добрый—10—11) и къ отдѣльнымъ ея членамъ, которые всѣ въ совокупности произошли отъ Его плоти и костей (ст. 28—30) [2]). Возвращаясь къ той мысли, что мужъ, любящій жену свою, любитъ себя самого (ст. 28), ап. въ этомъ находитъ объясненіе той непобѣдимой привязанности, какую мужъ чув-

---

[1]) Апостолу, очевидно, предносится здѣсь прежнее сравненіе Церкви съ тѣломъ, которое пополняетъ Христа см. 1, 23.

[2]) Ап. хочетъ сказать, что какъ первая жена въ своемъ естествѣ произошла отъ мужа во время его сна, такъ и Церковь выступила уже въ своихъ сверхъестественныхъ свойствахъ въ то время, когда Господь, предавъ Свой духъ Богу, висѣлъ мертвымъ на Крестѣ и когда плоть Его сдѣлалась источникомъ жизни для міра Іоан. 6, 51 и сл. 14, 18 и сл.

ствуетъ къ женѣ: такъ какъ онъ любитъ себя самого, а полноту своего существа находитъ только въ женѣ, то онъ и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ тою, которая составляетъ нѣчто необходимо ему принадлежащее. Тайна, заключающаяся въ словахъ перваго человѣка (Быт. 2, 24), велика т. е. они относятся не только къ тѣсному союзу между мужемъ и женою, но, по представленію апостола, предъуказываютъ на отношеніе Христа къ Его Церкви. Апостолъ не объясняетъ здѣсь, какъ именно въ отношеніяхъ Христа къ Церкви обнаруживается любовь супружескаго характера; но изъ того, что сказано имъ выше (ст. 26. 27. 29), это можно уже отчасти видѣть. Кромѣ того будетъ вполнѣ согласно съ ученіемъ апостола сказать въ объясненіе этого пункта, что Христосъ хотя и находится въ настоящее время на небѣ какъ въ родительскомъ домѣ, но постоянно влечется оттуда любовію къ своей супругѣ—Церкви, пребывающей на землѣ, и, подобно мужу, не найдетъ Себѣ совершеннаго успокоенія до тѣхъ поръ, пока снова не покинетъ небо и, сошедши на землю, приметъ Церковь, Свою чистую невѣсту, въ полное съ Собою общеніе (ст. 31—32). Впрочемъ (πλὴν)—говоритъ въ заключеніе апостолъ, оставляя раскрытіе указанной имъ тайны и возвращаясь къ главному предмету своей рѣчи—впрочемъ, и вы (ефесяне) любите своихъ женъ какъ себя самихъ, а жена пусть чувствуетъ тотъ-же страхъ предъ мужемъ, какой чувствуетъ Церковь предъ Господомъ (ἵνα φοβῆται ст. 33).

ГЛАВА 6-я.

Отношенія дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ. Отношенія между господами и рабами. Духовная борьба христіанъ съ злыми духами.

Изобразивъ отношенія супруговъ другъ къ другу, ап. естественно переходитъ къ вопросу объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ. Дѣти должны оказывать христіанское послушаніе (ἐν κυρίῳ) родителямъ, не только потому, что они

стоятъ въ физической и нравственной зависимости отъ послѣднихъ, но потому главнымъ образомъ, что этого требуетъ Законъ Божій (*сіе бо есть праведно*) въ пятой своей заповѣди, которая въ десятословіи первая сопровождается обѣщаніемъ награды за ея исполненіе (πρώτη ἐν ἐπαγγελίᾳ ст. 1—3) [1]). Отцы (о матеряхъ ап. не упоминаетъ потому, что направленіе воспитанію даетъ отецъ) не должны раздражать дѣтей несправедливою строгостью. Вообще въ дѣлѣ воспитанія (ἐν παιδεία) и въ частности въ наставленіяхъ (νυθεσία) родители должны ставить себя въ зависимость отъ Господа (χυρίυ—genit auctoris ст. 4). Такъ какъ въ древности рабы находились въ ближайшемъ отношеніи къ семьѣ господина, то ап. послѣ наставленій дѣтямъ и родителямъ обращается съ тѣмъ же къ рабамъ. Онъ увѣщеваетъ ихъ къ послушанію своимъ господамъ, потому главнымъ образомъ, что этого требуетъ отъ нихъ Христосъ (ὡς τῷ Χριςῷ); однако, въ противоположность древнему языческому воззрѣнію, ап. ограничиваетъ власть господина надъ рабомъ только плотскою природою послѣдняго и не признаетъ, чтобы господинъ имѣлъ права и надъ душою своего раба (χύριοι χατὰ σάρχα ст. 5—8). Такого же настроенія душевнаго требуетъ апостолъ и отъ христіанскихъ рабовладѣльцевъ (*таяжде творите къ нимъ*), которые должны совершенно оставить (ἀνιέντες) излишнюю суровость въ обращеніи (ст. 9). Все остальное, что̀ хотѣлось бы сказать апостолу (τὸ λοιπὸν), онъ соединяетъ въ послѣднемъ наставленіи. Представляя себѣ страшныя опасности, какимъ должны подвергаться въ мірѣ христіане, ап прежде всего убѣждаетъ ихъ находить себѣ опору и подкрѣпленіе въ Господѣ (ст. 10). Въ виду этого же ап. совѣтуетъ христіанамъ въ предстоящей имъ борьбѣ съ злыми силами, которыя дѣйствуютъ, стоятъ за людьми враждебными Церкви (за *плотью и кровью*), облечься во все оружіе, въ которомъ бы можно было смѣло выступить на встрѣчу страшному врагу — діаволу и всѣмъ его

---

[1]) Изъ того, что ап. прямо обращается къ дѣтямъ во имя Господа (Христа) и предполагаетъ въ нихъ знаніе заповѣдей можно съ вѣроятностью заключать о томъ, что въ апостольское время уже существовало крещеніе дѣтей и обученіе ихъ истинамъ христіанской вѣры.

многочисленнымъ пособникамъ. Эти силы ап. съ ироніей называетъ небесными (ἐν τοῖς ἐπȣρανίοις), вѣроятно, потому что они сами, по необузданной гордости, продолжали считать себя жителями неба (ср. Ис. 14, 12; Лук. 18, 10), въ дѣйствительности уже занятаго Христомъ (ср. 2, 6). Апостолъ при этомъ въ подробности говоритъ о бранныхъ доспѣхахъ христіанскаго воина. Послѣдній долженъ вооружиться крѣпкимъ убѣжденіемъ въ истинности того дѣла, за которое онъ борется (станите убо препоясани чресла ваша истиною), ибо только въ такомъ случаѣ у всякаго воина найдется достаточно энергіи для борьбы: это будетъ для него какъ бы поясомъ. Затѣмъ вмѣсто панцыря онъ долженъ запастись праведностью; вмѣсто воинскихъ сандалій, которыя дѣлали твердою походку воина, христіанинъ долженъ воспитать въ себѣ готовность къ тому, чтобы самымъ дѣломъ служить благовѣстію мира: это дастъ ему твердость и устойчивость въ борьбѣ. Вѣра въ Іисуса Христа и въ будущее блаженство послужитъ для него щитомъ, закрывающимъ все тѣло (θυρεὸν): вонзившись въ этотъ щитъ, стрѣлы діавола, концы которыхъ онъ зажигаетъ (для произведенія пожара въ непріятельскомъ лагерѣ), погаснутъ. Голову свою воинъ христіанинъ защититъ и вмѣстѣ украситъ щитомъ или выставитъ на видъ враговъ свою полную увѣренность въ полученіи совершеннаго спасенія. Наконецъ, для отраженія нападеній врага надежнымъ мечомъ въ рукахъ воина-христіанина служитъ слово Божіе, сила котораго достаточно выказалась уже въ исторіи искушенія Самого І. Христа; здѣсь, впрочемъ, ап., конечно, разумѣетъ уже не ветхозавѣтное, а новозавѣтное Слово Божіе (ст. 11 — 17). Борьбу самую слѣдуетъ начинать прилежной молитвою въ общеніи со Св. Духомъ (ἐν πνεύματι ср. Рим. 8, 26). Къ этому увѣщанію ап. присоединяетъ просьбу молиться за него, чтобы ему, какъ полномочному посланнику Христову, была предоставлена въ Римѣ такая же свобода какъ посланникамъ другихъ царей (ст. 18—20). Затѣмъ, рекомендаціей уполномоченнаго своего, Тихика, и благословеніемъ тѣмъ въ особенности, которые питаютъ неизмѣнную (ἐν ἀφθαρσίᾳ) любовь ко Христу, ап. заканчиваетъ свое посланіе (ст. 21 - 24).

О посланіи св. ап. Павла къ Филиппійцамъ.

Городъ Филиппы, къ христіанамъ котораго ап. Павелъ написалъ посланіе, находился въ Македоніи, при р. Стримонѣ, невдалекѣ отъ Эгейскаго моря, и былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ этой области, почему писатель книги Дѣяній и называетъ его первымъ (πρώτη 16, 12). Церковь въ *Филиппахъ была основана ап.* Павломъ во время второго его апостольскаго путешествія, когда онъ имѣлъ своими спутниками Силу, Тимоѳея и Луку. (Подробности этого пребыванія ап. въ Филиппахъ излагаются въ 16-й гл. Дѣяній Ап.). Затѣмъ въ послѣдующія посѣщенія (Дѣян. 20, 1 и сл.) апостолъ утвердилъ вѣру Филиппійцевъ. — Церковь филиппійская составилась главнымъ образомъ изъ языческихъ элементовъ, хотя впрочемъ въ нее входили и іудейскіе прозелиты, и представляла своимъ добрымъ христіанскимъ состояніемъ великое утѣшеніе для апостола. Тѣмъ болѣе поэтому для него прискорбно было видѣть, что этой благоустроенной церкви угрожаютъ довольно серьезныя опасности со стороны язычниковъ и іудеевъ (1, 28). Кромѣ того его безпокоили, вѣроятно, извѣстные ему планы его противниковъ—іудействующихъ, которые уже старались мѣшать успѣху его проповѣди въ Римѣ. Поэтому въ своемъ посланіи къ филиппійцамъ апостолъ хотѣлъ укрѣпить ихъ въ виду той и другой опасности. *Ближайшій же поводъ къ написанію* его подало отправленіе въ Филиппы посла тамошней церкви, Епафродита, который приносилъ ап. Павлу въ Римъ денежное пособіе отъ своей Церкви и, вручивъ его, отправлялся домой. — Мѣстомъ написанія посланія былъ городъ Римъ, какъ свидѣтельствуетъ преданіе и какъ даетъ видѣть самое положеніе апостола, изображаемое въ посланіи.—По принимаемому лучшими толкователями мнѣнію, посланіе написано въ 63-мъ году по Р. Х., въ первыя узы ап. Павла.— Въ посланіи ап., послѣ вступленія, извѣщаетъ читателей о своемъ положеніи, увѣщаетъ ихъ жить достойно принятаго ими евангелія, предостерегаетъ отъ лжеучителей, научаетъ христіанскимъ добродѣтелямъ и дѣлаетъ еще нѣкоторыя мелкія сообщенія.—Замѣтить нужно, что это посланіе имѣ-

етъ нѣкоторую особенность въ изложенiи. Рѣчь апостола отличается особенною задушевностью и увѣщанiя свои апостолъ высказываетъ какъ отецъ хорошо воспитаннымъ дѣтямъ. Но за то въ отношенiи къ лжеучителямъ онъ не щадитъ самыхъ рѣзкихъ выраженiй, называетъ ихъ напр. псами, предсказываетъ имъ погибель. Замѣчательны также и постоянныя повторенiя апостола о томъ, что онъ радуется, несмотря на свое печальное внѣшнее положенiе.

Изъясненiе посланiя къ Филиппiйцамъ.

ГЛАВА 1-я

Благодарственная молитва апостола за доброе состоянiе Филипiйской церкви. Изображенiе собственнаго положенiя апостола.

Обычное привѣтствiе читателямъ апостолъ шлетъ не только отъ себя, но и отъ имени своего спутника Тимоѳея, который помогалъ ему устроивать филиппiйскую Церковь. А упоминая въ привѣтствiи объ епископахъ (т. е. пресвитерахъ ср. Дѣян. 20, 28) и дiаконахъ ап., вѣроятно, хотѣлъ этимъ указать на лицъ, руками которыхъ собраны были представленныя ему пожертвованiя филиппiйцевъ (ст. 1—2). Затѣмъ ап. говоритъ, что онъ не можетъ вспомнить о филиппiйцахъ безъ чувства благодарности къ Богу. Благодаренiе апостола имѣетъ форму молитвеннаго прошенiя (δεήσεις), совершается постоянно и притомъ за всѣхъ членовъ Церкви, безъ различiя. Наконецъ, эта молитва апостола приносится имъ въ радостномъ, свѣтломъ настроенiи духа (ст. 3—4). За что же ап. выражаетъ такую благодарность Богу? За то, что филиппiйцы съ самаго дня своего обращенiя ко Христу до того момента, въ какой ап. пишетъ къ нимъ посланiе, обнаруживали горячее участiе (κοινωνία) къ дѣлу распространенiя евангелiя. Побуждаетъ апостола къ благодаренiю и увѣренность въ томъ, что Богъ, поселившiй въ сердцахъ филиппiйцевъ такое участiе (*дѣло благо*), поддержитъ его въ нихъ до 2-го пришествiя Iисуса Христа (ст. 5 — 6). Эта увѣренность апостола вполнѣ основательна, пото-

му что филиппійцы своимъ поведеніемъ показали себя достойными любви апостола, а гдѣ есть любовь, тамъ необходимо находитъ мѣсто и довѣріе. Апостолъ именно любитъ ихъ какъ сотоварищей своихъ, которые получили вмѣстѣ съ нимъ одинаковую благодать отъ Бога. Благодать эта состоитъ въ томъ, что они такъ же, какъ и апостолъ, носили узы за дѣло евангелія, защищались на судѣ (ἀπολογίᾳ) какъ обвиненные въ его распространеніи, и этимъ утвердили истинность своего исповѣданія (ст. 7, ср. 27—30). Самымъ сильнымъ доказательствомъ любви ап. къ филиппійцамъ можетъ служить то живое, горячее стремленіе (ἐπιποθῶ) которое влечетъ его къ филиппійцамъ и которое не есть только простой, человѣческій аффектъ, но святая любовь Христова (ἐν σπλάγχνοις Ἰησοῦ Χριστοῦ, ст. 8). [1]) Но благодаря Бога за прекрасное состояніе филиппійской церкви, ап. въ то же время молитъ Бога, чтобы эта Церковь дѣлалась все болѣе и болѣе совершенною. Ей не достаетъ еще способности составлять правильныя и ясныя сужденія о предметахъ (ἐν ἐπιγνώσει), безъ которой ихъ любовь остается слѣпою и можетъ принять ложное направленіе. Не достаетъ имъ также надлежащей опытности въ нравственной жизни, нравственнаго такта, который бы указывалъ, какъ должно поступить въ каждомъ затруднительномъ случаѣ жизни (πάσῃ αἰσθήσει·). А то и другое необходимо для того, чтобы сдѣлать различіе между добромъ и зломъ и такимъ образомъ сохранить внутреннюю чистоту и внѣшнюю безупречность, какія необходимы всякому, кто имѣетъ постоянно въ виду наступленіе дня Христова. Но разъ нравственная сила евангелія показала свое вліяніе и внутри и внѣ человѣка, то этотъ послѣдній не замедлитъ приносить плоды правды, т. е. совершать всякаго рода добрыя дѣла (ст. 10—11).

Переходя теперь къ изображенію своего положенія, о которомъ любящіе апостола филиппійцы, конечно, сильно тревожились, ап. сообщаетъ имъ прежде всего, что дѣло евангелія нисколько не пострадало вслѣдствіе его заключенія въ темницу. Напротивъ, всѣ солдаты изъ преторіанскихъ

[1]) Ап. въ посланіи къ Галатамъ (2, 20) говоритъ, что въ немъ живетъ Христосъ; отсюда понятно, почему онъ свою любовь называетъ Христовою.

казармъ, по очереди сторожившіе Павла, узнали и убѣдились, что онъ страдаетъ не какъ преступникъ, не какъ политическій возмутитель, а единственно какъ служитель Христа. Такое же убѣжденіе вынесли и всѣ прочіе Римляне, которымъ удалось послушать Павла. Съ другой стороны братія апостола по вѣрѣ, видя его мужество, прониклись также безстрашіемъ и выказывали его при возвѣщеніи евангелія (ст. 12—14). Но, изображая благотворное дѣйствіе своихъ узъ, ап. не хочетъ умолчать и о нѣкоторыхъ печальныхъ ихъ слѣдствіяхъ. Среди римскихъ христіанъ нашлись такіе, которые во время заключенія Павла стали проповѣдывать о Христѣ, руководясь побужденіями безнравственными, именно, по зависти къ успѣхамъ проповѣди Павловой и по враждебности, которая возбуждалась въ нихъ нѣкоторыми особенностями ученія ап. Павла: по всей вѣроятности, ап. имѣетъ здѣсь въ виду немногихъ учителей іудействующаго направленія. Не совсѣмъ также доволенъ ап. и тѣми проповѣдниками, которые руководились въ своей дѣятельности только субъективнымъ чувствомъ расположенія къ ученію ап. Павла, не имѣя твердаго и основательнаго убѣжденія въ истинности этого ученія. Тѣ, первые, дѣйствовавшіе ради прибыли, внѣшнихъ выгодъ (οἱ δὲ ἐξ ἐριθείας, ср. Римл. 2, 8), возвѣщали Христа не съ чистою цѣлію прославить Его имя и обратить людей на истинный путь, а съ дурною цѣлію причинить апостолу душевныя страданія успѣхами своими, потому что они считали его такимъ же завистникомъ, какими были сами. А послѣдніе, руководящіеся сердечнымъ расположеніемъ къ апостолу и его ученію, взялись за дѣло проповѣди только потому, что хотѣли помочь апостолу исполнить возложенный на него долгъ въ отношеніи къ просвѣщенію Рима свѣтомъ христіанства (ст. 15—17). Но апостола не слишкомъ безпокоятъ его завистники. Какими бы побужденіями они ни руководились—во всякомъ случаѣ ихъ проповѣдь содѣйствуетъ распространенію христіанства (конечно, ап. не имѣетъ въ виду какихъ-либо серьезныхъ уклоненій проповѣдниковъ отъ христіанской истины, распространенію которыхъ онъ никогда бы не сталъ радоваться). Поэтому апостолъ радуется даже и такому

факту. Онъ знаетъ, что и этотъ фактъ послужитъ ему во спасеніе, т. е., какъ разъясняетъ ап. тотчасъ, дастъ ему возможность непостыжденнымъ уйти изъ Рима или, что тоже, достигнуть своей цѣли и здѣсь—распространить христіанство и въ этомъ міровомъ городѣ. Вслѣдствіе этого Христосъ возвеличится въ его тѣлѣ, т. е. при его, Павла, посредствѣ. И будетъ-ли онъ здѣсь умерщвленъ за дѣло Христово или освобожденъ для дальнѣйшей дѣятельности—то и другое будетъ содѣйствовать этому возвеличенію Христа, такъ какъ смерть апостола, которую онъ приметъ съ радостью, возбудитъ особенное мужество въ другихъ проповѣдникахъ имени Христова, а жизнь его, если она продолжится, будетъ, конечно, по прежнему посвящена прославленію имени Христова среди человѣчества. Что жизнь и смерть апостола одинаково будутъ содѣйствовать прославленію Христа,—это ап. доказываетъ тѣмъ, что жизнь его—Христосъ, т. е. онъ живетъ только для Христа, и что смерть онъ разсматриваетъ какъ нѣчто очень выгодное для славы имени Христова, потому что она должна доставить ему совершенное общеніе со Христомъ и тѣмъ прославить Его, а съ другой стороны должна укрѣпить на страданія за Христа и другихъ учителей вѣры (ст. 18—21). Апостолъ такъ спокойно относится къ тому и другому исходу своего положенія, что даже не знаетъ самъ, чего ему лучше желать: жизни или смерти (при этомъ онъ замѣчаетъ, что жизнь его будетъ посвящена по прежнему апостольской дѣятельности, будетъ приносить *плодъ дѣла*, на служеніе которому призваны апостолы ср. Дѣян. 13, 2; 1 Сол. 5, 13). Ему лично, пожалуй, была бы пріятнѣе смерть, но онъ знаетъ, что жизнь его принесетъ пользу не ему одному, а всей Церкви. Будучи увѣренъ въ этомъ, ап. знаетъ также и о томъ, что его дѣятельность не кончена, что онъ, по освобожденіи изъ узъ, принесетъ еще пользу филиппійцамъ и даже снова посѣтитъ ихъ. Это, замѣчаетъ ап., послужитъ къ радости вѣры или вѣрующихъ, которые не переставали, конечно, молить Бога объ освобожденіи ихъ апостола (ст. 22—26).

Не имѣя возможности лично помочь христіанскому развитію филиппійцевъ, ап. дѣлаетъ это теперь письменно. Онъ убѣждаетъ своихъ читателей жить такъ, какъ требуетъ

достоинство принятаго ими евангелія, чтобы апостолъ или при личномъ свиданіи, или находясь въ узахъ могъ услышать о филиппійцахъ, [1]) что они, не смотря на угрожающія имъ опасности, по прежнему проникнуты единодушіемъ (ἐν ἑνὶ πνεύματι) и борятся вмѣстѣ съ Павломъ (συναθλοῦντες, ср. ст. 30) за вѣру въ евангеліе, съ одинаковыми чувствами (μιᾷ ψυχῇ). Апостолу желательно, чтобы читатели ни въ одномъ пунктѣ не уступили противникамъ, т. е. невѣрующимъ, потому что эта непобѣдимая стойкость вѣрующихъ будетъ для невѣрующихъ необманнымъ *(и сіе отъ Бога)* предъуказаніемъ на ихъ вѣчную погибель, а для вѣрующихъ—столь же истиннымъ указаніемъ на предназначенное имъ блаженство (ст. 27—28). Разъясняя то, почему отъ филиппійцевъ требуется полное единодушіе, ап. говоритъ, что благодатію Божіею имъ, подобно апостолу, назначено прославить имя Христово не только принятіемъ съ вѣрою евангелія, но и своими страданіями: они такъ же, какъ и Павелъ, должны претерпѣть гоненія и бѣдствія, какихъ сами были очевидцами (см. Дѣян. 16, 19 и сл.) и о которыхъ они слышатъ теперь, когда имъ читается это посланіе апостола (ст. 29—30).

ГЛАВА 2-я.

Униженіе и возвышеніе І. Христа должно возбуждать христіанъ къ сохраненію единодушія и къ смиренію. Заботы апостола о Филиппійцахъ.

Сказавши о томъ, какими бы должны быть филиппійцы, апостолъ теперь указываетъ на то, что требуется съ ихъ стороны для того, чтобы осуществить желаніе апостола. Если они уже обладаютъ нѣкоторыми важными добродѣтелями именно, если они другъ друга увѣщаваютъ въ потребныхъ случаяхъ, поскольку этого требуетъ ихъ христіанское общеніе (*аще убо кое утѣшеніе о Христѣ)*, если сильные

[1]) Въ первомъ случаѣ отъ нихъ самихъ, въ послѣднемъ—отъ какого-нибудь посланника ихъ.

утѣшаютъ слабыхъ съ любовію, если въ нихъ есть доброе сердце (σπλάγχνα), которое сказывается въ разныхъ проявленіяхъ сострадания (οἰκτιρμοί),—если все это уже теперь радуетъ апостола, то филиппійцы хорошо сдѣлаютъ, если эту радость апостола сдѣлаютъ полною, совершенною. Для полноты своей радости апостолъ именно желаетъ, чтобы всѣ филиппійцы имѣли одни и тѣ же расположенія, т. е., конечно, согласны были въ существенномъ; имъ нужно имѣть одинаковую любовь т. е. руководиться въ любви одинаковыми побужденіями, они должны давать одинаковое направленіе своей сердечной жизни (σύμψυχοι), что и производитъ единство въ мысляхъ (τὸ ἓν φρονοῦντες ст. 1—2) Но какимъже путемъ достигается желаемое апостоломъ единомысліе? Для достиженія этого слѣдуетъ отрѣшиться отъ всякихъ корыстныхъ цѣлей (ἐριθεία) и отъ честолюбія, потому что они выдвигаютъ на первое мѣсто личные интересы человѣка, и въ смиреніи ставить себя всегда ниже другого и заботиться о пользѣ другого, а не о своей только (ст. 3—4). Это чувство смиренія нашло для себя лучшее выраженіе въ лицѣ І. Христа и потому ап. начертываетъ предъ очами читателей Его образъ во всемъ величіи смиренія. Читатели, говоритъ апостолъ, должны воспитывать въ себѣ тоже настроеніе, какимъ былъ проникнутъ и Христосъ Іисусъ. Онъ, Христосъ Іисусъ, извѣстная всѣмъ читателямъ историческая личность, находился прежде, до воплощенія (ὑπάρχων обозначаетъ только временное существованіе, въ отличіе отъ ὤν, которое указываетъ на постоянство) въ образѣ Божіемъ (ἐν μορφῇ θεοῦ) т. е. имѣлъ форму существованія чисто божественную, вполнѣ соотвѣтствовавшую Его божественному существу (μορφή—видъ, который свойственъ извѣстному существу ср. Дан. 4, 33 по перев. Θеодотіона, Исаіи 44, 13 по LXX; Іов. 4, 16; Марк. 16. 22). Поэтому, явившись на землѣ, Онъ могъ бы выбрать для Себя такой образъ существованія, какой, по величію своему, соотвѣтствовалъ бы Его прежнему состоянію. Однако Онъ не восхотѣлъ самовольно сдѣлаться равнымъ Богу и здѣсь, на землѣ (ἁρπαγμὸν ἡγήσατο—вести добычу, похищать, восторгать), [1]) не помышлялъ о томъ, чтобы самовольно взять то,

[1]) Ап., вѣроятно, имѣетъ въ виду извѣстное событіе изъ жизни Хри-

что, по божественному опредѣленію, не должно было принадлежать Ему во время Его жизни на землѣ, хотя Онъ по природѣ вещей и имѣлъ на это полное право, какъ отъ вѣчности существовавшій во образѣ Божіемъ (ст. 5—6). Уже чрезъ это Христосъ является для всѣхъ христіанъ примѣромъ смиреннаго самоотрицанія на пользу ближняго. Но мало того, что Христосъ не взялъ того, что, по Божественному опредѣленію, не должно было Ему принадлежать на землѣ,—Онъ даже добровольно подвергъ лишеніямъ Самого Себя, отдалъ, такъ сказать, Свое, чѣмъ Онъ могъ воспользоваться и на землѣ (ἑαυτον εκενωσε). Въ трехъ пунктахъ выразилось это самопожертвованіе Христа: 1) Онъ принялъ образъ раба т. е. вмѣсто того чтобы явиться въ образѣ царя, повелителя, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ Его внутреннему величію, Онъ принялъ низкій образъ раба, всегда обнаруживалъ послушаніе тѣмъ, кто стоялъ несравненно ниже Его; 2) Онъ подобно всякому другому человѣку развивался въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи, хотя Онъ Своей безгрѣшностью существенно отличался отъ прочихъ людей (ἐν ὁμοιωματι ανθρωπου γενομενος ср. Лук. 2, 24; Мѳ. 12, 45; 15, 22; Рим. 6, 5) и, наконецъ, 3) во всемъ Своемъ внѣшнемъ явленіи (σχήμα обнимаетъ собою и привычки, и жесты, и рѣчи, и дѣйствія и даже одежду) Онъ былъ на взглядъ всѣхъ, Его видѣвшихъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, бѣднымъ, смиреннымъ раввиномъ, которому даже негдѣ было приклонить голову (ст. 7). Христосъ не только не восхотѣлъ воспользоваться и здѣсь, на землѣ, Своимъ высокимъ положеніемъ, Своими высокими преимуществами, какія принадлежали Ему до воплощенія, но даже унизилъ Себя и въ отношеніи къ человѣческой сторонѣ своего бытія. Это униженіе или смиреніе Себя совершилъ Онъ чрезъ то, что восходилъ отъ одной степени послушанія Богу къ другой и наконецъ изъ послушанія Отцу умеръ позорною смертью преступника (ст. 8).

ста, именно споръ Его съ іудеями (Іоан. 5 гл.). Когда послѣдніе обвиняли Христа въ томъ, что Онъ творитъ Себя равнымъ (ἴσον) Богу, Христосъ отклонилъ ихъ обвиненіе указаніемъ на то, что Онъ ничего не дѣлаетъ самовольно, безъ воли Отца (ст. 18).

За столь высокій подвигъ смиренія Богъ превознесъ Іисуса выше всего существующаго и сдѣлалъ имя Его, прежде униженное, славнымъ несравненно больше, чѣмъ чье-нибудь другое имя. Именно, называя имя Іисуса, всякое разумное существо (ангелы, люди живые и умершіе) будетъ преклонять свои колѣна т. е. подобно тому какъ въ В. Завѣтѣ возносили руки во имя Божіе (Пс. 62, 5), такъ въ Новомъ всякая молитва будетъ основываться на вѣрѣ въ величіе имени Іисуса. Точно также теперь, со времени прославленія Христа, всѣ разумныя существа признаютъ Его, Іисуса, Господомъ и главою своею, что разумѣется послужитъ къ возвышенію славы Самого Бога Отца (ст. 9—11).

Изъ краткой исторіи Христа ап. выводитъ, что и филиппійцы для достиженія спасенія или прославленія вмѣстѣ со Христомъ должны дѣйствовать съ особою осмотрительностью, съ особенною заботливостью объ исполненіи долга, помня, что эта заботливость въ особенности необходима тогда, когда нѣтъ съ ними ихъ великаго наставника, апостола Павла (ст. 12). Страхъ и трепетъ или однимъ словомъ полное смиреніе человѣка предъ Богомъ необходимы потому, что безъ Бога человѣкъ самъ бы не восхотѣлъ и не могъ бы совершать своего спасенія: только Богъ, по Своему благоволенію, и начинаетъ и совершаетъ, пребывая въ насъ Своею благодатію, наше спасеніе (ст. 13). Не слѣдуетъ поэтому роптать противъ Бога т. е. болѣе довѣряться своимъ соображеніямъ, чѣмъ повелѣніямъ Божіимъ; но съ другой стороны не нужно и слишкомъ унижать себя, сомнѣваться въ своихъ силахъ (ст. 14). Цѣль, которую христіане должны имѣть въ виду, воздерживаясь отъ ропота и сомнѣній, состоитъ въ томъ, чтобы имъ стать неповинными предъ судомъ Бога и свободными отъ пятенъ грѣха (ἀκέραιοι), чтобы сдѣлаться истинными чадами Божіими, надъ которыми не обрушится страшный приговоръ, какому подвергнуты будутъ строптивыя и развращенныя дѣти, среди которыхъ филиппійцы, сохраняя слово жизни или евангеліе, являются подобными свѣтильникамъ міра. Это доставитъ апостолу великое удовольствіе видѣть, что труды его не пропали даромъ. Чтобы показать, какъ радуетъ его твердость филиппійцевъ въ сохраненіи евангелія, ап. говоритъ, что даже если бы ему

теперь суждено было Богомъ излиться какъ возліянію на ту жертву, какую онъ самъ приготовилъ Богу изъ увѣровавшихъ язычниковъ, то и тутъ ап. не утратилъ бы радостнаго настроенія и даже сталъ бы радоваться за филиппійцевъ, ко благу которыхъ совершается это возліяніе и которые, слѣд., должны сами радоваться даже и такому исходу узъ апостола [1]) (ст. 15—18).

Мысль о возможности смерти въ узахъ или покрайней мѣрѣ о возможности ихъ продолженія побуждаетъ апостола позаботиться о духовномъ благѣ филиппійцевъ при посредствѣ кого-нибудь другого. Выборъ апостола останавливается на Тимоѳеѣ, который по своему характеру былъ очень похожъ на апостола (ἰσόψυχον) и потому всего удобнѣе могъ замѣнить апостола Павла тамъ, гдѣ не могъ быть лично послѣдній. Всѣ остальные, которые по своимъ тѣлеснымъ и духовнымъ свойствамъ могли бы взять на себя обязанность посла, не имѣютъ достаточной преданности дѣлу Христову и не хотятъ послушаться апостола во всемъ какъ покорныя дѣти. Тимоѳея ап., впрочемъ, пошлетъ только тогда, когда получитъ опредѣленныя свѣдѣнія о своемъ дѣлѣ: ибо онъ продолжаетъ надѣяться и на скорое личное свиданіе съ филиппійцами, въ какомъ случаѣ посольство Тимоѳея, конечно, окажется излишнимъ (19—24). Теперь же апостолъ утѣшаетъ филиппійцевъ отправленіемъ къ нимъ ихъ уполномоченнаго, Епафродита, который и самъ горѣлъ желаніемъ свидѣться съ своими согражданами. Епафродитъ, будучи у апостола, заболѣлъ, но Богъ воздвигъ его съ одра болѣзни, чтобы для апостола, скорбѣвшаго въ заключеніи, не прибавилось новой скорби, которая, естественно, возбуждаема была въ немъ болѣзнію его друга и сотрудника. Филиппійцы должны принять Епафродита съ особою радостью, потому что онъ не жалѣлъ своей жизни (παραβουλευσάμενος τῇ ψυχῇ) на служеніи дѣлу Христову, чтобы замѣнить одними

---

[1]) Апостолъ сравниваетъ т. о. себя съ виномъ, которое по большей части изливалось священникомъ на закланную жертву (σπένδομαι). Въ тоже время онъ представляетъ себя и священникомъ, приносителемъ жертвы.

своими услугами услуги, которыми были обязаны апостолу всѣ филиппійцы (ст. 25—30).

ГЛАВА 3-я.

Увѣщаніе Филиппійцамъ остерегаться лжеучителей, подражать примѣру его (апостола) и указаніе высшей цѣли жизни.

Заключая предшествующій отдѣлъ посланія призывомъ къ радости о Господѣ, ап. переходитъ къ новому обстоятельству, которое возбуждало въ немъ большія опасенія, именно къ возможности появленія среди филиппійцевъ іудействующихъ лжеучителей. Онъ и прежде еще сообщалъ филиппійцамъ объ этой опасности и теперь не скучаетъ письменно сообщать о томъ же самомъ, въ виду особой пользы, какая получается для читателей отъ этихъ частыхъ предупрежденій (ст. 1). Іудействующіе лжеучители—это псы, животныя нечистыя (Ис. 66, 3. Мѳ. 7, 6), потому что ихъ стремленія совершенно нечисты по существу, не смотря на видимую ихъ святость и ревность о законѣ. Они дурные работники, потому что вмѣсто того чтобы распространять евангеліе они вредятъ ему, затемняя ученіе объ оправданіи человѣка одною вѣрою. Наконецъ, они не обрѣзанные (περιτομή), а скорѣе изувѣченные (κατατομή), потому что обрѣзаніе, о принятіи котораго всѣми язычниками, переходившими въ церковь, такъ хлопотали іудействующіе, было лишено у нихъ всякаго религіозно-нравственнаго значенія и было низведено на степень простой операціи. Истиннымъ обрѣзаніемъ владѣютъ скорѣе христіане: они служатъ Богу не плотію, а духомъ, къ чему собственно призывало и ветхозавѣтное обрѣзаніе, надѣются твердо на Господа Іисуса, а не на свою обрѣзанную плоть (ст. 2—3). Чтобы его убѣжденіе сторониться отъ іудействующихъ было болѣе дѣйствительнымъ, ап. изображаетъ далѣе свое собственное отношеніе къ іудейству и всѣмъ его преимуществамъ. Онъ самъ имѣлъ все, чѣмъ хвалятся или будутъ хвалиться предъ читателями лжеучители. Обрѣзаніе онъ принялъ въ узако-

ненное время, происходилъ онъ отъ рода Израилева, а не отъ какихъ нибудь идумеевъ, былъ чистымъ евреемъ и по отцу и по матери и притомъ принадлежалъ къ колѣну Веніаминову, которое всегда оставалось вѣрнымъ Богу. Что касается его воспитанія, то оно было получено имъ въ школѣ фарисейской, весьма уважавшейся среди евреевъ; послѣдующая его жизнь была посвящена на служеніе закону, на которомъ онъ даже достигъ такого совершенства, что представлялся самому себѣ совершенно безупречнымъ (ст. 4—6). Но все, что могло особенно прославить его, еслибы онъ остался невѣрующимъ во Христа, онъ призналъ для себя чистымъ вредомъ (ξημίαν), потому что увѣровалъ во Христа (διὰ τὸν Χριστὸν), а утвержденію его въ этой вѣрѣ, конечно, не малой помѣхой служили его прежнія теократическія преимущества (ст. 7). Это объясненіе ап. повторяетъ и въ отношеніи къ настоящему времени: апостолъ и теперь познаніе, ясное разумѣніе Господа І. Христа (и своего собственнаго положенія) считаетъ несравненно выше тѣхъ теократическихъ преимуществъ, которыхъ истиннаго значенія ап., пребывая въ Іудействѣ, не понималъ и о которыхъ онъ жалѣетъ настолько же, насколько жалѣетъ о попираемомъ его ногами сорѣ. Ап. единственно заботится о томъ, чтобы совершеннѣе сблизиться со Христомъ, пріобрѣсти Его вполнѣ и такимъ образомъ пребывать въ Немъ не съ прежнею своею, согласною съ закономъ праведностью, а съ оправданіемъ, которое дается Самимъ Богомъ чрезъ вѣру въ І. Христа. Это пребываніе во Христѣ возможно только на основаніи вѣры (ἐπὶ τῇ πίστει), когда человѣкъ, такъ сказать, на ней покоится. А пребывать во Христѣ, обрѣстись въ Немъ ап. желалъ бы для того, чтобы 1) достигнуть полнаго познанія о Немъ и главнымъ образомъ познать великую силу и значеніе Его воскресенія изъ мертвыхъ 2) чтобы вступить въ общеніе со Христомъ въ Его страданіяхъ т. е. претерпѣть тѣ же скорби, какія Христосъ терпѣлъ отъ грѣшниковъ и такимъ образомъ 3) умереть подобнымъ Ему образомъ т. е. умертвить въ себѣ ветхаго человѣка. За это онъ будетъ, подобно Христу, воскрешенъ къ величію, хотя ап., по свойственному ему смиренію, говоритъ объ этомъ только предположительно (*аще како достигну*). Впрочемъ,

онъ не хочетъ сказать, что ему уже удалось достигнуть этого совершеннаго познанія о Христѣ: онъ только ревностно стремится удержать рукою нравственное совершенство. такъ какъ (ἐφ' ᾧ) самъ онъ уже удержанъ совершеннымъ (Христомъ). И вообще онъ никогда не обращаетъ вниманія на собственные успѣхи въ дѣлѣ христіанскаго своего развитія: подобно бѣгущему на ристалищѣ онъ смотритъ только впередъ, не оглядываясь назадъ, и бѣжитъ для полученія уготованной побѣдителямъ награды (ст. 8—14). Лучше бы и тѣмъ, которые слишкомъ рано стали считать себя совершенными, мыслить о себѣ по апостольски, хотя, впрочемъ, апостолъ не требуетъ, чтобы они съ разу стали на такую же высоту воззрѣнія, какой достигъ онъ: въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ они могутъ рѣшать по своему, иначе, чѣмъ апостолъ,—Богъ со временемъ просвѣтитъ ихъ во всемъ. Апостолъ желаетъ только одного, чтобы то познаніе о Христѣ и христіанскомъ совершенствѣ, какого достигли филиппійцы, не оставалось для нихъ мертвымъ капиталомъ, а сдѣлалось руководящимъ принципомъ ихъ жизни. Всего лучше, если они будутъ смотрѣть, какъ поступаютъ Павелъ и его помощники, ибо иначе легко увлечься примѣромъ враговъ креста Христова т. е. такихъ людей, которые не признаютъ неоходимости страданій и самопожертвованія ради евангелія. Эти люди предназначены къ вѣчной погибели, потому что они являются и по принятіи христіанства идолослужителями—руководятся въ своей жизни только требованіями чрева и стараются удовлетворять тѣ страсти, какія возникаютъ въ человѣкѣ по удовлетвореніи потребностей чрева. Они даже хвалятся своимъ стыдомъ, тщеславятся своею изобрѣтательностью въ удовольствіяхъ, и все это потому, что внутреннее настроеніе ихъ слишкомъ низменно. Апостолъ въ особенности потому скорбитъ о такихъ христіанахъ, что христіанинъ уже здѣсь на землѣ есть, по идеѣ, гражданинъ неба и долженъ бы помышлять о небесномъ и съ неба ждать своего Спасителя отъ бѣдствій настоящей жизни, которыя могутъ прекратиться только съ измѣненіемъ *настоящаго нашего* тѣла, подверженнаго немощамъ и чувствительнаго ко всякаго рода ударамъ. Измѣне-

ніе это произведетъ Христосъ, Который, какъ имѣющій власть надъ всѣмъ, сможетъ совершить и это дѣло (15—21 ст.).

ГЛАВА 4-я.

Заключительныя увѣщанія филиппійцамъ; благодарность апостола, которую онъ выражаетъ имъ за ихъ помощь; привѣтствія и заключеніе посланія.

Сказавши, чтобы дорогіе ему филиппійцы твердо соблюдали то, чему онъ научилъ ихъ (ст. 1), ап. съ увѣщаніемъ особаго рода обращается къ двумъ женщинамъ и къ какому-то своему искреннему сотруднику, имени котораго, впрочемъ, не называетъ. Онъ проситъ ихъ помочь его сотрудникамъ въ дѣлѣ проповѣданія о Христѣ (ст. 2—3). Затѣмъ опять идутъ увѣщанія общаго характера. Христіане должны радоваться своему спасенію, кротко поступать со всѣми людьми, даже съ противниками своими, потому что и безъ того послѣднимъ придется скоро явиться предъ Судіею—Господомъ І. Христомъ. Они не должны слишкомъ тревожить ся за себя (μεριμνᾶτε), но при всякомъ поводѣ обращаться къ Богу съ молитвою, чтобы въ ихъ души снизошелъ миръ отъ Бога, Который лучше устроитъ ихъ жизнь, чѣмъ разумъ человѣческій, чрезъ посредство І. Христа соблюдетъ въ цѣлости и сердечную и умственную ихъ жизнь. Затѣмъ ап. совокупляетъ въ одномъ увѣщаніи все, чего онъ требуетъ отъ читателей. Они должны постоянно помышлять объ истинѣ вообще (*елика суть истинна*), и давать соотвѣтственно-приличную форму этой истинѣ (*елика честна*). Въ отношеніи къ людямъ они должны проявлять справедливость; поведеніе ихъ должно быть незапятнанное, оно должно дѣлать ихъ пріятными членами гражданскаго общества и доставлять имъ похвалу. Вообще они должны имѣть постоянною цѣлію своихъ стремленій добродѣтель и ту похвалу, которая достается въ удѣлъ добродѣтельнымъ людямъ, а лучшимъ примѣромъ имъ въ этомъ отношеніи служитъ жизнь апостола, вполнѣ подтверждающая его наставленія и ученіе (ст. 4—9). За-

тѣмъ ап. выражаетъ свою радость о томъ, что филиппійцы прислали ему пособіе, какое обстоятельство, какъ всякая милостыня, принесло имъ, несомнѣнно, великую пользу, утвердивъ въ нихъ чувство любви къ апостолу (ст. 10—18). Въ привѣтствіи, которое излагаетъ далѣе апостолъ, упоминается между прочимъ о вѣрующихъ изъ Кесарева дома. Это были, по всему вѣроятію, низшіе дворцовые служители (ст. 11—23).

О посланіи св. ап. Павла къ Колоссянамъ.

Городъ Колоссы находился въ юго-западной части малоазійской провинціи Фригіи, при р. Ликѣ, не вдали отъ Іераполя и Лаодикіи. Кто основалъ церковь въ Колоссахъ—на этотъ вопросъ нѣтъ прямого отвѣта въ Св. Писаніи; но, имѣя въ виду, что Павелъ называетъ учителемъ Колоссянъ нѣкоего ихъ согражданина, а своего сотрудника, Епафраса (1, 7), можно съ вѣроятностію предполагать, что этотъ благочестивый мужъ и былъ основателемъ Колосской Церкви [1]). Безъ сомнѣнія, забота объ основанной имъ Церкви, которой угрожала опасность уклониться отъ истинной христіанской вѣры, побудила Епафраса отправиться къ ап. Павлу, находившемуся въ то время въ римскихъ узахъ. Тутъ, конечно, онъ сообщилъ апостолу о своихъ опасеніяхъ и любвеобильный апостолъ не преминулъ оказать помощь Колосской Церкви посредствомъ убѣдительнаго посланія, которое онъ отправилъ съ Онисимомъ [2]) и Тихикомъ. Написано посланіе въ 62-мъ г., во время первыхъ римскихъ узъ ап. Павла. Цѣлію апостола при написаніи посланія было—укрѣпить новообращенныхъ Колоссянъ въ преподанномъ имъ Епафрасомъ ученіи и предостеречь отъ лжеучителей іудействующаго направленія (о нихъ см. въ изъясненіи посланія). Соотвѣтственно съ этою цѣлію ап. изображаетъ величіе

---

[1]) Что основаніе Церкви Колосской нельзя приписывать ап. Павлу—это ясно видно изъ 1, 4 и 2, 1 ст.

[2]) Епафрасъ оставался для услугъ апостолу въ Римѣ (Филем. 22 ср. Кол. 4, 10).

лица Господа І. Христа, указываетъ на искупленіе отъ грѣховъ, которое Колоссяне получили отъ Него и котораго не можетъ дать имъ философія, научающая только ложному аскетизму и ложному смиренію. Послѣ этой догматической части (1—2 гл.), ап. излагаетъ увѣщанія, относящіяся то ко всѣмъ христіанамъ, то къ отдѣльнымъ классамъ и состояніямъ (3,—4, 6). Посланіе оканчивается привѣтствіями. (4, 7—18).

Изъясненіе посланія къ Колоссянамъ.

ГЛАВА 1-я.

Вступленіе. Вѣроучительныя наставленія апостола Колоссянамъ.

Послѣ надписанія и привѣтствія (1—2 ст.), ап. выражаетъ благодарность Богу за довольно благопріятное состояніе Колосской Церкви, о которомъ ап. узналъ отъ Епафраса, сообщившаго Колоссянамъ правильныя понятія о христіанствѣ. Колоссяне вѣруютъ во Христа и совершаютъ дѣла любви христіанской, руководясь надеждою на будущее, небесное блаженство, и питаютъ другъ къ другу истинную, свободную отъ плотскихъ побужденій любовь (ἐν πνεύματι). При этомъ ап., имѣя въ виду выставить величіе христіанства и ничтожество ереси, которая угрожала своимъ вторженіемъ Колосской Церкви, говоритъ, что вѣра Христова или евангеліе распространилось уже во всемъ мірѣ и что повсюду оно, подобно дереву, приноситъ плоды и постоянно увеличивается по числу его исповѣдниковъ (ст. 3—8). Такъ какъ теперь доброе основаніе уже положено въ Колоссахъ, то ап. постоянно молитъ Бога о томъ, чтобы Колоссяне могли далѣе идти въ своемъ христіанскомъ развитіи. Ап. желаетъ, чтобы они исполнились познаніемъ воли Божіей, что достигается посредствомъ мудраго опредѣленія цѣли, къ которой должно стремиться (σοφία), и умѣнья избирать надлежащія средства (σύνεσις), причемъ ап. замѣчаетъ, что оба эти вида умственной дѣятельности должны

имѣть чисто духовный характеръ, что человѣкъ не долженъ пользоваться ими для достиженія какихъ либо плотскихъ цѣлей. Полное познаніе воли Божіей необходимо для того, чтобы мы могли приближаться къ нашему Отцу-Богу, быть угодными Ему и чрезъ это нравственное усовершенствованіе снова увеличивать свои познанія, расширять област своего христіанскаго вѣдѣнія.—Такимъ образомъ, по представленію апостола, христіанское знаніе помогаетъ намъ въ практической жизни, а самая эта жизнь содѣйствуетъ пополненію знанія. Но такъ какъ христіанинъ можетъ почерпнуть силы для своего нравственнаго усовершенствованія только въ Богѣ, то и Колоссяне должны искать подкрѣпленія у Бога, утверждаться съ Его благодатной помощью въ стойкости (предъ великими искушеніями) и долготерпѣніи (предъ продолжительными). Наконецъ, ап. желаетъ, чтобы Колоссяне съ радостію благодарили Бога за то, что Онъ даровалъ имъ часть въ небесномъ наслѣдствѣ, которое ап. называетъ наслѣдіемъ святыхъ, находящихся въ свѣтѣ или въ свѣтлыхъ пространствахъ неба (ст. 9—12). Разъясняя теперь подробно, почему именно онъ желаетъ особенно видѣть со стороны Колоссянъ благодарность къ Богу, ап. говоритъ, что Богъ вывелъ ихъ изъ царства тьмы, т. е. изъ язычества и пересадилъ какъ растеніе на лучшую почву, именно въ царство, которое основалъ обладающій всею Его любовію Сынъ, искупившій Своею пречистою кровію насъ отъ грѣховъ (ст. 13—14). Такимъ образомъ ап. естественно переходитъ къ изложенію ученія о лицѣ І. Христа, которое ему необходимо нужно было представить въ виду опасности, угрожавшей Колосской Церкви со стороны еретиковъ, умалявшихъ значеніе І. Христа. Ап. изображаетъ Христа такимъ, каковъ Онъ есть всегда (ὅς ἐστιν), во всемъ Его величіи, какъ Творца и Искупителя міра. Именно Христосъ есть видимый образъ невидимаго, не подлежащаго нашему созерцанію Бога, образъ вполнѣ совершенно выражающій существо и величіе Божіе, обнаруживающій въ Себѣ полноту божественнаго существа и божественныхъ свойствъ (εἰκών τοῦ θεοῦ ἀοράτου). Далѣе, превосходство лица І. Христа выражается въ томъ, что Онъ рожденъ былъ отъ Бога ранѣе, чѣмъ было произведено какое бы ни было дру-

гое существо (πρωτότοχος πάσης χτίσεως) и, слѣд., вѣченъ (ст. 15). Что Онъ дѣйствительно рожденъ ранѣе всякой твари, это доказываетъ апостолъ ссылкою на тотъ фактъ, что Христосъ Самъ Своею творческою силою сотворилъ все существующее (ἐν αὐτῷ ἐχτίσθη τα πάντα) какъ на небѣ, такъ и на землѣ, міръ видимый и невидимый, ангельскій. И въ этомъ послѣднемъ мірѣ все, всякій, даже самый высшій чинъ существъ обязанъ Ему своимъ бытіемъ—замѣчаетъ ап. противъ тѣхъ еретиковъ, которые ставили Христа на равную степень съ ангелами. Христосъ былъ дѣйствующею причиною при твореніи міра (τὰ πάντα δι᾽αὐτοῦ) и вѣчно остается Такимъ, въ Которомъ міръ находитъ послѣднюю цѣль своего бытія, для Котораго все въ мірѣ создано (εἰς αὐτόν ἔχτισται). Разъясняя почему это такъ случилось, ап. говоритъ, что Христосъ существовалъ ранѣе міра *(той есть прежде всѣхъ)*, т. е. такъ какъ Онъ имѣетъ вѣчное бытіе, то и сдѣлался поэтому орудіемъ для приведенія въ бытіе временнаго міра. А такъ какъ далѣе все находитъ во Христѣ для себя опору *(всяческая въ немъ состоятся)*, то изъ этого необходимо слѣдуетъ и то, что все существующее должно только въ Немъ находить послѣднюю цѣль своего бытія (ст. 16—17). Изобразивъ отношеніе Христа къ міру вообще, ап. изображаетъ теперь Его отношеніе къ Церкви, потому что въ Церкви только твореніе достигаетъ того назначенія, съ какимъ оно произведено Богомъ, именно становится собственностью Сына Божія. Христосъ въ отношеніи къ Церкви есть глава, потому что Онъ ее основалъ (ὅς ἐστιν ἀρχή), и потому что, первымъ воскреснувъ изъ мертвыхъ, сдѣлался главою Церкви прославленной, небесной, которая составляется изъ отшедшихъ въ горній міръ христіанъ, чтобы Ему стать первымъ во всѣхъ и даже самыхъ высшихъ областяхъ бытія (ст. 18). Богъ даровалъ Христу первенствующее во всемъ значеніе потому, что въ божественномъ совѣтѣ предопредѣлено было чрезъ Него именно примирить міръ съ Богомъ. Это предопредѣленіе начало исполняться съ того, что Богъ рѣшилъ, чтобы во Христѣ вселилась вся полнота Божества (πᾶν τὸ πλήρωμα, ср. 2, 9). Ап., нужно замѣтить, конечно, съ намѣреніемъ употребляетъ терминъ, заимствован-

ный изъ школьнаго языка колосскихъ лжеучителей, которые именно ангельскія силы, дѣйствовавшія, по ихъ мнѣнію, въ дѣлѣ нашего спасенія, совокупляли въ одну божественную плирому, изъ коей онѣ, по ученію еретиковъ, уже истекали въ міръ. Ибо когда онъ сказалъ, что во Христѣ нашла себѣ постоянное мѣсто обитанія вся совокупность божественныхъ силъ, то этимъ ясно показалъ, что Христосъ не можетъ быть низводимъ на степень простой ангельской силы, составляющей, по ученію еретиковъ, только часть плиромы Божества (ст. 19). Когда же Христосъ былъ облеченъ всѣми божественными силами, тогда Ему и возможно стало совершить великое дѣло примиренія всего міра съ Богомъ и уничтожить то великое противорѣчіе, какое существовало во всѣхъ областяхъ вселенной между дѣйствительностью и первоначальной идеей міра (ст. 20. Что касается въ частности ангеловъ, которыхъ не было нужды примирять съ Богомъ, то они пользуются благами искупленія въ томъ отношеніи, что имъ уже, съ окончательнымъ пораженіемъ демонскихъ силъ, не будетъ надобности тревожиться за людей и бороться съ демонами). Сказавши объ искупленіи міра вообще, ап. говоритъ, что, въ частности, и Колоссяне удостоились получить это примиреніе съ Богомъ, отъ Котораго они были прежде отчуждены и Которому они были враждебны и по своему языческому, плотскому настроенію (διανοίᾳ) и по своимъ злымъ дѣламъ. Въ противовѣсъ ложному спиритуализму колосскихъ лжеучителей, которые дѣло примиренія приписывали *духу*, *духовному* существу, ап. съ особеннымъ удареніемъ говоритъ о томъ, что примиреніе совершилъ Богъ *въ тѣлѣ плоти* Христовой, т. е. въ земномъ, еще не прославленномъ тѣлѣ, которое подверглось обыкновенной смерти. Точно также самое примиреніе колоссянъ не было какимъ-нибудь фантастическимъ, а вполнѣ дѣйствительнымъ, такъ что они предъ Богомъ, на послѣднемъ судѣ, дѣйствительно, явятся свободными отъ грѣха и вины, если только твердо соблюдутъ вѣру и надежду на то, что имъ возвѣщено, что проповѣдуется во всемъ мірѣ и чему служителемъ сталъ ап. Павелъ (ст. 21—23). Чтобы внушить Колоссянамъ еще большее уваженіе къ принятой ими вѣрѣ, ап. говоритъ далѣе, что онъ сдѣлался даже добровольнымъ страдальцемъ

за всѣхъ язычниковъ, въ полномъ убѣжденіи, что его евангеліе для нихъ необходимо, что оно есть несомнѣнная истина. Колоссяне не должны уклоняться отъ преподаннаго имъ ученія потому, что Самъ Христосъ восхотѣлъ, чтобы они вступили въ его Церковь и если Самъ Онъ страдалъ душевно подъ гнетомъ разныхъ оскорбленій только въ Іудеѣ и за іудеевъ, какъ служитель обрѣзанія (Рим. 15, 8), то во всякомъ случаѣ Онъ имѣлъ въ виду и обращеніе язычниковъ (Іоан. 10, 16). И Павелъ такимъ образомъ, какъ апостолъ язычниковъ, допиваетъ ту чашу униженій и скорбей, которая была приготовляема Христу и языческимъ міромъ, но осталась Имъ не осушенною. Христосъ пострадалъ отъ іудеевъ, Павелъ страдаетъ отъ язычниковъ и для язычниковъ, для того, чтобы обратить ихъ на истинный путь (слѣд. здѣсь рѣчь идетъ не объ искупительныхъ страданіяхъ Господа, которыя и по ученію ап. Павла, были вполнѣ достаточны для примиренія всего человѣчества, см. ст. 20), чтобы Христосъ получилъ полное тѣло, т. е. Церковь. Такой смыслъ слѣдуетъ придавать словамъ апостола: *исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (ст. 24). Что именно онъ, а не кто-нибудь другой долженъ осушить то, что оставалось въ чашѣ скорбей Христовыхъ—это апостолъ доказываетъ фактомъ своего призванія на проповѣдь евангелія язычникамъ. Ап. содѣлался служителемъ Церкви въ должности проповѣдника, предоставленной ему Самимъ Богомъ (κατὰ τὴν οἰκονομίαν τοῦ θεοῦ), чтобы сдѣлать полнымъ чрезъ повсемѣстное распространеніе Слово Божіе или евангеліе, чтобы привести въ исполненіе тайну, сокровенную отъ человѣчества всѣхъ временъ т. е. опредѣленіе Божіе о призваніи язычниковъ въ Церковь Христову, которое (опредѣленіе) до ап. Павла не было извѣстно человѣчеству во всей его полнотѣ и только теперь чрезъ проповѣдь апостольскую стало извѣстно (ἐφανερώθη) всѣмъ святымъ т. е. христіанамъ (ст. 25—26). Богъ именно восхотѣлъ ввести въ сознаніе (γνωρίσαι) тѣхъ, кого Онъ избралъ, то убѣжденіе, что язычникамъ даровано отъ Бога величайшее богатство во Христѣ [1]), Который содѣлался ихъ

[1]) ὅς ἐστιν относится къ ὁ πλοῦτος.

достоянiемъ, сталъ обитать среди нихъ и этимъ вложилъ въ ихъ сердца надежду на будущее прославленiе (ст. 27). Этого Христа и проповѣдуетъ апостолъ вмѣстѣ съ своими сотрудниками, укрѣпляясь силою Божiею на свои великiе подвиги, и стремится къ тому, чтобы довести христiанъ до совершенства. Конечно, ап. говоритъ все это для того, чтобы показать, что Колоссянамъ нечего уже искать у лжеучителей: апостолъ и его сотрудники сообщаютъ вѣрующимъ все, что необходимо для спасенiя (ст. 28—29).

ГЛАВА 2-я.

Продолженiе вѣроучительныхъ наставленiй.

То, что сказано выше апостоломъ о своихъ трудахъ вообще, сказано имъ съ тою цѣлiю, чтобы колоссяне могли уяснить себѣ, какъ велики заботы апостола о нихъ и о другихъ, не слышавшихъ его наставленiй лично отъ него самого и потому менѣе укрѣпленныхъ въ христiанскихъ убѣжденiяхъ. Имѣя теперь въ виду появленiе лжеучителей, ап. употребляетъ особенныя усилiя къ тому, чтобы утѣшить, успокоить смятенныя этимъ явленiемъ сердца колоссянъ и чтобы послѣднiе, скрѣпивши между собою союзъ любви, достигали полноты христiанскихъ убѣжденiй [2]), основывающихся на точномъ разумѣнiи великой тайны призванiя язычниковъ и ея значенiя (*тайна Бога и Отца и Христа*). Ап. желаетъ, чтобы колоссяне достигли разумѣнiя этой тайны потому, что въ ней, въ этой тайнѣ (ἐν ᾧ), сокрыты всѣ сокровища премудрости и разумѣнiя т. е. такiя, для которыхъ стòитъ употребить человѣку всѣ силы своего ума (ст. 1—3). Говоря прямѣе, ап. объясняетъ, что онъ хочетъ предохранить колоссянъ отъ увлеченiя лжеученiями, которыя ихъ изобрѣтатели съумѣли снабдить всякаго рода дiалектическими и софистическими доказательствами и такимъ образомъ прельщали лицъ, не окрѣпшихъ въ христiанскихъ убѣжденiяхъ. И ап. теперь уже прямо убѣждаетъ ихъ не прельщаться, ибо онъ, раздѣленный съ колос-

---

[2]) Πληροφορία τῆς συνέσεως — полное убѣжденiе, основывающееся на разумѣнiи. Такой же смыслъ имѣетъ и слѣдующее слово ἐπίγνωσις.

сянами далекимъ пространствомъ, но близкій къ нимъ по духу, смѣло можетъ заявить, что колоссянамъ нечего искать у лжеучителей. Ихъ церковь отличается и внѣшнимъ устройствомъ (τάξις) и внутреннею твердостью, которую даетъ вѣра во Христа (στερέωμα της εἰς Χριστὸν πίστεως). Итакъ какъ этими устройствомъ и твердостью они обязаны тому, что приняли съ вѣрою проповѣдь о Христѣ какъ Господѣ всего, то имъ должно внѣшнее свое поведеніе сообразовать съ требованіями евангелія Христова, жить во Христѣ (ст. 4—6). Колоссяне, укореняясь во Христѣ, какъ растеніе укореняется въ почвѣ, и покоясь на Немъ, какъ покоится на твердомъ фундаментѣ строющееся зданіе [1]), а вслѣдствіе этого еще болѣе укрѣпляясь вѣрою въ томъ направленіи, какое дано имъ Епафрасомъ (*якоже научистеся*), и соединяя вмѣстѣ съ преуспѣніемъ въ вѣрѣ чувство благодарности къ Богу,—находясь въ такомъ благопріятномъ состояніи, колоссяне должны и оставаться въ немъ. Они должны наблюдать за тѣмъ, чтобы кто нибудь, подобно охотнику, не поймалъ (ὁ συλαγωγῶν) ихъ въ свои сѣти при помощи извѣстной, ложной философіи (ап. не разумѣетъ тутъ философію вообще, какъ показываетъ членъ стоящій предъ φιλοσοφίας), которая есть не иное что какъ пустое, не имѣющее въ себѣ зерна истины, обольщеніе. Эта философія не можетъ въ сущности дать ничего прочнаго, потому что она основывается на человѣческомъ преданіи т. е. на тѣхъ воззрѣніяхъ теософическаго характера, какія вѣками сложились у іудеевъ и язычниковъ, и на стихіяхъ міра т. е. представляетъ собою только элементарную, слабую попытку рѣшить великіе вопросы, уже рѣшенные во Христѣ и для христіанъ. Итакъ эта философія обходитъ Христа хотя въ Немъ обитаетъ полнота божескаго существа и божественныхъ свойствъ тѣлесно т. е. видимымъ для насъ образомъ, и потому эта философія опасна для христіанъ (ст. 7—9). Съ другой стороны и вѣрующіе Колоссяне уже исполнены во Христѣ т. е. чрезъ таинственный союзъ съ Нимъ полу-

---

[1]) Слова *укоренени* и *наздани* по своему смыслу не могутъ служить какъ опредѣленія къ глаголу *ходите*, а потому ихъ лучше относить къ послѣдующему *блюдите*, а послѣ глагола *ходите* поставить точку.

чили полноту божественныхъ благодатныхъ даровъ (ἐστε не повелит., а изъявит. накл.). Имъ нечего ожидать отъ ангельскихъ силъ, къ служенію которымъ увлекаютъ ихъ лжеучители (ср. ст. 18): ангельскія силы всѣ подчинены Христу какъ своему главѣ и, слѣд., даже ничего не могутъ дать людямъ безъ Его воли (ст. 10). Нечего имъ искать и въ плотскомъ обрѣзаніи, необходимость котораго продолжали проповѣдывать іудействующіе. Та цѣль, на которую указывало плотское обрѣзаніе, именно умерщвленіе ветхаго, плотскаго человѣка, уже достигнута колоссянами чрезъ принятіе крещенія, которое апостолъ называетъ обрѣзаніемъ, совершаемымъ Самимъ Христомъ: они какъ и всѣ христіане воскресли вмѣстѣ со Христомъ къ новой жизни въ силу своей вѣры во всемогущество Божіе, которое всего яснѣе выразилось въ воскресеніи І. Христа изъ мертвыхъ (ст. 11—12). Обращаясь теперь въ частности къ христіанамъ изъ язычниковъ, ап. говоритъ, что они получили отъ Бога во Христѣ такое благодѣяніе, выше котораго не могло найтись для нихъ. Именно они, проводившіе прежде жизнь во грѣхахъ и руководившіеся въ жизни побужденіями своей плоти, которая не имѣла даже и внѣшняго обрѣзанія (*въ необрѣзаніи плоти вашея*), получили во Христѣ нравственное обновленіе. Что касается и самихъ іудеевъ, къ которымъ принадлежали лжеучители, то и имъ тоже чрезъ Христа отпущены Богомъ грѣхи [1]), а вмѣстѣ съ этимъ они освободились отъ обязательства исполнять ветхозавѣтный законъ, которое наложено было на нихъ въ силу заключеннаго съ Богомъ завѣта. Христосъ изгладилъ или уничтожилъ ту собственноручную росписку (χειρόγραφον), которою народъ Израильскій при Синаѣ обязался сохранять постановленія закона (τοῖς δόγμασιν—дател. отношенія) и которая загораживала Израилю путь ко спасенію, ибо условія ея Израиль былъ не въ силахъ исполнить. Въ такомъ именно видѣ, какъ кусокъ пергамента, на которомъ ничего не осталось отъ написаннаго на немъ прежде, Богъ и пригвоздилъ эту росписку ко кресту, чтобы всѣ видѣли, что она лишена теперь всякой силы

[1]) ἡμῖν, безъ сомнѣнія, противоположно ὑμᾶς и означаетъ христіанъ изъ іудеевъ.

и значенія, что люди уже не должны быть обязываемы къ соблюденію предписаній Моисеева закона (ст. 13—14). Одновременно съ этимъ Богъ сокрушилъ и всѣ угрожавшія людямъ (язычникамъ) демонскія силы, обезоружилъ ихъ (ἀπεκδυσάμενος) и вывелъ ихъ какъ побѣжденныхъ на показъ безъ всякой осторожности (ἐν παῤῥησίᾳ), поведя ихъ въ тріумфальномъ шествіи за крестомъ (ἐν αὐτῷ относится не ко Христу, потому что во всемъ періодѣ идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ Бога, а къ слову τῷ σταυρῷ; ст. 15).

Итакъ, Христосъ освободилъ людей отъ обязанности исполнять обрядовыя предписанія Моисеева закона. Поэтому никто не долженъ осуждать колоссянъ за ихъ свободу въ отношеніи къ ѣдѣ и питію или за несоблюденіе ими какого нибудь (ἐν μέρει) изъ іудейскихъ великихъ праздниковъ (ἑορτῇ) или праздника новомѣсячія или обыкновенной субботы. Всѣ эти ветхозавѣтныя учрежденія, и теперь еще существующія среди невѣрующихъ во Христа іудеевъ (ἐστι), не иное что какъ только тѣнь, которую отбрасываетъ грядущее (τα μέλλοντα) т. е., для христіанъ уже наступившій, вѣкъ Мессіи. Ветхій Завѣтъ такимъ образомъ, по представленію апостола. только намекалъ на существованіе истины и на ея близкое откровеніе, подобно тому какъ, видя тѣнь, мы заключаемъ о существованіи тѣла, которое ее отбрасываетъ. И какъ тѣнь лишена дѣйствительнаго содержанія и не можетъ что нибудь сдѣлать, такъ и ветхозавѣтный законъ находился въ такомъ же состояніи безсилія. Тѣло же, котораго тѣнью служилъ В. Завѣтъ, принадлежитъ Христу, и такъ какъ Христосъ уже явился, то вмѣстѣ съ этимъ теряетъ всякій смыслъ предъуказывавшая на Него тѣнь (ст. 16—17). Затѣмъ ап. увѣщаетъ своихъ читателей не увлекаться и теоретической стороной ученія лжеучителей. Пусть никто не исторгнетъ изъ ихъ рукъ награду за одержанную въ борьбѣ побѣду (μηδεὶς ὑμᾶς καταβραβευέτω) т. е. спасеніе; а къ этому и стремятся лжеучители, употребляя при этомъ въ качествѣ приманки или ложное смиренномудріе, изъ за котораго они, вѣроятно, не осмѣливались обращаться съ молитвою прямо къ Богу, а искали доступа къ Нему при посредствѣ ангеловъ, или же привлекая на свою сторону колоссянъ прямо служеніемъ ангеламъ, которое почему-то

слишкомъ нравилось мало-азійскимъ христіанамъ и держалось среди нихъ до 4-го столѣтія. При этомъ, продолжая сами полнѣе и шире изучать тѣ тайны невидимаго міра, которымъ они обучали простыхъ людей, лжеучители, руководясь своимъ плотскимъ, земнымъ умомъ, впадали въ большую гордость, которая однако не имѣла для себя ни малѣйшаго основанія (εἰκῆ). Еще болѣе вреда это служеніе ангеламъ приносило въ томъ отношеніи, что приводило къ отрицанію несравненнаго достоинства І. Христа, какъ Главы. отъ которой зависитъ жизнь всего тѣла т. е. Церкви, безъ которой ни одинъ членъ тѣла не можетъ сдѣлать ничего полезнаго и подъ которою только можетъ все тѣло возрастать такъ, какъ угодно Богу—ростомъ Божіимъ (ст. 18—19). Но такъ какъ аскетическія правила были для колоссянъ понятнѣе и удобопріемлемѣе, чѣмъ отвлеченныя созерцанія лжеучителей о тайнахъ ангельскаго міра, то ап., оставляя послѣднія, еще разъ даетъ наставленіе читателямъ по поводу первыхъ. Для него представляется весьма страннымъ то обстоятельство, что колосскіе христіане даже и послѣ смерти своей заботятся о вещахъ, относящихся только къ этому земному міру. Они подобно Христу, со смертію Своею освободившемуся отъ подчиненія закону, уже свободны отъ стихійнаго служенія (ср. Гал. 4, 3) и однако снова поставляютъ себя подъ ферулу обрядоваго закона (δογματίζεσθε), снова начинаютъ слушать предписанія, запрещающія вкушать и даже прикасаться къ тому, что вслѣдствіе злоупотребленія (ἀπόχρησις) можетъ привести человѣка къ нравственной погибели (т. е. извѣстная пища, напитки) и чего поэтому лучше совсѣмъ не касаться (такимъ образомъ слова: *яже суть*... составляютъ продолженіе рѣчи лжеучителей). Высказывая свое сужденіе объ этихъ правилахъ жизни, которымъ учатъ еретики, ап. приписываетъ имъ чисто человѣческое происхожденіе: еретическіе догматы, и какъ практическія наставленія (τὰ ἐντάλματα), и какъ теоретическія положенія (διδασκαλίαι) измышлены людьми. И если они имѣютъ видъ премудрости или, вѣрнѣе, если о нихъ распространилась молва (λόγος) какъ о премудрыхъ правилахъ, вслѣдствіе требуемаго ими новаго рода богопочтенія (ἐθελοθρησκεία), вслѣдствіе смиренія, въ силу котораго лжеучители обращаются

съ молитвами къ Богу только чрезъ посредство ангеловъ и наконецъ, вслѣдствіе аскетическаго истязанія своего тѣла, которое разсматривалось въ гностическихъ системахъ какъ источникъ грѣха,—если и пріобрѣли такую славу наставленія лжеучителей, то это, по мнѣнію апостола, случилось не потому, чтобы они имѣли дѣйствительное достоинство (τιμή). Можно даже сказать, что эти правила не только не достигаютъ своей цѣли, а приводятъ совершенно къ противоположному: именно если, при соблюденіи аскетическихъ правилъ еретиковъ, тѣло (σῶμα) и остается неудовлетвореннымъ, за то плоть (σάρξ—вообще чувственно-эгоистическая сторона человѣческаго существа) находитъ въ исполненіи этихъ правилъ полное насыщеніе, плотская гордость человѣка доходитъ въ этомъ случаѣ до полнаго удовлетворенія (πλησμονὴ ст. 20—23). Такимъ образомъ изъ этой, второй главы съ достовѣрностію можно заключить, что колосскіе лжеучители принадлежали къ христіанамъ изъ іудеевъ. Но это были не обыкновенные приверженцы Моисеева закона, получившіе фарисейско-раввинское образованіе, которые дѣйствовали противъ апостола въ Галатіи, Македоніи и отчасти въ Римѣ. Именно колосскіе лжеучители не ограничивались защищеніемъ обрѣзанія и другихъ теократическихъ учрежденій, а вдавались въ разсужденія о высшемъ, ангельскомъ мірѣ, которому и отводили во всей системѣ міра высшее мѣсто, чѣмъ Христу. Съ этимъ исключительнымъ уваженіемъ къ *духовному* міру стояло въ связи презрѣніе къ *матеріальной* сторонѣ жизни, односторонній аскетизмъ. Итакъ можно сказать, что въ ихъ ученіи лежалъ зародышъ позднѣйшаго іудео-христіанскаго гностицизма. Болѣе же всего колосскіе еретики по своимъ теоріямъ походили на гностиковъ кериноіанъ.

ГЛАВА 3-я.

Увѣщанія апостола къ благочестивой жизни, обращенныя преимущественно къ лицамъ составляющимъ христіанское семейство.

Начиная свои нравоучительныя увѣщанія, ап. отправляется въ этомъ случаѣ отъ факта духовнаго воскресенія колосскихъ

христіанъ. Они воскресли со Христомъ къ новой жизни и потому должны стремиться туда, гдѣ находится Тотъ, съ Кѣмъ они такъ тѣсно связали себя, именно на небо. Они должны помышлять и заботиться о томъ, что имѣетъ отношеніе къ этой небесной жизни, и не отдаваться сердцемъ земнымъ вещамъ и отношеніямъ. Для заботы о томъ, что имѣетъ исключительное отношеніе къ земной жизни, у христіанъ не осталось уже никакого повода. Они умерли духовно и поэтому ничто земное не можетъ занимать ихъ умъ само по себѣ Положимъ, ихъ новая жизнь не есть что нибудь явное для всѣхъ, но она однако, несомнѣнно, началась и откроется на видъ всѣхъ тогда, когда снова явится Христосъ во всемъ Своемъ величіи, потому что она связана съ жизнью Христа, а эта послѣдняя еще сокрыта въ своемъ величіи отъ людей (ст. 1—4). Воскреснувъ къ новой жизни, христіане сами должны умерщвлять *уды яже на земли* т. е. не только отрицательно относиться къ земнымъ приманкамъ, но и подавлять въ себѣ, въ своей плоти всѣ грѣховныя побужденія и обнаруженія, за которыя на людей обрушивается и теперь (ἔρχεται ср. Рим. 1, 18) гнѣвъ Божій (ср. 5—7). Въ христіанской жизни коллоссянъ уже не должны имѣть мѣста разныя дурныя языческія привычки и пороки, потому что духовное перерожденіе колоссянъ уже совершилось и они, какъ люди, поставленные на новую дорогу, должны заботиться о своемъ собственномъ обновленіи съ цѣлію достигнуть того познанія, о которомъ ап. говорилъ ранѣе (гл. 1, ст. 9). Самое же обновленіе ихъ должно совершаться по той же нормѣ, по какой совершилось и сотвореніе перваго человѣка т. е. по образу Божію. Не нужно приэтомъ обновленіи брать для себя образцомъ какой-нибудь высшій типъ человѣчества, потому что во Христѣ или въ Церкви Христовой различныя національныя и соціальныя преимущества не имѣютъ значенія (ст. 8—11). Облекшись въ новаго человѣка, колоссяне должны украшать себя и добродѣтелями, какія соотвѣтствуютъ существу новаго человѣка, и всѣ эти добродѣтели какъ одежды препоясывать любовію (ἐπὶ πᾶσι δὲ τούτοις τὴν ἀγάπην подр. ἐνδύσασθε—надѣньте на все это любовь), потому что только подпоясанный человѣкъ является вполнѣ одѣтымъ и готовымъ къ ше-

ствію и точно также только при любви получаютъ значеніе всѣ прочія добродѣтели (она есть σύνδεσμος τῆς τελειότητος). Миръ Божій или отъ Бога, который является въ такомъ украшенномъ добродѣтелями человѣкѣ, долженъ рѣшить побѣду христіанъ или помочь христіанамъ достигнуть небесной награды (βραβευέτω ср. 2, 18). При этомъ обновленіи большую пользу приноситъ слово Божіе и апостолъ желаетъ чтобы къ нему прибѣгали христіане какъ можно чаще, вразумляя имъ другъ друга въ различныхъ обстоятельствахъ жизни. Точно также, взамѣнъ прежней языческой болтовни и языческихъ пѣсенъ, христіане должны посредствомъ новыхъ пѣсней разнаго содержанія (гимновъ, псалмовъ и одъ) съ особеннымъ одушевленіемъ (ἐν χάριτι) и притомъ отъ искренняго сердца воспѣвать Господа на своихъ домашнихъ собраніяхъ (ср. Еф. 5, 19). Вслѣдствіе этого почтенія къ Слову Божію все въ жизни христіанъ должно освящаться именемъ Христовымъ, все должно быть достойно послѣдователей Христа и за все должно быть возносимо благодареніе Богу (ст. 12—17). Затѣмъ слѣдуютъ наставленія членамъ семьи, почти до буквальности сходныя съ наставленіями, находящимися въ посланіи къ Ефесянамъ (ст. 18—25 и 6, 1. ср. Еф. гл. 5 и 6).

ГЛАВА 4-я.

Увѣщанія общаго содержанія. Извѣщеніе апостола о себѣ и привѣтствія колоссянамъ.

Въ заключеніе апостолъ увѣщаетъ колоссянъ къ постоянству въ молитвѣ какъ надежному средству въ борьбѣ съ искушеніями и въ частности проситъ ихъ помолиться объ освобожденіи его, Павла, чтобы онъ могъ по прежнему возвѣщать тайну призванія язычниковъ въ Церковь Христову. Теперь же, пока Павелъ находится въ узахъ, колосскіе христіане должны хотя нѣсколько помочь ему исполнить возложенное на него Христомъ дѣло и съ своей стороны, своимъ мудрымъ поведеніемъ, содѣйствовать обращенію своихъ согражданъ къ вѣрѣ христіанской. А для этого они должны въ спорахъ съ язычниками о вѣрѣ заботиться о томъ,

чтобы ихъ рѣчь была одушевленна и пріятна (ἐν χάριτι) и растворена солію т. е. интересна и умна. (ст. 2—6).

Закончивъ увѣщательную часть посланія, ап. говоритъ, что самое посланіе онъ посылаетъ съ Тихикомъ и съ Онисимомъ, родомъ колоссяниномъ. Первый долженъ извѣстить колоссянъ о положеніи апостола, а съ другой стороны ознакомиться съ состояніемъ колоссянъ и утѣшить ихъ души (ст. 7—9). Затѣмъ ап. привѣтствуетъ колоссянъ отъ лица своего товарища по заключенію Аристарха, родомъ изъ Солуни (Дѣян. 20, 4), отъ лица Марка, племянника Варнавы, о которомъ колоссяне получили было отъ апостола какія то предписанія (вѣроятно, запрещавшія этому не твердому въ своемъ дѣлѣ проповѣднику евангелія церковно-общественную дѣятельность см. Дѣян. 15, 37. 38), но котораго теперь ап. велитъ принять. Затѣмъ слѣдуютъ привѣтствія отъ Іисуса Юста, вѣроятно римскаго іудея, отъ извѣстнаго коллосянамъ Епафраса, ихъ просвѣтителя, отъ Луки, евангелиста и ближайшаго друга апостола и отъ нѣкоего Димаса (см. 10—14). Отъ себя апостолъ велитъ привѣтствовать лаодикійскихъ христіанъ, сосѣдей колоссянъ, и въ особенности лаодикійца Нимфана, въ домѣ котораго (κατ᾽ οἶκον αὐτοῦ) находилась церковь или такое же мѣсто для богослуженія, какое имѣлось въ домѣ Филемона (Фил. 2). Свое посланіе ап. велитъ передать для прочтенія въ Лаодикіи, которой угрожала таже опасность отъ лжеучителей, въ какой находилась и колосская церковь. Въ свою очередь колоссяне должны прочитать посланіе изъ Лаодикіи (τὴν ἐκ Λαοδικείας). Подъ этимъ послѣднимъ всего лучше разумѣть посланіе къ Филемону и вотъ по какимъ основаніямъ. Въ числѣ порученій, относящихся къ Лаодикіи, (καὶ ст. 17) ап. даетъ колоссянамъ порученіе, касающееся Архиппа, который стоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Филемону (Фил. 2). Значитъ, Архиппа и Филемона слѣдуетъ считать жителями Лаодикіи, тѣмъ болѣе, что апостолу не было бы надобности обращаться къ Архиппу чрезъ Колоссянъ, если бы послѣдній самъ былъ колоссяниномъ. Если упоминаніе о посланіи изъ Лаодикіи навело апостола на мысль объ Архиппѣ, родственникѣ Филемона, то какъ иначе объяснить эту ассоціацію мыслей если не предположить, что

подъ означеннымъ посланіемъ ап. разумѣетъ посланіе свое къ Филемону? И для колоссянъ, дѣйствительно, посланіе къ Филемону было въ высшей степени интересно, потому что касалось ихъ согражданина Онисима, находившагося прежде въ рабствѣ у Филемона, а теперь явившагося въ Колоссы въ качествѣ учителя вѣры. Что касается порученія, какое апостолъ даетъ колоссянамъ относительно Архиппа,—напомнить ему о вѣрномъ исполненіи взятой на себя обязанности,—то оно, вѣроятно, вызвано появленіемъ лжеучителей. Затѣмъ ап. собственноручно пишетъ привѣтствіе колоссянамъ и убѣждаетъ ихъ помнить объ его узахъ, конечно, для того, чтобы не забывать апостола въ своихъ молитвахъ (ст. 15—18).

О первомъ посланіи ап. Павла къ Солунянамъ.

Солунь или Өессалоники во время ап. Павла былъ самымъ знаменитымъ городомъ въ Македоніи и главнымъ торговымъ городомъ древняго міра. Церковь христіанская въ этомъ городѣ обязана была своимъ существованіемъ ап. Павлу, который, во время 2-го своего великаго миссіонерскаго путешествія, проповѣдовалъ здѣсь евангеліе и обратилъ ко Христу немалое количество Солунянъ, главнымъ образомъ язычниковъ. Но ненависть Іудеевъ заставила его удалиться отсюда (подробности объ основаніи церкви Солунской см. въ 17-й главѣ Дѣян. Апост.). По его удаленіи Солунская церковь твердо сохраняла вѣру и братскую любовь; но ей угрожала опасность увлечься распущенностью, которая царила въ богатой Солуни, и корыстолюбіемъ, усиленію котораго содѣйствовали занятія солунскихъ христіанъ, (торговля и ремесла). Затѣмъ многіе изъ солунскихъ христіанъ слишкомъ нетерпѣливо ожидали втораго пришествія Христова, которое должно положить конецъ всѣмъ страданіямъ христіанъ, другіе-же отвергали и пренебрегали всякими пророчествами. При этомъ, конечно, не оставляли Солунянъ въ покоѣ враги апостола—іудеи, которые повсюду, по его уходѣ, старались очернить его въ глазахъ христіанъ. Все это и побудило апостола обратиться къ Солунянамъ съ посланіемъ. По мнѣнію большинства толкова-

телей, посланіе написано въ 53-мъ году во время пребыванія апостола въ Коринѳѣ. Въ посланіи своемъ ап. сначала говоритъ о своей дѣятельности въ Солуни, объ отношеніяхъ своихъ къ Солунянамъ и объ успѣхахъ послѣднихъ въ христіанской жизни (1—3). (Затѣмъ въ 4 и 5 гл.) ап. даетъ Солунянамъ разныя нравственныя наставленія, имѣя въ виду опасности, угрожавшія Солунянамъ.

Изъясненіе перваго посланія къ Солунянамъ.

ГЛАВА 1-я.

Состояніе солунской церкви.

Послѣ привѣтствія церкви солунской, которое ап. высказываетъ не только отъ своего лица, но еще отъ Силуана и Тимоѳея, помогавшихъ ему при основаніи церкви въ Солуни (ст. 1), ап. говоритъ, что онъ всегда благодаритъ Бога за доброе состояніе солунской церкви, какъ только упоминаетъ о ней въ своихъ молитвахъ (ст. 2). Къ благодаренію за Солунянъ апостола побуждаетъ съ одной стороны ихъ собственная жизнь. Они обнаруживаютъ свою вѣру на дѣлѣ (τοῦ ἔργου τῆς πίστεως) и этимъ исполняютъ свою обязанность *въ отношеніи* къ Богу, *трудятся на пользу* своихъ братій и этимъ исполняютъ свои обязанности къ ближнимъ, и наконецъ передъ міромъ выказываютъ вполнѣ твердую надежду на Христа. Однако всѣ эти добродѣтели воспитываютъ въ себѣ Солуняне не для того, чтобы выставлять ихъ на показъ, а чтобы сдѣлаться угодными Богу и Отцу своему (ст. 3). Съ другой стороны ап. побуждается къ благодаренію тѣмъ, что ему хорошо извѣстно божественное рѣшеніе объ избраніи Солунянъ къ участію въ благахъ царства Христова (ст. 4). А это божественное избраніе Солунянъ ап. позналъ изъ того, что во 1) его проповѣдь въ Солуни обнаруживала дѣйствовавшую въ апостолѣ силу Божію (ἐν δυνάμει) и его собственную живую увѣренность въ истинности своей проповѣди; (ἐν πληροφορίᾳ πολλῇ). Эту силу и увѣренность подавалъ ему Духъ Святой; 2) изъ того, что Солуняне повѣрили съ радостію проповѣди апостола,

когда, казалось, внѣшнія бѣдствія, въ какихъ находились другіе послѣдователи Христа, должны бы скорѣе оттолкнуть Солунянъ отъ апостола, и такимъ образомъ содѣлались подражателями Павла и даже Самого Христа, Который съ радостію исполнялъ волю Отца Своего при всѣхъ, даже самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Мало того, Солуняне стали образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ Македоніи и Ахаіи,— областей, которыя ап. посѣтилъ, по удаленію изъ Солуни (ст. 5—7). Свидѣтельство самого апостола о благопріятномъ положеніи солунской церкви потверждается и молвою, какая разнеслась по всѣмъ христіанскимъ церквамъ объ обращеніи Солунянъ. Ибо слово Господне или евангеліе, благодаря тѣмъ великимъ результатамъ, какіе оно имѣло въ Солуни, стало гораздо болѣе вліять и на христіанъ другихъ городовъ не только на сосѣднія области, но и на самыя отдаленныя. Вездѣ знаютъ о вѣрѣ Солунянъ, такъ что апостолу даже не нужно и сообщать объ этомъ. Знаютъ даже и о томъ, какъ честно и мудро дѣйствовалъ апостолъ (входъ его) и какъ нетерпѣливо Солуняне ожидаютъ съ небесъ Іисуса, постояннаго своего избавителя (ῥυόμενον) отъ угрожающаго людямъ гнѣва Божія (ст. 8—10).

ГЛАВА 2-я.

Образъ дѣйствій ап. во время его пребыванія въ Солуни. О вѣрѣ Солунянъ.

Свидѣтельство чужихъ людей объ апостолѣ, которымъ апостолъ подтверждаетъ свое собственное, въ свою очередь находитъ для себя подкрѣпленіе въ сознаніи самихъ Солунянъ. Апостолъ напоминаетъ имъ о своемъ образѣ дѣйствій, потому что какъ видно изъ отрицательныхъ положеній 1, 3, 5 и слѣд. стиховъ, его враги старались выставить передъ солунскими христіанами въ невыгодномъ свѣтѣ его дѣятельность въ Солуни. Враги эти,— конечно, главнымъ образомъ іудеи, но, вѣроятно имъ вторили и невѣрующіе язычники. Имѣя въ виду навѣты этихъ враговъ своихъ, онъ прежде всего говоритъ, что Солуняне и сами хо-

рошо знаютъ, что дѣятельность его въ Солуни не была пустою, что его появленіе тамъ не было лишено силы и внушительности (κενή). Суетный, пустой мечтатель не станетъ страдать за свое дѣло и притомъ неоднократно какъ страдалъ Павелъ за свою проповѣдь (ст. 1—2). Нѣтъ, его проповѣдь не есть порожденіе какого нибудь самообольщенія и не вызвана какими нибудь нечистыми побужденіями, напр. корыстолюбіемъ, равно и распространеніе ея совершается не при помощи какихъ либо дурныхъ средствъ (ἐν δόλῳ) Апостолъ дѣйствуетъ сообразно съ своимъ высокимъ призваніемъ (ст. 3—4) и Солуняне имѣли полную возможность убѣдиться сами, что онъ никогда не хотѣлъ льстить имъ. Что-же касается корыстолюбія, которымъ такъ часто страдали разные вѣроучители, то ап. свидѣтельствуется Богомъ въ томъ, что ничего не говорилъ Солунянамъ изъ за того, что будто бы хотѣлъ получить отъ нихъ деньги (ἐν προφάσει πλεονεξίας). Ап. не ищетъ и славы земной, человѣческой ни отъ Солунянъ, ни отъ другихъ, которые бы могли восхвалить апостола за обращеніе Солунянъ. Онъ и не являлся въ Солунь съ особенною важностью, какъ могъ бы явиться уполномоченный посолъ Царя Христа, но былъ посреди нихъ нѣжною матерью, питающею своихъ дѣтей, которая дѣлаетъ это совершенно безкорыстно, по одной любви. Ап. готовъ былъ пожертвовать для Солунянъ и самою жизнію своею (ψυχάς — множ. число показываетъ, что онъ говоритъ и отъ лица своихъ помощниковъ) и въ доказательство этого онъ указываетъ на свою, особенно ночную работу въ Солуни, которой онъ предавался, чтобы не отягощать любимыхъ Солунянъ издержками на его содержаніе и которая, для него, болѣзненнаго и нервнаго, была весьма тяжела (ст. 5—9.). Послѣ этого опроверженія взводившихся на него обвиненій, ап. въ краткихъ чертахъ изображаетъ свою дѣятельность въ Солуни, призывая во свидѣтели ея Солунянъ, очевидцевъ его дѣйствій, и Бога, знающаго всѣ расположенія его сердца. Поведеніе апостола въ отношеніи къ нимъ, Солунянамъ, было вполнѣ достойно его высокаго служенія, хотя пользуясь ихъ довѣріемъ (ὑμῖν τοῖς πιστεύουσιν) съ ними можно-бы поступать какъ угодно. Ап., какъ они знаютъ, поступалъ въ отношеніи къ нимъ какъ добрый отецъ и на-

учалъ ихъ только добру (ст. 10—12.). Съ своей стороны и апостолъ, съ своими помощниками, съ благодарностію вспоминаетъ о томъ, что Солуняне приняли ихъ проповѣдь какъ слово Самого Бога и что это слово обнаруживаетъ на нихъ свое чудесное дѣйствіе, подавая имъ силы въ перенесеніи страданій отъ своихъ невѣрующихъ соплеменниковъ. Почему ап. при этомъ съ особеннымъ негодованіемъ говоритъ объ Іудеяхъ, гнавшихъ палестинскихъ христіанъ—этотъ вопросъ разрѣшается тѣмъ, что іудеи болѣе всего вредили апостолу и въ Солуни. Ихъ враждебное отношеніе къ ап. Павлу могло смущать и солунскихъ христіанъ, изъ которыхъ многіе принадлежали прежде къ іудейскимъ прозелитамъ и потому не скоро могли освободиться отъ пристрастія къ мнѣніямъ іудеевъ. Имѣя въ виду это вліяніе іудеевъ на Солунянъ, ап. съ особенною настойчивостью указываетъ на то, что іудеи—народъ ничѣмъ недовольный: они убили Мессію и даже своихъ собственныхъ (τοὺς ἰδίους) пророковъ. И если теперь они свою борьбу противъ апостола язычниковъ объясняютъ ревностью о славѣ Божіей, то имъ вѣрить никакъ не слѣдуетъ: они не угодны Богу и возбуждаютъ отвращеніе въ людяхъ своею гордостью, своимъ страшнымъ національнымъ эгоизмомъ; но скоро они будутъ наказаны: гнѣвъ Божій противъ нихъ дошелъ уже до конца т. е. готовъ разразиться надъ грѣшнымъ народомъ (ст. 13—16.). Затѣмъ ап. въ противовѣсъ обвиненіямъ, какія выставляли противъ него іудеи, говоритъ, что онъ не забывалъ свою солунскую паству, и по удаленіи своемъ изъ Солуни. Вмѣстѣ съ своими помощниками онъ стремится увидѣться съ Солунянами, а лично даже дважды рѣшался посѣтить Солунь, но оба раза сатана чѣмъ то воспрепятствовалъ апостолу осуществить его желаніе (ст. 17—20).

ГЛАВА 3-я.

Заботливость апостола о Солунянахъ.

Итакъ, апостолу нельзя было лично утѣшить Солунянъ поэтому, не будучи въ силахъ пребывать далѣе въ неиз-, вѣстности о нихъ, онъ и Силуанъ рѣшились одни остаться

въ Аѳинахъ, а Тимофея, вѣрнаго своего сотрудника, послать въ Солунь, чтобы онъ убѣдилъ солунскихъ христіанъ не смущаться въ скорбяхъ, ибо христіанамъ, замѣчаетъ ап., Самимъ Богомъ суждено претерпѣвать въ этой жизни скорби (1—5 ст.). Возвратившійся изъ Солуни Тимофей принесъ добрыя извѣстія о Солунянахъ, и это утѣшило апостола, ибо онъ живетъ только сознаніемъ того, что они, какъ и другіе христіане, твердо стоятъ въ христіанской вѣрѣ (ст. 6—8). Говоря такъ, ап. нисколько не преувеличиваетъ своей любви къ Солунянамъ: онъ даже не можетъ воздать Богу достаточную благодарность за тѣ духовныя радости, какія доставляютъ ему Солуняне своею вѣрою. На это божественное благодѣяніе онъ можетъ отвѣчать только усердною молитвою о томъ, чтобы Богъ далъ ему опять возможность послужить Солунянамъ при личномъ свиданіи съ ними. И теперь ап. молится прежде всего о томъ, чтобы Богъ сдѣлалъ ровнымъ путь его въ Солунь, а въ Солунянахъ,—придетъ или не придетъ къ нимъ апостолъ,—усилилъ бы любовь. Дѣло апостола содѣйствовать пополненію познаній Солунянъ о вѣрѣ христіанской, дѣло Божіе—умножить въ христіанахъ любовь и притомъ такую, которая бы обнимала всѣхъ людей (какою любовію было проникнуто въ особенности сердце ап. Павла, ибо онъ полюбилъ Солунянъ еще прежде чѣмъ они содѣлались его братьями во Христѣ). Эта любовь утвердитъ ихъ сердце въ чистотѣ совершенной (предъ Богомъ), какимъ оно и должно явиться ко дню 2-го пришествія Христова (ст. 9—13.).

ГЛАВА 4-я.

Увѣщаніе къ святой жизни. Ученіе о второмъ пришествіи Христовомъ и воскресеніи мертвыхъ.

Въ предшествующихъ главахъ ап. сказалъ много радостнаго для церкви солунской и потому могъ надѣяться, что сердце Солунянъ послѣ этого будетъ вполнѣ расположено къ нему. Такимъ образомъ онъ, естественно, переходитъ съ увѣщаніямъ, которыя должны дополнить то, что недоставало въ вѣрѣ Солунянъ (см. 3, 10 и 13). Надѣясь,

что слова его не останутся безъ дѣйствія. Ап. увѣщаетъ и молитъ Солунянъ, чтобы они, положивъ начало своей христіанской жизни, болѣе и болѣе усовершались въ ней, что для нихъ, знающихъ хорошо заповѣди Христовы, не представляетъ большой трудности. Ибо Богъ хочетъ, чтобы Солуняне воздерживались отъ прежнихъ языческихъ пороковъ, и прежде всего отъ блуда, соблюдая (κτάομαι употреб. въ такомъ значеніи еще въ книгѣ Исх. 21, 2) свое тѣло (сосудъ души) въ чистотѣ (ст. 1—5). Затѣмъ ап. предостерегаетъ и отъ другого языческаго порока — страсти корыстолюбія, доходящаго до несправедливости въ отношеніи къ ближнимъ. (Эти оба порока блудъ и корыстолюбіе были важнѣйшими причинами всѣхъ бѣдствій древняго міра и Гораціи представлялъ ихъ могильщиками, которые безъ милосердія рыли могилу для современнаго ему поколѣнія). Богъ накажетъ людей за эти грѣхи и въ особенности накажетъ христіанъ, которые хорошо знаютъ, что они (грѣхи) противны Богу и оскорбляютъ Духа Св., пребывающаго въ насъ (ст. 6—8). Затѣмъ, снова обращаясь къ недостаткамъ, какіе замѣчались въ жизни Солунянъ, ап. увѣщаетъ Солунянъ жить тихо и заниматься своимъ дѣломъ, а также не смущать язычниковъ своимъ поведеніемъ. Это наставленіе было тѣмъ болѣе необходимо для Солунянъ, что многіе изъ нихъ (см. 2 Сол 3, 19.), въ виду близости пришествія Христа и открытія славнаго Его царства, совсѣмъ бросили свои занятія и стали праздно ходить по городу, возбуждая въ язычникахъ нареканія на христіанство вообще (ст. 11—12). Оговоривъ практическое заблужденіе, которое имѣло отношеніе къ пришествію І. Христа, ап. переходитъ къ разсмотрѣнію другого, теоретическаго, тоже стоявшаго въ связи съ упомянутымъ пришествіемъ Христовымъ. Именно Солуняне, какъ видно изъ словъ апостола, слишкомъ сильно печалились о своихъ умершихъ, предполагая, что они будутъ лишены радости встрѣтить грядущаго съ небесъ Господа и что только дожившіе до 2-го пришествія съ радостью и ликованіемъ примутъ Господа, Который, уже послѣ этой торжественной встрѣчи съ своими живыми послѣдователями, воскреситъ умершихъ. И чѣмъ болѣе ап. въ своей устной проповѣди представлялъ 2-е пришествіе Господа какъ при-

шествіе для избавленія страдающей здѣсь, на землѣ, церкви, тѣмъ скорѣе онъ могъ оставить невыясненною одновременность воскресенія умершихъ съ пришествіемъ Господа. Поэтому-то ап. и хочетъ вывести Солунянъ изъ состоянія невѣдѣнія относительно умершихъ, чтобы и скорбь ихъ, съ которою всякій человѣкъ провожаетъ въ могилу своихъ близкихъ, не походила на страшную скорбь язычниковъ, которые провожали на кладбище своихъ близкихъ съ тѣмъ, чтобы уже *никогда*, даже за гробомъ, съ ними не увидѣться (ст. 13). Въ самомъ дѣлѣ, для христіанина нѣтъ основанія впадать въ такую безнадежность о своихъ умершихъ, или, по выраженію апостола, только уснувшихъ, конечно, для того чтобы, какъ всякій уснувшій, снова возстать (περὶ τῶν κεκοιμημένων). Ибо если мы вѣруемъ, ставимъ въ основу своей жизни вѣру въ смерть и послѣдовавшее за нею воскресеніе Іисуса (человѣка), то такимъ-же образомъ (οὕτω), т. е. послѣ смерти и воскресенія, Богъ приведетъ въ міръ съ Іисусомъ и почившихъ во Христѣ, пребывающихъ душами своими у Него, приведетъ въ одно время съ *Нимъ*, *а не послѣ* Его явленія; уподобившіеся Христу въ смерти должны уподобиться Ему и въ прославленіи, и вмѣстѣ съ Нимъ явиться изъ невидимаго міра, посредствомъ принятія прославленныхъ тѣлъ, въ видимый и составить для Него великолѣпную свиту. Слѣдовательно, ихъ воскресеніе совершится ранѣе, чѣмъ измѣненіе тѣлъ людей, имѣющихъ дожить до втораго пришествія (ср. 1 Кор. 15, 47 и слѣд.) и они ни въ чемъ не потерпятъ ущерба противъ живыхъ (ст. 14). Апостолу даже открыто непосредственно Самимъ Духомъ Св. (*сіе бо вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ*), что они будутъ имѣть преимущество передъ живыми въ этомъ отношеніи. Мы, говоритъ ап. вообще о живыхъ и имѣющихъ дожить до 2-го пришествія,—если оно воспослѣдуетъ въ наши дни, во всякомъ случаѣ не можемъ встрѣтить Христа раньше, чѣмъ умершіе (ст. 15). Ибо Господь Самъ уже, не дѣйствіемъ Своей силы, какъ прежде (Мѳ. 26, 64), сойдетъ съ неба какъ полководецъ, своимъ могучимъ крикомъ (ἐν κελεύσματι) подающій знакъ къ нападенію на враговъ; въ тоже время первый изъ ангеловъ, архангелъ, будетъ собирать звуками своего голоса ангельскія воинства на

помощь человѣку (въ борьбѣ съ антихристомъ), а Божія труба будетъ возвѣщать о приступѣ къ стѣнамъ враждебной твердыни. (Все это, конечно, только образы страшнаго, величественнаго явленія Христова). Тогда то сначала послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ во Христѣ т. е. праведныхъ, (ст. 16), а затѣмъ и измѣненіе тѣлъ людей, оставшихся въ живыхъ, такъ что всѣ въ торжественной процессіи полетятъ на облакахъ въ воздухъ на встрѣчу Господу, грядущему съ неба и въ такой дружеской близости къ Нему всегда и пребудутъ. Этимъ и могутъ утѣшаться Солуняне (ст. 17—18).

ГЛАВА 5-я.

О времени 2-го пришествія. Нравственный строй жизни христіанскихъ обществъ и каждаго христіанина.

Но какъ только заговорилъ апостолъ о второмъ пришествіи Христовомъ, въ умѣ дѣтски-вѣрующихъ Солунянъ уже вставалъ вопросъ о томъ, когда оно воспослѣдуетъ, ибо, какъ извѣстно, Солуняне слишкомъ нетерпѣливо ожидали своего Спасителя. Поэтому ап. не оставляетъ безъ вниманія и этого горячаго желанія Солунянъ, и говоритъ имъ, что ему нѣтъ нужды писать имъ о временахъ (τῶν χρόνων), т. е. цѣлыхъ періодахъ времени, которые протекутъ до 2-го пришествія, и о срокахъ (τῶν καιρῶν) т. е. объ извѣстныхъ моментахъ времени, или объ эпохахъ, которыя могутъ знаменовать приближеніе конца міра. Солуняне сами знаютъ объ этомъ достаточно, знаютъ именно не время пришествія, а характеръ его или, кратко: они знаютъ, что нельзя точно опредѣлить времени 2-го пришествія. Ибо день Господень придетъ, — конечно для людей безпечныхъ, а не для вѣрующихъ, которые ждутъ своего избавителя съ нетерпѣніемъ, — придетъ какъ тать ночью, т. е. пришествіе Господне будетъ не только неожиданнымъ, но и нежелательнымъ для большинства людей, потому что лишитъ ихъ земнаго блаженства и поставитъ на страшный судъ. Что пришествіе Го-

сподне и необходимо связанная съ нимъ погибель нечестивыхъ совершится неожиданно для нихъ—это ап. разъясняетъ тутъ же. Какъ женщину муки рожденія, могущія кончиться для нея смертію, застигаютъ неожиданно (напр. во время бесѣды, прогулки и т. д.), такъ и эти безпечные, преданные земнымъ удовольствіямъ люди будутъ внезапно застигнуты погибелью, хотя они имѣли время подумать о ней, потому что какъ бы носили ее въ своемъ нѣдрѣ. И они должны терпѣливо ожидать, чѣмъ кончатся ихъ страданія—будутъ-ли они осуждены на духовную смерть, или-же призваны къ жизни (ст. 1—3). Но если другихъ людей, безпечныхъ, день Господень застанетъ какъ воръ ночью, то это потому, что жизнь ихъ проходитъ въ тьмѣ: для нихъ тянется постоянная мрачная духовная ночь. Солуняне-же, для которыхъ взошло солнце правды и которые живутъ во свѣтѣ дня, не подвержены опасности отъ ночныхъ воровъ и такимъ образомъ день Господень не застанетъ ихъ нежданно (ст. 4—5). И они должны заботливо сохранять такое хорошее положеніе, должны держать себя какъ сыны свѣта, не поддаваясь духовному сну, который также недостоинъ христіанина, какъ неприлично вообще человѣку проводить день во снѣ. Христіане должны бодрствовать и трезвиться, т. е. не позволять себѣ отуманивать свой умъ опьяняющими удовольствіями міра, чему обыкновенно предаются язычники, грѣшники, живущіе въ тьмѣ духовной ночи. Мало того, мы какъ бодрствующіе стражи должны быть одѣты въ броню и шлемъ духовные т. е. украшены добродѣтелями вѣры, надежды и любви, о которыя бы разбивались всѣ нападенія міра и зла (ст. 6—8). А надежду на спасеніе — мы можемъ имѣть потому, что Богъ, значитъ, Самъ желаетъ нашего спасенія, если Онъ предалъ на смерть Своего Сына, съ Которымъ мы будемъ жить во всякомъ случаѣ, — застанетъ-ли Его пришествіе насъ въ живыхъ или уже умершими (ст. 9—10). Такъ какъ христіанинъ призванъ къ бодрствованію, то Солуняне должны увѣщевать къ этому другъ друга, какъ они уже и дѣлаютъ (ст. 11). Отъ наставленій, которыя имѣютъ отношеніе ко всей церкви безъ различія, ап. переходитъ теперь къ наставленіямъ, относящимся собственно только къ паствѣ.

Вѣрующіе міряне должны воспитать въ себѣ уваженіе къ своимъ предстоятелямъ или духовнымъ пастырямъ вообще, которые работаютъ тяжелую работу (τοὺς κοπιῶντας) въ христіанскомъ обществѣ, и именно въ отношеніи къ паствѣ, являются предстоятелями, молитвенниками предъ Богомъ (προϊσταμένους), а въ отношеніи къ заблуждающимся—вразумителями (νουθετοῦντας) [1]). Паства должна признавать (εἰδέναι подобно по значенію съ ἐπιγνώσκειν 1 Кор. 16, 18) пастырей за то, что̀ они есть въ дѣйствительности, цѣнить ихъ важное значеніе и считать ихъ достойными любви своей, если только, конечно, они правильно и усердно исполняютъ свое дѣло (*за дѣло ихъ*). Сказавъ объ обязанностяхъ паствы въ отношеніи къ пастырямъ, ап. желаетъ Солунянамъ взаимнаго мира, какъ результата добрыхъ отношеній паствы къ пастырямъ (ст. 12—13.). Въ свою очередь пастыри должны вразумлять тѣхъ, кто выходитъ изъ границъ, въ какія онъ поставленъ Богомъ, ободрять тѣхъ, кто слишкомъ падаетъ духомъ (напр. при мысли объ умершихъ), заступаться за слабыхъ и наконецъ быть терпѣливыми ко всѣмъ (ст. 14). Потомъ на всю церковь ап. возлагаетъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы среди христіанъ развивалась не мстительность, но стремленіе дѣлать добро для всѣхъ (ст. 15). А это стремленіе мыслимо только въ тѣхъ, которые сохраняютъ радостное настроеніе при всякихъ обстоятельствахъ жизни, къ чему ап. и призываетъ Солунянъ (ст. 16). Чтобы поддерживать это постоянное радостное настроеніе, нужно непрестанно, безъ опущенія, въ извѣстное время упражняться въ молитвѣ и притомъ должно не только высказывать прошенія, но и умѣть выражать благодарность Богу за всѣ Его благодѣянія, ибо это напоминаніе самому себѣ о полученныхъ благодѣяніяхъ будетъ возгрѣвать, оживлять нашу молитву. Благодарить за все, что съ нами случается, слѣдуетъ особенно потому, что Богъ Самъ желаетъ отъ насъ этой благодарности за тѣ великія блага, какія Онъ даровалъ намъ черезъ І. Христа, въ Ко-

[1]) Всѣ эти причастія, какъ связанныя простымъ союзомъ καὶ и имѣющія при себѣ только одинъ членъ могутъ относиться только къ лицамъ одного класса, изображая разныя стороны дѣятельности этихъ лицъ.

торомъ *все стало наше*. (ст. 18 ср. Кор. 3, 21 и слѣд.). Такъ какъ молитва христіанина есть изліяніе живущаго въ немъ Духа Божія (Рим. 8, 16, 26), то ап. для успѣха молитвы, увѣщаетъ Солунянъ не угашать этого Духа т. е. не препятствовать Его обнаруженіямъ въ церкви и особенно не унижать даръ пророчества (см. 1 Кор. 12, 10, 20; 14, 24, 25). Напротивъ, испытывая всякія пророчества, всякія вдохновенныя наставленія пророковъ,—отъ Бога они или нѣтъ, Солуняне должны удерживать доброе и отрицаться всякаго вида зла. (ст. 19—22). Но такъ какъ этотъ выборъ безъ помощи Божіей сдѣлать невозможно, то ап. проситъ у Бога, чтобы Онъ освятилъ вообще всю жизнь и дѣятельность Солунянъ и не только спасъ духъ (πνεῦμα) ихъ, т. е. высшую сторону нашего существа обновленную Духомъ Божіимъ, но чтобъ и душу, т. е. совокупность плотскихъ стремленій человѣка, чувствъ его (ψυχὴ) удержалъ подъ водительствомъ духа, и чтобъ, черезъ это, тѣло (σῶμα) освободилось отъ служенія страстямъ. Ап. надѣется, что Богъ услышитъ его молитву, если Онъ уже призвалъ Солунянъ ко спасенію (ст. 23—24). Въ заключеніе ап. проситъ молиться за себя самого, приказываетъ предстоятелямъ церкви, въ руки которыхъ, конечно, было передано посланіе, привѣтствовать братію поцѣлуемъ любви и этимъ закрѣплять общеніе любви, о которомъ выше писалъ апостолъ; и при этомъ заклинаетъ тѣхъ-же предстоятелей прочитать посланіе передъ всей братіей, чего они могли не сдѣлать, боясь обидѣть нѣкоторыхъ, содержащимися въ немъ упреками (ст. 25—28).

О второмъ посланіи ап. Павла къ Солунянамъ.

Съ кѣмъ послалъ ап. Павелъ первое посланіе къ Солунянамъ и чрезъ кого дошли до него извѣстія о состояніи Солунской Церкви — неизвѣстно. Но несомнѣнно, что эти извѣстія побудили его снова обратиться съ посланіемъ къ солунянамъ. Какого же рода были эти извѣстія? Павелъ узналъ 1), что солуняне въ новыхъ, обрушившихся на нихъ, преслѣдованіяхъ дали новыя доказательства твердости своей вѣры (гл. 1, 4); что 2) въ нихъ еще болѣе сдѣлалось на-

пряженнымъ ожиданіе второго пришествія Христова, которое (ожиданіе) возбуждаемо было нѣкоторыми вдохновенными ораторами и посланіемъ объ этомъ предметѣ, которое выдавалось за произведеніе апостола и, что 3) безпорядочная жизнь нѣкоторыхъ солунянъ, бросившихъ всякія занятія въ виду близкой кончины міра, не только не вошла въ границы, но сдѣлалась еще болѣе безпорядочною. 2-е посланіе къ Солунянамъ написано тамъ же, гдѣ и первое, т. е. въ Коринѳѣ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ перваго. Такъ думать заставляетъ то обстоятельство, что при апостолѣ находятся все тѣже спутники, какіе были при немъ тогда, когда онъ писалъ первое свое посланіе. Кромѣ того кругъ мыслей того и другаго посланія совершенно одинаковый, что возможно только въ произведеніяхъ, не далеко отстоящихъ одно отъ другаго по времени происхожденія. Цѣль, съ какою написано посланіе, не трудно угадать. Ап., конечно, хотѣлъ положить конецъ всякаго рода недоразумѣніямъ относительно близости 2-го пришествія Христова, а вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшить Солунянъ въ ихъ несчастіяхъ и поставить на истинный путь тѣхъ изъ нихъ, которые проводили безпорядочную жизнь. Соотвѣтственно этой цѣли ап. сначала раскрываетъ вѣчную истину второго пришествія Христова (гл. 1), показываетъ, что прежде явленія Господа долженъ еще явиться антихристъ (гл. 2) и присовокупляетъ къ этому разнаго рода увѣщанія (гл. 3).

Изъясненіе 2-го посланія къ Солунянамъ.

ГЛАВА 1-я.

Утѣшеніе читателей, подвергшихся новымъ преслѣдованіямъ.

Послѣ привѣтствія (1—2 ст.), ап. благодаритъ Бога за умноженіе вѣры и любви въ Солунянахъ и въ особенности за то, что Солуняне, вѣруя въ Бога и любя другъ друга, терпѣливо относятся ко всякаго рода гоненіямъ и скорбямъ, ихъ постигающимъ (3—4 ст.). Чтобы еще болѣе укрѣпить

Солунянъ въ терпѣніи ап. говоритъ, что терпѣливое перенесеніе страданій вѣрующими служитъ знакомъ (ἔνδειγμα) уже теперь начавшагося праведнаго суда Божія т. е. Богъ награждаетъ Солунянъ за ихъ вѣру и любовь даромъ терпѣнія, силою выносить страданія. И если Онъ начинаетъ свой судъ съ вѣрующихъ, то не для того, чтобы погубить ихъ, а чтобы показать ихъ достойными царства Божія, чтобы дать имъ случай выказать свою любовь къ Богу (ср. 1 Петр. 17—18). Въ этомъ Солунянамъ легко увѣриться, если только они признаютъ правосудіе Божіе вообще, въ силу котораго страдающіе должны получить успокоеніе, а притѣснители—наказаніе. Апостолъ, чтобы показать всю достовѣрность этого послѣдняго суда, изображаетъ даже всю его обстановку. Судъ этотъ совершится тогда, когда явится Господь І. Христосъ во всей Своей славѣ и, какъ Богъ на Синаѣ и въ купинѣ, въ блескѣ огня. Онъ накажетъ тѣхъ, которые не познали (потому что не захотѣли) Бога и не приняли евангелія,—накажетъ вѣчною погибелью[1]). И это будетъ тогда—снова прибавляетъ ап. для утѣшенія Солунянъ—когда Христосъ прославится во святыхъ Своихъ (т. е. покажетъ Свое величіе въ ихъ прославленіи, сообщитъ имъ Свою славу) и явится дивнымъ, возбудитъ удивленіе къ Себѣ во всемъ твореніи чрезъ то, что совершитъ надъ всѣми вѣрующими, слѣд. и надъ Солунянами, въ которыхъ свидѣтельство апостола о Христѣ встрѣтило полную вѣру (ст. 5—10). Имѣя въ виду этотъ судъ Божій (εἰς ὅ), ап. проситъ Бога, чтобы Онъ объявилъ ихъ достойными (ἀξιώσῃ) того наслѣдія, къ полученію котораго они призваны (κλήσεως), а для этого довелъ бы въ насъ до совершенства нашу склонность къ добру (πᾶσαν εὐδοκίαν ἀγαθωσύνης) и утвердилъ бы на поприщѣ дѣятельности, основанной на вѣрѣ (ἔργον πίστεως ст. 11—12).

---

[1]) Конечно, апостолъ говоритъ о погибели грѣшниковъ не потому, что предполагаетъ въ истинныхъ христіанахъ какое-нибудь злорадство по этому поводу, нѣтъ, ап. считаетъ естественнымъ и присущимъ Солунянамъ только чувство священнаго негодованія за оскорбленіе правды Божіей. Любовь ко врагамъ имени Божія ап. допускаетъ только тамъ, гдѣ можно еще надѣяться на ихъ обращеніе.

ГЛАВА 2-я.

Ученіе о второмъ пришествіи Іисуса Христа.

Переходя теперь къ тому обстоятельству, которому главнымъ образомъ и обязано 2-е посланіе къ Солунянамъ своимъ происхожденіемъ, именно къ вопросу о пришествіи I. Христа[1]), ап. проситъ Солунянъ не терять слишкомъ скоро, по первому поводу (ταχέως) душевнаго равновѣсія, трезвой разсудительности (σαλευθῆναι ἀπο τοῦ νοός), не приходить въ ужасъ (θροεῖσθαι) при словахъ какого-нибудь христіанскаго пророка, который представляетъ себя вдохновеннымъ отъ Духа Божія (μητε διά πνεύματος), или же отъ рѣчи какого-нибудь обыкновеннаго человѣка (μητε διά λόγου) который бы сталъ поражать ихъ сердце и умъ аргументами изъ священнаго писанія. Наконецъ, они не должны вѣрить словамъ какого-то посланія (δι ἐπιστολῆς), которое выдавалось за Павлово, конечно, съ тою цѣлію чтобы придать ему большій авторитетъ. Вообще ничѣмъ они не должны смущаться, какъ будто бы день Христовъ уже стоитъ предъ дверями (1—2 ст.). Ибо, на самомъ дѣлѣ, не наступитъ этотъ день до тѣхъ поръ, (такими словами слѣдуетъ пополнить недостающее у ап. предложеніе, которое необходимо требуется слѣдующимъ условнымъ предложеніемъ съ ἐὰν), пока не совершится въ мірѣ христіанскомъ отпаденіе отъ вѣры во Христа[2]), (о которомъ Солунянамъ не безъизвѣстно, какъ показываетъ употребленіе члена при словѣ ἀποστασία) и не откроется въ мірѣ человѣкъ грѣха, сынъ погибели. Послѣднимъ выраженіемъ ап. хочетъ сказать, что этотъ человѣкъ явится въ величіи (ἀποκαλυφθῇ) изъ скрытаго состоянія и такимъ образомъ по способу своего явленія уподобится

---

[1]) Солуняне въ тѣхъ гоненіяхъ, какимъ они подверглись, видѣли уже *начало конца*, ожидая съ минуты на минуту пришествія І. Христа для спасенія страдающей здѣсь, на землѣ, Церкви.

[2]) Объ этомъ говорилъ и Самъ Господь. Лук. 18, 8. Такимъ образомъ напрасно ожидаютъ многіе, что исторія человѣчества завершится возобладаніемъ христіанскихъ началъ въ жизни людей. Христіанство сначала должно повсюду распространиться, но затѣмъ въ немъ появятся цѣлыя массы отступниковъ.

Христу, второе пришествіе Котораго также называется „откровеніемъ"[1]). О человѣкѣ этомъ Солунянамъ также извѣстно (ἄνθρωπος съ членомъ). Это не направленіе извѣстной эпохи, а отдѣльная личность, потому что только лицо, а не направленіе можетъ быть противополагаемо Христу, какъ это дѣлается у апостола. Затѣмъ это не простой грѣшникъ (ἁμαρτωλός), но человѣкъ грѣха (τῆς ἁμαρτίας по болѣе уважаемымъ кодексамъ, каковое чтеніе принято и русскимъ переводомъ вмѣсто τῆς ἀνομίας) т. е. какъ бы воплощенный грѣхъ, сосредоточеніе всей силы и свойствъ грѣха. Какъ это выраженіе опредѣляетъ кратко сущность этого человѣка, такъ слѣдующее обозначаетъ его послѣднюю участь: онъ предназначенъ къ погибели, какъ бы рожденъ отъ нея и потому близокъ къ ней какъ сынъ къ матери (ст. 3). За упоминаніемъ о послѣдней участи его слѣдуетъ изображеніе его дѣятельности. Ап. представляетъ его противящимся и превозносящимся (ἀντικείμενος и ὑπεραιρόμενος ап. соединяетъ въ одно понятіе, какъ видно изъ того, что членъ при обоихъ причастіяхъ только одинъ) надъ всѣмъ, что называется богомъ (ἐπὶ πάντα λεγόμενον θεὸν) или почитается за божественное (ἢ σέβασμα). Языческіе цари, хулившіе Израильскаго Бога, всетаки почитали своихъ боговъ и этимъ показывали, что въ нихъ есть потребность богопочитанія. Но человѣкъ грѣха будетъ совершенно лишенъ всякаго религіознаго чувства и будетъ попирать своими ногами всякую религію. Человѣкъ, и именно онъ самъ, сдѣлается для него богомъ т. е. собственное я станетъ для его сознанія средоточіемъ всякой силы, мудрости и величія. Ап. видимо здѣсь подражаетъ пр. Даніилу, изображавшему ветхозавѣтнаго антихриста, Антіоха Епифана, который, по словамъ пророка, говорилъ гордыя слова противъ Бога боговъ и презиралъ боговъ отцовъ своихъ, полагаясь только на бога городовъ т. е. на военную силу (ср. Дан. 8, 9

---

1) Отсюда пожалуй, нѣкоторую вѣроятность имѣетъ представленіе первыхъ христіанъ, что антихристомъ будетъ Неронъ, котораго сатана возставитъ своею силою изъ ада, для чего у него найдется достаточно могущества, какъ это видно изъ Апокалипсиса (см. гл. 13, ст. 15). Во всякомъ случаѣ «откровеніе» антихриста предполагаетъ его существованіе въ скрытомъ видѣ, въ нѣдрахъ ада.

и сл. 11, 3 и сл.). Далѣе изображеніе человѣка грѣха у апостола напоминаетъ тѣ черты, въ какихъ историки изобразили самообоготвореніе языческихъ римскихъ императоровъ. Онъ, этотъ человѣкъ (αὐτὸν) сядетъ въ храмѣ истиннаго Бога (τοῦ Θεοῦ), мѣстонахожденіе котораго ап. точно не опредѣляетъ, и будетъ не только словами, но и дѣлами своими заявлять о себѣ какъ о Богѣ (ст. 4). Затѣмъ ап. напоминаетъ читателямъ, что онъ уже бесѣдовалъ съ ними объ антихристѣ устно (ст. 5) и поэтому теперь, если они захотятъ припомнить его устныя наставленія, они могутъ опредѣлить себѣ не только личность антихриста, но даже и то, что удерживаетъ, мѣшаетъ его появленію (τὸ κατέχον) и вслѣдствіе чего онъ можетъ открыться только въ опредѣленное ему отъ Бога время (ст. 6). Что антихристъ непремѣнно явится, въ доказательство этого ап. говоритъ, что тайна беззаконія т. е. нечестіе, воплощеніемъ котораго будетъ антихристъ, во всей его таинственной глубинѣ уже находится въ дѣйствіи и теперь (ἐνεργεῖται). Ап. такимъ образомъ въ возмущеніяхъ противъ нравственнаго закона и особенно противъ Христа усматриваетъ начало послѣдняго возстанія человѣческаго духа противъ божественной благодати. Нечестіе это пока дѣйствуетъ еще разрозненно, не сложилось въ опредѣленный типъ и только въ антихристѣ пріобрѣтетъ личность и форму, подобно тому какъ это бывало съ каждою историческою личностью, воплощавшею въ себѣ давнишнія желанія и идеалы своего народа. И такъ будетъ до тѣхъ поръ, тайна останется тайною дотолѣ, пока не будетъ устраненъ тотъ, кто удерживаетъ, мѣшаетъ теперь появленію антихриста (ὁ κατέχων). Что удерживаетъ пришествіе въ міръ антихриста—ап. точнѣе не опредѣляетъ и если мы можемъ гдѣ найти ключъ къ уразумѣнію этого, такъ это въ рѣчи I. Христа о кончинѣ міра, которую апостолъ не могъ оставить безъ вниманія, когда говорилъ Солунянамъ о послѣднихъ временахъ міра. И тѣмъ болѣе мы должны обратиться къ этой рѣчи, что цѣль ея совершенно одинакова съ цѣлію бесѣды апостола: Господь, какъ съ ясностію можно видѣть изъ самаго теченія Его рѣчи, хотѣлъ ввести въ границы слишкомъ напряженное ожиданіе Его втораго пришествія и кончины міра. Въ этой рѣчи

Своей Господь говоритъ: „и проповѣдано будетъ сіе евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ; и тогда пріидетъ конецъ“ (Мат. 24, 14). Это условіе и могъ имѣть въ виду апостолъ, говоря, о томъ, что удерживаетъ, мѣшаетъ появленію антихриста (τὸ κατέχον), потому что въ самомъ дѣлѣ, великое отступленіе отъ вѣры возможно только тогда, когда эта вѣра будетъ проповѣдана по всей вселенной. Если это такъ, то подъ ὁ κατέχων слѣдуетъ разумѣть тѣхъ, кто еще не слыхалъ, но непремѣнно долженъ услышать вѣсть о Христѣ, совокупность лицъ, еще не узнавшихъ Христа[1]) (такъ какъ у ап. Павла членъ при причастіи употребляется для обозначенія цѣлаго рода существъ напр. въ Еф. 4, 28)[2]). Когда это постановленіе божественной воли будетъ приведено въ исполненіе, тайна беззаконія будетъ имѣть возможность вполнѣ раскрыться: препятствіе будетъ устранено или, по выраженію апостола, взято изъ среды (ἐκ μέσου γένηται). Тогда то явится на видъ всѣхъ беззаконникъ, отрицатель всякаго порядка (ὁ ἄνομος), который впрочемъ — прибавляетъ ап. для утѣшенія своихъ читателей — будетъ столь безсиленъ противъ Христа, что достаточно будетъ одного дыханія устъ Христовыхъ, чтобы умертвить этого беззаконника[3]); чтобы лишить его всякой силы и значенія въ мірѣ (καταργεῖν), достаточно будетъ только видимаго, славнаго пришествія Христова (ст. 7—8). Дѣятельность этого беззаконника или человѣка грѣха будетъ въ высшей степени пагубна для человѣчества. Силу ему дастъ сатана (подобно тому какъ Христу далъ власть Богъ Отецъ) и тѣ чудеса, которыми будетъ сопровождаться его пришествіе будутъ имѣть своимъ источникомъ эту сатанинскую силу (ἐνέργειαν). Ап. не говоритъ, самъ ли антихристъ будетъ совершать эти чудеса или кто другой, но эти чудеса во всякомъ случаѣ будутъ чудесами лжи т. е. дѣйствительными чудесами, не обманомъ

---

[1]) И потому невольно задерживающихъ пришествіе антихриста.

[2]) На отдѣльное лицо причастіе съ членомъ указываетъ только въ томъ случаѣ, когда это лицо уже извѣстно изъ контекста рѣчи (напр. въ Гал. 1, 23).

[3]) Ἀναλίσκειν собственно означаетъ истребить, уничтожить противника, чтобы его больше не было на лицо.

и не фокусомъ, но творится будутъ съ тою цѣлію, чтобы обмануть людей въ отношеніи истинной вѣры. Какъ чудеса, совершенныя не для пользы человѣчества, а во вредъ ему, они могутъ быть названы и ложными, не соотвѣтствующими своей идеѣ. Кромѣ того антихристъ явится *во всякой льсти неправды въ погибающихъ* т. е. его дѣятельность будетъ казаться вполнѣ соотвѣтствующей требованіямъ справедливости, но на самомъ дѣлѣ она будетъ отрицаніемъ всякой правды и приведетъ другихъ ко всякаго рода несправедливостямъ. Впрочемъ, такое дѣйствіе будетъ производить антихристъ только среди тѣхъ, которые уже стоятъ на пути къ погибели (ἐν τοῖς ἀπολλυμένοις). Это будетъ для нихъ наказаніемъ за то, что они не восхотѣли принять любви къ истинѣ (такимъ образомъ, по представленію апостола, человѣку сообщается не только самая истина, но и любовь, стремленіе къ оной. Ап. по всей вѣроятности, имѣетъ здѣсь въ виду истину, явленную во Христѣ, или евангеліе, любовь къ которому апостолы старались внѣдрить въ сердцахъ людей). За эту вину, за нежеланіе принять, возлюбить истину, Богъ накажетъ людей тѣмъ, что пошлетъ на нихъ или подчинитъ ихъ силѣ обольщенія (ἐνέργεια πλάνης), чтобы они увѣровали лжи во всемъ ея богопротивномъ видѣ (τῷ ψεύδει), если уже не хотѣли увѣровать въ истину. А это обнаруженіе вѣры въ ложь нужно для того, чтобы могъ совершиться судъ надъ грѣшниками. Такимъ образомъ явленіе человѣка грѣха должно служить пробнымъ камнемъ, послѣднимъ испытаніемъ для человѣчества, въ которомъ каждый рѣшитъ окончательно, куда ему стать,—на сторону истины или на сторону лжи (ст. 9—12).

Ап. показалъ, что пришествія Христова можно ожидать еще не скоро, что предъ этимъ пришествіемъ долженъ явиться антихристъ, дѣятельность котораго ап. изобразилъ притомъ очень подробно для того, чтобы христіане не впали въ какія-нибудь недоразумѣнія по этому поводу и не усматривали антихриста въ каждомъ лжеучителѣ. Сердца Солунянъ должны были по этому успокоиться. Но такъ какъ Солунянъ все-таки могла устрашить тайна беззаконія, о дѣйствіи которой уже сообщилъ имъ апостолъ, то послѣдній хочетъ успокоить ихъ и въ этомъ отношеніи. Для этого онъ говоритъ, что

онъ вмѣстѣ съ своими сотрудниками увѣренъ въ спасеніи Солунянъ, которое Богъ совершаетъ, освящая существо христіанъ Духомъ Своимъ (ἐν ἁγιωσύνῃ πνεύματος) и требуя съ нашей стороны вѣры въ откровенную истину или въ евангеліе (πίστει ἀληθείας). Солуняне и призваны для спасенія, для участія въ славѣ Господа І. Христа (ст. 13—14). Въ виду этой великой награды, Солуняне должны твердо стоять въ борьбѣ съ искушеніями міра, въ какой бы формѣ оно ни доходило до христіанъ. А для этого необходимо сохранять преданія или наставленія апостольскія, касающіяся вѣры и жизни, будутъ ли они предложены христіанамъ устно или письменно, но, конечно, болѣе всего слѣдуетъ возлагать надежды свои на Господа и на Бога Отца и у Нихъ искать утѣшенія и подкрѣпленія въ добрыхъ дѣлахъ (ст. 15—17).

ГЛАВА 3-я.

Увѣщанія апостола Солунянамъ. Общій признакъ посланій апостола.

Увѣщаніямъ своимъ относительно безпорядковъ, существовавшихъ въ Солунской Церкви, ап. предпосылаетъ просьбу о томъ, чтобы Солуняне молились о свободномъ распространеніи евангелія и о прославленіи его посредствомъ чудеснаго дѣйствія на сердца людей. Съ другой стороны Солуняне должны молиться и о проповѣдникахъ евангелія, чтобы они были избавлены отъ людей безпокойныхъ (ἀτόπων) и прямо злыхъ (πονηρῶν): ибо есть такіе люди, не способные по своему настроенію, увѣровать въ истину, замѣчаетъ ап. (1—2 ст.). Но отъ заботы о себѣ ап. тотчасъ же переносится мыслію къ опасностямъ, какія могутъ угрожать со стороны этихъ людей Солунянамъ, и тутъ находитъ для себя и для читателей успокоеніе въ томъ, что Господь І. Христосъ не попуститъ діаволу (τοῦ πονηροῦ) возобладать надъ вѣрующими посредствомъ слугъ своихъ, этихъ злокозненныхъ людей, какими для апостола были въ то время главнымъ образомъ преслѣдовавшіе его повсюду іудеи (ст. 3). Впрочемъ, увѣренность апостола основывается

въ то же время на убѣжденіи, что солуняне съ своей стороны соблюдаютъ все, что имъ апостолы заповѣдали соблюдать. А изъ того, на что они должны обращать вниманіе, важнѣе всего любовь Бога къ человѣчеству и терпѣнiе, какое обнаружилъ І. Христосъ [1]). Поэтому ап. и выражаетъ желаніе, чтобы Господь І. Христосъ (ὁ κύριος) обратилъ или направилъ сердца, вниманіе Солунянъ на эти важнѣйшіе пункты апостольскаго ученія (ст. 4—5). Послѣ этого краткаго вступленія, ап. прямо высказываетъ, что именно его озабочиваетъ. Въ Церкви Солунской не прекратился еще тотъ безпорядокъ, о которомъ апостолъ писалъ и въ первомъ посланіи, именно безчинная, праздная жизнь нѣкоторыхъ Солунянъ еще продолжалась, несмотря на обличеніе ея со стороны апостола. Поэтому теперь ап., какъ представитель Самого Христа (во имя Господа нашего І. Христа) повелѣваетъ читателямъ отдаляться отъ такихъ людей, тѣмъ болѣе, что апостолъ не только возставалъ на словахъ противъ этой праздной жизни, но и своимъ примѣромъ научалъ ихъ противному (ст. 6—9). При этомъ ап. напоминаетъ Солунянамъ свое изреченіе, которое онъ часто повторялъ имъ (παρηγγέλλομεν): *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*, т. е. сознательно отказывающійся отъ работы, хотя у него есть силы для нея, недостоинъ получать пропитаніе отъ другихъ. Напоминаетъ объ этой заповѣди ап. потому, что среди Солунянъ есть люди, которые какъ будто постоянно заняты дѣломъ, но на самомъ дѣлѣ ровно ничего не дѣлаютъ (περιεργάζοντες). Таковымъ ап. повелѣваетъ заработывать самимъ свой хлѣбъ и притомъ съ молчаніемъ, т. е. сосредоточившись въ своемъ дѣлѣ (ст. 10—12). Обращаясь къ послушнымъ его наставленіямъ читателямъ ап. совѣтуетъ имъ не уставать при исполненіи своихъ христіанскихъ обязанностей, какъ въ отношеніи къ самимъ себѣ, такъ и къ безчинно ходящимъ (καλοποιοῦντες ст. 13). Но не слѣдуетъ слишкомъ снисходительно относиться къ ослушникамъ апостольскихъ предписаній. Если кто — гово-

---

[1]) Ап. вмѣсто αὐτοῦ (въ 5 ст.) ставитъ τοῦ Χριστοῦ потому, что это повтореніе было необходимо въ виду отдѣленія втораго положенія стиха отъ подлежащаго ὁ κύριος.

ритъ ап. не послушаетъ этого нашего слова, дошедшаго или имѣющаго дойти до него посредствомъ этого моего посланія (ἐπιστολῆς — съ членомъ), того замѣтьте для себя (σημειοῦσθε), какъ такого, котораго слѣдуетъ избѣгать [1]). Не слѣдуетъ поступать съ нимъ какъ съ врагомъ, совсѣмъ забыть о немъ, но должно наводить его на истинный путь какъ брата, хотя при этомъ, конечно, всетаки, нельзя не прибѣгать къ мѣрамъ строгости (ст. 14—15). Имѣя въ виду неизбѣжныя въ этомъ исправленіи согрѣшающихъ непріятности и раздоры ап. проситъ у Господа мира полнаго мира для Солунянъ (ст. 16). Заключая свое посланіе привѣтствіемъ, апостолъ, въ виду появленія подложнаго посланія съ его именемъ, указываетъ на то, что онъ обыкновенно подписываетъ самъ свои посланія, чтобы читатели уже по почерку могли убѣдиться въ ихъ подлинности (ст. 17—18).

О 1-мъ посланіи ап. Павла къ Тимоѳею.

Св. Тимоѳей, которому ап. Павелъ написалъ два посланія, былъ ученикомъ и ревностнѣйшимъ сотрудникомъ ап. Павла въ проповѣданіи Евангелія и впослѣдствіи епископомъ Ефесской Церкви. Воспитанный подъ вліяніемъ своей матери (христіанки изъ іудеянокъ), Тимоѳей былъ формально присоединенъ къ Церкви ап. Павломъ, который потому и называетъ его своимъ сыномъ. Сотрудникомъ ап. Павла онъ сдѣлался во второе путешествіе послѣдняго и усердно помогалъ Павлу и во время третьяго путешествія, исполняя притомъ разныя порученія апостола, иногда очень трудныя. Преданность свою Павлу онъ доказалъ, наконецъ, тѣмъ, что отправился съ нимъ въ Римъ и тамъ, подобно Павлу, заключенъ былъ въ узы. По освобожденіи своемъ, Тимоѳей встрѣтился съ Павломъ, освобожденнымъ послѣ, въ Ефесѣ (1 Тим. 1, 3) и здѣсь былъ рукоположенъ апостоломъ, при участіи малоазійскихъ епископовъ, въ епископа Ефесской

---

[1]) Такъ какъ ап. здѣсь имѣетъ въ виду, конечно, удаленіе ослушниковъ отъ вечерей любви, то можно думать, что эти ослушники лишаемы были и причащенія, которое имѣло мѣсто непосредственно по окончаніи вечери.

Церкви. Во время вторыхъ римскихъ узъ Павла, Тимоѳей, вѣроятно, посѣтилъ своего учителя въ Римѣ, потому что тотъ выразилъ желаніе съ нимъ увидѣться. Смерть его послѣдовала въ царствованіе Домиціана. По преданію, онъ былъ побитъ камнями въ одинъ языческій праздникъ въ то время, когда вышелъ къ народу, чтобы остановить словомъ обличенія и назиданія безчинное языческое торжество. Мощи св. Тимоѳея почиваютъ въ Константинополѣ. Поводомъ къ написанію 1-го посланія ап. Павла къ Тимоѳею послужило усиленіе еретиковъ въ Ефесской Церкви, которые, по уходѣ апостола Павла изъ Ефеса, получили снова большое значеніе и не хотѣли обращать вниманія на совѣты и убѣжденія Тимоѳея, пренебрегая его молодостью. Точно также и неопытность Тимоѳея въ управленіи такою Церковію, какъ Ефесская, должна была озабочивать Павла и побудить его разъяснить новопоставленному епископу его права и обязанности. Поэтому цѣлію апостола при написаніи 1-го посланія къ Тимоѳею было: утвердить авторитетъ послѣдняго предъ пасомыми, а затѣмъ научить Тимоѳея и всѣхъ его преемниковъ по епископству, какъ слѣдуетъ управлять Церковію. Посланіе это написано Павломъ послѣ освобожденія его изъ первыхъ римскихъ узъ (около 65 г.) [1]) ибо посланіе изображаетъ намъ Ефесскую Церковь устроенною во всѣхъ отношеніяхъ, для чего, конечно, потребно было не мало времени. Кромѣ того, о происхожденіи посланія именно послѣ освобожденія Павла изъ первыхъ узъ говоритъ и знакомство апостола съ воззрѣніями, характеромъ и жизнію лжеучителей, которое заставляетъ предполагать, что ап. самъ лично ознакомился съ состояніемъ дѣлъ въ Ефесской Церкви. Такихъ подробностей ап. не сообщаетъ въ посланіи къ Ефесянамъ, написанномъ во время его заключенія. Мѣстомъ написанія посланія былъ, вѣроятно, одинъ изъ городовъ Македоніи. 1-е посланіе къ Тимоѳею не представляетъ строгой послѣдовательности въ мысляхъ; мы видимъ въ немъ не трактатъ, а свободное, безъискуственное изліяніе сердца

---

[1]) Объ этомъ освобожденіи находятся ясныя указанія въ сочиненіяхъ древнихъ церковныхъ писателей (Климента Римскаго и др.).

апостола. Сначала ап. напоминаетъ Тимоѳею о данномъ ему порученіи противоборствовать еретикамъ и при этомъ показываетъ тѣ вредныя послѣдствія, къ какимъ приводитъ ересь (гл. 1-я). Затѣмъ ап даетъ наставленія относительно устройства Церкви и сначала поставляетъ на видъ то, что относится къ существу Церкви (гл. 2), а потомъ говоритъ о должностныхъ лицахъ въ Церкви (гл. 3). Вслѣдъ затѣмъ ап. касается снова лжеученій, отчасти уже существующихъ, отчасти еще будущихъ и къ этому присоединяетъ увѣщаніе Тимоѳею, чтобы онъ оставался вѣрнымъ въ своемъ учительскомъ служеніи (гл. 4) и правильно относился къ разнымъ членамъ Церкви (гл. 5). Посланіе заканчивается различными отрывочными наставленіями (гл. 6).

Изъясненіе I-го посланія къ Тимоѳею.

ГЛАВА 1-я.

О лжеучителяхъ. Призваніе Павла и Тимоѳея.

Послѣ привѣтствія Тимоѳею, котораго ап. называетъ своимъ истиннымъ чадомъ въ отношеніи къ твердости и искренности вѣры, которую Тимоѳей какъ бы наслѣдовалъ отъ Павла, обратившаго его ко Христу (ст. 1—2), ап. напоминаетъ ему, съ какою цѣлію ап. оставилъ его въ Ефесѣ. Именно Тимоѳей долженъ былъ бороться съ ересями, которыя прельщали христіанъ различными баснями (μύθοις), т. е различными сказаніями, преданными будто бы Моисеемъ устно старѣйшинамъ израильскаго народа (эти сказанія составили впослѣдствіи содержаніе каббалы), и родословными таблицами, которыя іудеи старались возвести какъ можно дальше, до самой сѣдой древности, и этими генеалогіями очень гордились. Можетъ быть, ап. имѣетъ въ виду здѣсь и принятое іудеями ученіе объ эманаціи духовъ. По крайней мѣрѣ, такъ можно думать потому, что ап. рѣшительно осуждаетъ эти генеалогіи, находя, что они только подаютъ

поводъ къ новымъ спорамъ, вмѣсто того чтобы давать назиданіе божественное и укрѣплять христіанъ въ вѣрѣ (ст. 3—4)[1]). Въ противоположность еретикамъ, вдававшимся въ споры объ отвлеченныхъ предметахъ, ап. говоритъ, что цѣль дѣятельности пастырской (παραγγελίας) должна быть чисто практическая, именно пастырь долженъ возбуждать въ пасомыхъ истинную любовь, которая можетъ быть только въ сердцѣ, свободномъ отъ всякихъ нечистыхъ побужденій, при спокойной совѣсти и при дѣйствительной, нелицемѣрной вѣрѣ. Такихъ добродѣтелей, конечно, лишены тѣ, которые хвалясь, будто бы они лучше всѣхъ понимаютъ смыслъ закона Моисеева и видятъ въ немъ такія достоинства, какія не видны простымъ смертнымъ, на самомъ дѣлѣ и сами не понимаютъ того, что говорятъ, и не разумѣютъ тѣхъ вещей, о которыхъ говорятъ. Такъ они прежде всего не понимаютъ значенія закона, которое однако хорошо извѣстно апостолу. Они не знаютъ, что законъ полезенъ (καλός) лишь въ томъ случаѣ, когда люди относятся къ нему какъ слѣдуетъ (νομίμως) т. е., по извѣстному воззрѣнію апостола, видятъ въ законѣ только средство познать свои грѣхи и свою вину (см. посл. къ Рим. гл. 7). Они не знаютъ, что праведному (δίκαιος) т. е., конечно, христіанину, оправданному благодатію Божіею, потому что иного способа оправданія ап. не признаетъ,—законъ Моисеевъ[2]) не обязателенъ: ему должно исполнять ученіе евангелія. Законъ же Моисеевъ былъ данъ для людей, стоявшихъ на низкой степени нравственнаго развитія. И такой взглядъ на законъ ап. составилъ совершенно правильно, на основаніи довѣреннаго въ его руки евангелія блаженнаго (и, конечно, дѣлающаго блаженными людей) Бога (ст. 5—11). А что евангеліе апостола, въ противоположность ученію лжеучителей, дѣйстви-

[1]) Эта ересь во всякомъ случаѣ представляла собою только зачатокъ настоящаго гностицизма, потому что держалась еще на почвѣ ветхозавѣтнаго іудейскаго закона, между тѣмъ какъ гностики 2-го в. совершенно отвергали божественное происхожденіе В. Завѣта.

[2]) νόμος хотя и не имѣетъ члена, но несомнѣнно означаетъ здѣсь не законъ вообще, а законъ Моисеевъ. Такъ заставляетъ думать противопоставленіе закону евангелія и полемика противъ *законоучителей*.

тельно есть „евангеліе славы блаженнаго Бога“ — это ап. доказываетъ на себѣ самомъ. Тогда какъ лжеученіе впадало въ пустыя умствованія объ отвлеченныхъ предметахъ, а при попыткахъ стать на практическую почву подводило людей подъ иго закона, евангеліе напротивъ имѣетъ въ виду существенныя потребности человѣка и дѣйствительно даетъ ему оправданіе предъ Богомъ. Не законъ спасъ Павла, а милосердіе Божіе. И чтобы показать все величіе Своей благости, все Свое долготерпѣніе, Богъ не только простилъ Павлу всѣ грѣхи его, но даже даровалъ ему право быть великимъ проповѣдникомъ евангелія, такъ что исторія Павла сдѣлалась поучительною для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній. И это воспоминаніе о явленной надъ нимъ благодати Божіей побуждаетъ апостола къ восхваленію Бога (ст. 12—17). Возвращаясь опять къ Тимоѳею, ап. увѣщаетъ его къ тому, чтобы онъ осуществилъ тѣ пророчества, какія были высказаны о немъ вдохновенными христіанскими пророками еще до вступленія его въ церковь (προαγούσας ἐπί σε), и, сообразуясь съ ними, боролся мужественно съ лжеучителями. Для этого Тимоѳей самъ прежде всего долженъ сохранять вѣру и чистую совѣсть. Почему ап требуетъ отъ борющагося со лжеученіемъ не только вѣры, но и чистой совѣсти или нравственности отвѣтъ на это дается тутъ же. Именно нѣкоторые (еретики), забывъ о требованіяхъ совѣсти, потеряли также и вѣру; значитъ вѣра и чистая совѣсть тѣсно связаны одна съ другою (ст. 18—20.)

ГЛАВА 2-я.

Наставленія относительно церковныхъ собраній.

Переходя отъ наставленій общаго характера (18 ст.) къ особеннымъ, ап. прежде всего обращаетъ вниманіе Тимоѳея на порядокъ, какой долженъ соблюдаться въ церковныхъ собраніяхъ христіанъ. Такъ какъ очень вѣроятно, что вслѣдствіе партійныхъ раздоровъ христіане Ефесской Церкви перестали молиться о *всѣхъ*, то ап. прежде всего считаетъ нужнымъ исправить этотъ недостатокъ въ христіанской жизни вѣ-

рующихъ. Онъ проситъ, чтобы въ Церкви совершались молитвы за всѣхъ людей и притомъ перечисляетъ всѣ виды молитвъ. Это 1) δέησις—вообще молитва, произносимая человѣкомъ въ сознаніи своей немощи 2) προσευχή—прошеніе, направленное къ Богу 3) ἔντευξις—молитва за другихъ и 4) εὐχαριστία—благодарственная молитва. Въ особенности нужно молиться за царя и властей, чтобы Богъ утвердилъ ихъ противъ всякихъ злодѣйскихъ и вражескихъ нападеній и чтобы такимъ образомъ христіане проводили жизнь спокойную, не являлись противниками существующаго порядка; совершая молитвы за царя, можетъ быть къ нимъ и враждебнаго, христіане этимъ самымъ исполняютъ волю Божію (живутъ въ благочестіи) и являются безупречными предъ людьми (въ чистотѣ). Ап. указываетъ и на тѣ побужденія, которыя должны руководить вѣрующихъ въ этомъ случаѣ. Именно: 1) такая молитва сама по себѣ представляетъ нѣчто хорошее (καλόν), потому что свидѣтельствуетъ объ истинно-христіанскомъ настроеніи молящагося; 2) угодна Богу; 3) потому, что Богъ у всѣхъ людей одинъ и посредникъ между ними и Богомъ также одинъ,—І. Христосъ, который предалъ Себя за всѣхъ людей [1]) и всѣмъ доставилъ возможность спасенія. Слѣд., за всѣхъ людей, кто бы они ни были, можно молиться въ надеждѣ, что эта молитва не противна Богу и не останется безуспѣшною [2]). И самъ Павелъ былъ назначенъ герольдомъ для возвѣщенія объ этой всеобъемлющей любви Божіей (ст. 1—7).

Что касается лицъ, которыя должны произносить въ церковныхъ собраніяхъ молитвы отъ лица всѣхъ собравшихся, то такими, по рѣшенію (βούλομαι) ап., могутъ быть только мужчины. На всякомъ мѣстѣ т. е. во всѣхъ богослужебныхъ мѣстахъ или домашнихъ церквахъ, которыхъ въ Ефесѣ, конечно, было нѣсколько, мужи молящіеся должны находиться въ спокойномъ, невозмущенномъ настроеніи и не имѣть на со-

[1]) То, что Господь предалъ Себя за людей, ап. называетъ свидѣтельствомъ (το μαρτύριον) любви Божіей къ людямъ, о которой ап. только что сказалъ. Свидѣтельство это было дано въ предназначенное Богомъ время.

[2]) Опредѣляя при этомъ Господа—посредника какъ истиннаго человѣка ап. имѣетъ конечно въ виду заблужденіе докетовъ.

вѣсти грѣховъ, которые бы ее тяготили. Женщины, приходящія въ церковь, должны быть прилично, но не роскошно одѣты и заявлять тутъ о своемъ добромъ расположеніи (напр. подачею милостыни бѣднымъ). Стоя въ церкви, женщина должна молча слушать, что говорятъ мужчины, а сама не должна выступать въ церкви въ качествѣ учительницы и такимъ образомъ становиться выше мужа. Это требованіе свое ап. основываетъ на томъ, что Богъ создалъ Адама ранѣе, чѣмъ Еву и, слѣд., поставилъ мужа выше жены. Притомъ женщина всегда болѣе способна впасть въ заблужденіе и быть обманутой, какъ доказала своимъ поступкомъ Ева, которая не только впала въ преступленіе, но и была обманута, чего нельзя сказать объ Адамѣ, который взялъ плодъ только по убѣжденію жены. Но, будучи болѣе мужчины подвержена соблазнамъ, женщина спасется чрезъ чадородіе т. е. найдетъ себѣ защиту отъ искушеній въ своемъ материнствѣ, если сдѣлается матерью и займется воспитаніемъ дѣтей. Забота о дѣтяхъ такъ наполняетъ душу матери, что для нея теряютъ всякій интересъ тѣ предметы, которые ее прежде соблазняли. Слѣд.,—такова мысль ап., которую можно здѣсь доразумѣвать—женщинѣ лучше оставаться въ сферѣ домашней жизни и тутъ воспитывать и обнаруживать свои христіанскія добродѣтели, чѣмъ являться въ качествѣ церковной учительницы (ст. 8—15).

ГЛАВА 3-я.

О служителяхъ церкви. Понятіе о церкви.

Послѣ того какъ ап. сказалъ объ обязанностяхъ Церкви какъ совокупности вѣрующихъ, онъ обращается теперь къ вопросу о томъ, какими качествами должны обладать ея служители. Говоритъ объ этомъ ап. потому, что Тимоѳею, конечно, приходилось замѣщать должности церковныя въ Ефесѣ и въ этомъ случаѣ письменныя наставленія апостола должны были положить конецъ всякимъ, возможнымъ при этомъ замѣщеніи, пререканіямъ и претензіямъ. Прежде всего ап. говоритъ о епископѣ. Но кого онъ разумѣетъ здѣсь—въ собственномъ

ли смыслѣ епископа или же пресвитера, какъ наблюдателя, попечителя своего прихода? Такъ какъ далѣе о пресвитерахъ ничего не говорится и начинается прямо рѣчь о діаконахъ и діакониссахъ, то ясно, что здѣсь подъ епископами слѣдуетъ разумѣть пресвитеровъ, о качествахъ которыхъ никакъ не могъ умолчать ап. Притомъ странно было бы говорить, что епископъ долженъ быть свободенъ отъ тѣхъ грубыхъ пороковъ, какіе здѣсь упоминаетъ ап.: это было, конечно, понятно само собою. Предполагать въ епископахъ, упоминаемыхъ здѣсь, только пресвитеровъ даетъ право и то обстоятельство, что въ апостольское время одни и тѣже лица назывались и пресвитерами и епископами (ср. Дѣян. 17, 20 и 17, 28 ст.). [1]) Итакъ говоря о пресвитерахъ ап. прежде всего одобряетъ стремленіе къ полученію пресвитерскаго достоинства, конечно, если это стремленіе совершенно безкорыстное. Одобряетъ это стремленіе ап. потому, что пресвитерское служеніе—доброе дѣло т. е. пресвитеръ можетъ принести много духовной пользы вѣрующимъ. Но чтобы служеніе пресвитера было полезно, для этого вступающій на это служеніе долженъ удовлетворять нижеслѣдующимъ условіямъ. Онъ долженъ имѣть вообще хорошую репутацію (ἀνεπίληπτον εἶναι). Затѣмъ онъ долженъ быть женатымъ только однажды,—такъ слѣдуетъ понимать апостольскія слова: „единыя жены мужу". Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы давать особое запрещеніе относительно многоженства пресвитерамъ, когда и простымъ христіанамъ этого ни въ какомъ случаѣ не позволялось. [2]) Затѣмъ, если даже въ діакониссы ап. позволяетъ поставлять только такихъ вдовицъ, которыя

---

[1]) Въ параллельномъ мѣстѣ посланія къ Титу (гл. 1) ап., предписавши Титу поставить въ пресвитеры мужей безпорочныхъ (ст. 6). объясняетъ, что такъ должно поступать потому, что *епископъ долженъ быть непороченъ* и т. д. Итакъ, апостолъ теперь назвалъ епископомъ того, кого выше назвалъ пресвитеромъ. Но хотя первенствующая церковь не всегда строго различала наименованія «епископъ и пресвитеръ», однако она знала высшую іерархическую степень т. е. имѣла епископовъ въ ограниченномъ смыслѣ слова, которые получили отъ апостоловъ ихъ полномочія: право рукоположенія пресвитеровъ и право суда надъ ними. Объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуетъ и церковное преданіе.

[2]) Даже римскій законъ о супружеской жизни гласилъ: «никто не можетъ имѣть двухъ женъ, кто состоитъ подъ властію римлянъ».

только одинъ разъ были замужемъ (гл. 5, 9), то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ требовать единобрачія отъ пресвитеровъ, которые во всемъ, и въ частности въ воздержаніи, обязаны были служить примѣромъ для паствы. Изъ другихъ требованій, которыя ап. предъявляетъ кандидату на пресвитерство, замѣчательно то, въ силу котораго на должность пресвитера не долженъ ставиться такой, который пользуется дурной репутаціей у язычниковъ. Этого требуетъ ап. потому, что язычники, видя прежняго, хорошо имъ извѣстнаго грѣшника на высокомъ посту въ христіанской Церкви и не зная о происшедшей въ немъ перемѣнѣ, конечно, стали бы смѣяться надъ христіанами, которые имѣютъ такихъ дурныхъ пастырей, а эти послѣдніе, подвергаясь незаслуженному поношенію, могли ожесточаться и снова подпасть вліянію діавола (ст. 1—7). Діаконы, которые главнымъ образомъ обязаны были заботиться о бѣдныхъ, при своихъ путешествіяхъ изъ одного дома въ другой не должны говорить въ одномъ мѣстѣ такъ, въ другомъ иначе (быть двоязычными), не раздражать бѣдныхъ собственнымъ невоздержаніемъ и не быть корыстолюбивыми, чтобы не сдѣлаться похитителями ввѣренныхъ имъ даровъ. Вообще совѣсть ихъ должна быть чистою, чтобы въ ней какъ въ сокровищницѣ соблюдалась во всей неприкосновенности вѣра и чтобы такимъ образомъ они были недоступны обольщеніямъ лжеучителей. [1]) При этомъ ап. даетъ краткое наставленіе и относительно діакониссъ. [2]) Діаконы же, исполняющіе въ точности предписанія апостола, становятся на хорошемъ счету у вѣрующихъ (степень добръ снискаютъ) и сами начинаютъ дѣйствовать съ полнымъ дерзновеніемъ, какое даетъ имъ вѣра во Христа, не смущаясь при этомъ никакими нападеніями (ст. 8—13). Пишетъ ап. всѣ эти наставленія потому, что, хотя надежда на личное свиданіе съ Тимоѳеемъ его и не покидаетъ, однако очень возможно, что это свиданіе отсрочится на долгое время. А между тѣмъ Тимоѳею необходимо знать, какъ должно поступать въ дѣлахъ своего служенія (ἀναστρέφεσθαι),

[1]) Съ послѣдними они непремѣнно должны были постоянно сталкиваться, обходя домы христіанъ.

[2]) Связь рѣчи не позволяетъ видѣть здѣсь женщинъ вообще или женъ діаконовъ.

ибо онъ состоитъ однимъ изъ домоправителей въ домѣ Божіемъ или въ Церкви, которая, по своему значенію, справедливо можетъ быть названа столпомъ и фундаментомъ истины т. е. истина евангельская въ ней твердо сохраняется въ совершенно неизмѣнномъ видѣ. И, кромѣ того, несомнѣнно (ὁμολογουμένως) велика, въ высшей степени важна тайна, на которой основывается благочестіе или вся жизнь христіанина (тайна воплощенія, теперь уже открытая) и которую долженъ въ неизмѣнности сохранять Тимоѳей и всѣ имъ поставляемые пастыри Церкви. Эта тайна состоитъ въ томъ, что Богъ принялъ плоть человѣческую и въ Своей жизни на землѣ получилъ отъ Духа Божія неопровержимое свидѣтельство Своего мессіанскаго и Божественнаго достоинства (оправдася въ Духѣ). Затѣмъ какъ Богочеловѣкъ Онъ явился ангеламъ небеснымъ и возвѣщенъ былъ всѣмъ народамъ земли, и послѣдними былъ принятъ съ вѣрою, какъ Спаситель, а первыми принятъ (послѣ вознесенія) какъ царь, приходящій во всемъ своемъ величіи. Итакъ воплощеніе Сына Божія и принятіе Его небомъ и землею, слѣд. возстановленіе и полное примиреніе неба и земли подъ одною державою (ср. Еф. 1, 10)—вотъ въ чемъ состоитъ великая тайна, на которой основывается наше благочестіе, наше спасеніе и которая требуетъ усердныхъ охранителей (ст. 14—16).

ГЛАВА 4-я.

Продолженіе наставленій о достодолжномъ прохожденіи пастырскаго служенія.

Показавши, что высокое достоинство Церкви и важность сохраняемаго въ ней ученія требуютъ отъ ея служителей особеннаго усердія и объяснивши такимъ образомъ побужденіе, по которому онъ вдается въ разсужденія о качествахъ служителей Церкви, ап. говоритъ, что заботливость о качествахъ послѣднихъ возбуждается въ немъ еще болѣе тѣмъ, что ему, по особому откровенію Духа Божія, извѣстно о будущемъ отступленіи отъ вѣры нѣкоторыхъ христіанъ, которое совершится подъ вліяніемъ діавольской силы, дѣйствующей въ лжеучителяхъ (ст. 1). Чтобы побудить и Тимоѳея къ большей осторожности

въ дѣлѣ своего служенія, ап. говоритъ, что лжеучители, съ которыми придется вступить въ борьбу пастырямъ Церкви, будутъ привлекать людей лицемѣрнымъ благочестіемъ (ἐν ὑποκρίσει), а внутри, на совѣсти своей будутъ носить выжженное клеймо или обозначеніе своего преступленія (сожженныхъ своею совѣстію). Они будутъ запрещать вступленіе въ бракъ и употребленіе въ пищу извѣстныхъ яствъ, хотя то и другое не предосудительно для христіанина (ст. 2—5). Исполняя вѣрно свое служеніе, Тимоѳей долженъ бороться съ этими лжеученіями, которыя уже при немъ начали поднимать голову. Чрезъ это онъ и самъ утвердится еще болѣе въ вѣрѣ (ст. 6). Онъ долженъ избѣгать гностическихъ и всякихъ другихъ ученій, которыя ап., по ихъ содержанію, опредѣляетъ какъ скверныя (βεβήλους), а по формѣ—какъ старушечьи, нелѣпыя (γραώδεις) басни. Благочестіе—вотъ сфера, въ которой долженъ постоянно подвизаться Тимоѳей. Ибо если уже и физическія упражненія, гимнастика, приносятъ человѣку нѣкоторую пользу, то благочестіе полезно во всѣхъ отношеніяхъ: въ немъ залогъ и счастливой, спокойной жизни на землѣ,—такъ какъ только благочестивый христіанинъ можетъ быть лучшимъ гражданиномъ и отцомъ семейства,—и блаженной жизни на небѣ. Это въ высшей степени несомнѣнно для апостоловъ; ибо въ противномъ случаѣ они не стали бы такъ трудиться въ дѣлѣ насажденія истиннаго благочестія (ст. 7—10). Тимоѳей не только самъ долженъ исполнять волю апостола, но и другихъ учить тому же, не позволяя при этомъ небрежно относиться къ своимъ наставленіямъ ради своей относительной молодости (Тимоѳею въ то время было около 35 лѣтъ). Впрочемъ, онъ долженъ утверждать свой авторитетъ не принужденіемъ, а своею доброю и строго-христіанскою жизнію и неопустительнымъ исполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей, тѣмъ болѣе что онъ получилъ при рукоположеніи въ епископы особый благодатный даръ, который давалъ ему силы и крѣпость при исполненіи своего служенія (ст. 11—16).

ГЛАВА 5-я.

Наставленія Тимоѳею относительно управленія Церковію.

Послѣ увѣщаній общаго характера ап. даетъ Тимоѳею указанія относительно обращенія съ разными лицами, входящими въ составъ Церкви. Касаясь прежде всего отношеній, въ какихъ Тимоѳей долженъ стоять къ простымъ вѣрующимъ различнаго возраста и пола, ап. останавливаетъ свое вниманіе на вопросѣ о положеніи вдовъ. Только тѣ вдовы имѣютъ право на церковное пособіе, которыя не имѣютъ близкихъ родственниковъ—дѣтей и внуковъ, обязанныхъ заботиться объ ихъ пропитаніи. Притомъ, живущая на попеченіи Церкви вдова должна вести себя какъ подобаетъ женщинѣ, не связанной узами родства съ міромъ, и посвящать себя постоянной молитвѣ, а не предаваться на чужой счетъ роскошной жизни (ст. 1—8). Затѣмъ, Тимоѳей долженъ соблюдать осторожность въ выборѣ діакониссъ, которыя обязаны были помогать пресвитерамъ при крещеніи женщинъ и исполнять разныя дѣла христіанской любви въ отношеніи къ женщинамъ и дѣтямъ, что было не совсѣмъ удобно для діаконовъ. Именно вдова, избираемая на эту трудную должность, должна имѣть не менѣе 60 лѣтъ, потому что только за такую женщину можно ручаться, что она уже не пойдетъ замужъ и предастся всѣмъ сердцемъ своему дѣлу. Причина, по которой ап. требуетъ, чтобы діакониссою дѣлалась женщина только однажды бывшая замужемъ, конечно была таже, по которой и священники съ діаконами должны быть единобрачными. Молодымъ вдовамъ, ищущимъ должности діакониссъ, слѣдуетъ отказывать, потому что подъ вліяніемъ снова пробудившихся страстей они забываютъ о своемъ обѣщаніи оставаться безбрачными и служить Христу и этимъ навлекаютъ на себя осужденіе какъ измѣнившія довѣрію, какимъ они пользовались со стороны Церкви прежде (яко первыя вѣры отвергошася). Чтобы оберечь Церковь отъ недостойныхъ діакониссъ, какія уже были и при апостолѣ въ лицѣ нѣкоторыхъ молодыхъ вдовъ, подвергшихся искушенію со стороны діавола, ап. въ заключеніе заповѣдуетъ заботиться

о вдовахъ даже и не близкимъ родственникамъ, а вообще ихъ знакомымъ; тогда—такова мысль ап.—молодыя вдовы не будутъ имѣть нужды искать въ діаконатѣ средствъ къ жизни (ст. 9—16). Затѣмъ ап. даетъ Тимоѳею указанія относительно того, какъ должно обращаться съ пресвитерами. Если послѣдніе хорошо исправляютъ свои обязанности, то они должны заслуживать двойнаго уваженія со стороны епископа и всѣхъ вѣрующихъ т. е. кромѣ уваженія, какое обыкновенно оказывается сану пресвитера, должно быть воздаваемо уваженіе и ихъ собственной личности, ихъ благотворной дѣятельности на пользу Церкви. Что касается пресвитеровъ недостойныхъ, то ихъ слѣдуетъ обличать предъ всѣми,—конечно, предъ цѣлымъ собраніемъ пресвитеровъ, а не предъ всѣмъ народомъ, чтобы не уронить въ послѣднемъ уваженія къ священному сану. А такъ какъ Тимоѳей былъ человѣкъ довольно робкаго характера (1 Кор. 16, 10) и притомъ молодой, то ап. заклинаетъ его непремѣнно исполнить это его приказаніе, не боясь ничего (ст. 17—21). Что касается рукоположенія въ пресвитеры, то Тимоѳей не долженъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, чтобы не принять въ число пресвитеровъ человѣка недостойнаго. Равно также Тимоѳей не долженъ дѣлаться участникомъ въ чужихъ грѣхахъ (μηδὲ начинаетъ другую мысль, хотя и имѣющую близкое отношеніе къ первой), хранить себя чистымъ и употреблять не одну воду, но и вино. Всѣ эти наставленія, очевидно, стоятъ въ связи между собою. Вѣроятно, апостолу при мысли о рукоположеніи въ пресвитеры пришло на память то увлеченіе аскетизмомъ, которое въ то время уже начало проявляться въ ефесской Церкви и вообще въ малоазійскихъ Церквахъ (см. напр. посл. къ Кол. 2, 20 и сл.) и котораго, конечно, не были совсѣмъ чужды и нѣкоторые пресвитеры. Такъ какъ между послѣдними могли быть люди вліятельные и сильные характеромъ, то довольно слабый по характеру Тимоѳей могъ впасть въ опасность подражать ихъ поведенію или, покрайней мѣрѣ, чтобы не раздражать ихъ, налагать на себя нѣкоторыя ограниченія (напр. въ отношеніи къ вину). Такъ какъ направленіе этихъ лицъ еще не выяснилось въ достаточной степени, то ап. прямо не упрекаетъ ихъ, а только предостерегаетъ относительно нихъ Тимоѳея, и собственнымъ своимъ авторитетомъ запрещаетъ ему подражать гидро-

патистамъ [1]) (22—23). Если теперь еще, можетъ быть, не видно вредныхъ послѣдствій отъ увлеченія этихъ пресвитеровъ аскетизмомъ, то таковыя, несомнѣнно, обнаружатся въ будущемъ. Равно и добрыя дѣла чьи-нибудь,—хотя бы напр. Тимоѳея—не будутъ сокрыты и онъ получилъ извѣстную честь, не прибѣгая для этого къ подражанію ефесскимъ пресвитерамъ и не ища такимъ образомъ популярности (ст. 24—25).

ГЛАВА 6-я.

Различныя предписанія и увѣщанія.

Сообщивъ Тимоѳею указанія, какъ поступать съ вѣрующими сообразно съ положеніемъ, занимаемымъ ими въ *Церкви*, ап. научаетъ его теперь, какъ слѣдуетъ обращаться съ различными классами вѣрующихъ какъ *гражданскаго общества*. Касаясь прежде всего рабовъ, ап. учитъ ихъ тому же повиновенію, которое онъ проповѣдуетъ и съ другихъ посланіяхъ (къ Ефесянамъ, Колоссянамъ). Только для рабовъ, находящихся на службѣ у своихъ братьевъ—христіанъ, онъ указываетъ особое побужденіе къ вѣрному исполненію своихъ обязанностей; именно, называя хозяевъ *получающими благодѣяніе* отъ рабской службы своихъ единовѣрцевъ, ап. возвышаетъ достоинство раба и даетъ ему силы для перенесенія своего рабскаго состоянія: ибо какой христіанинъ послѣ того отказался бы быть братомъ—благодѣтелемъ своего господина? (ст. 1—2). Такъ какъ, вѣроятно, лжеучители проповѣдывали о рабствѣ иначе, то ап. сейчасъ же дѣлаетъ замѣчаніе и о нихъ, изображая ихъ съ самой дурной стороны, главнымъ образомъ какъ людей самолюбивыхъ и даже своекорыстныхъ, которые выставляютъ на видъ свое благочестіе, чтобы получить извѣстныя матеріальныя выгоды (ст. 3—5). Впрочемъ ап. не отрицаетъ, что благочестіе можетъ доставить нѣкоторую выгоду. Выгоду оно приноситъ именно, дѣлаетъ человѣка довольнымъ своимъ состояніемъ, и апостолъ восхваляетъ это довольство и осуждаетъ

[1]) Т. е. употреблявшимъ одну воду и совершенно воздерживавшимся отъ вина. У Тимоѳея это воздержаніе, конечно, выходило не изъ какихъ либо теорій, а было только уступкою духу времени.

стремленіе къ обогащенію (6—10 ст.). Въ противуположность этому Тимоѳей долженъ ревностно исполнять свое призваніе служителя Христова (ст. 11—16), а тѣхъ, которые уже обогатились, долженъ увѣщать пользоваться своимъ богатствомъ какъ подобаетъ христіанамъ (ст. 17—19). Посланіе свое ап. *заключаетъ увѣщаніемъ Тимоѳею, чтобы послѣдній хранилъ* преданное ему ученіе и отвращался отъ того, что ложно *именуетъ себя истиннымъ знаніемъ* (ст. 20—21).

О второмъ посланіи къ Тимоѳею.

Второе посланіе къ Тимоѳею, послѣднее по времени произведеніе великаго апостола языковъ, написано во время второго заключенія ап. Павла въ римскихъ узахъ, когда онъ готовился уже къ смерти. Это съ ясностію видно изъ самаго посланія. Именно, тогда какъ въ посланіяхъ, написанныхъ изъ первыхъ узъ, ап. выражаетъ твердую надежду на освобожденіе и самое свое состояніе представляетъ далеко не тягостнымъ, въ этомъ посланіи онъ говоритъ, что съ нимъ обращаются какъ съ преступникомъ и злодѣемъ (*κακοῦργος*), что къ нему уже почти совсѣмъ не имѣютъ доступа его друзья, что время его отшествія уже настало. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что 2-е посланіе къ Тимоѳею было написано въ годъ смерти ап. (въ *66* г.). Въ это время Тимоѳей все еще находился на своемъ высокомъ посту въ Ефесѣ. Поводомъ къ написанію посланія и послужили именно тѣ обстоятельства, въ какихъ находился ап. Предчувствуя свою близкую смерть, онъ хотѣлъ послѣдній разъ хотя письменно побесѣдовать съ своимъ любимымъ ученикомъ и притомъ укрѣпить его въ борьбѣ со лжеученіемъ, которое не только не уничтожалось въ Ефесѣ, но все болѣе развивалось. Въ самомъ посланіи ап. сначала хвалитъ вѣру Тимоѳея и увѣщаетъ его къ твердости въ страданіяхъ (гл. 1), затѣмъ изображаетъ обязанности проповѣдника евангелія (гл. 2), наконецъ увѣщаетъ Тимоѳея къ бодрствованію въ виду грядущихъ опасностей, которыя уже не можетъ предупредить самъ Павелъ, и проситъ его придти къ нему въ Римъ (гл. 3 и 4).

Изъясненіе втораго посланія къ Тимоѳею.

ГЛАВА 1-я.

Увѣщаніе къ твердости въ сохраненіи и проповѣданіи чистаго ученія.

Послѣ привѣтствія, въ которомъ ап. называетъ себя апостоломъ призваннымъ возвѣщать о жизни во Христѣ (апостолъ по обѣтованію жизни), св. Павелъ говоритъ, что онъ съ благодарностью къ Богу воспоминаетъ всегда о Тимоѳеѣ, своемъ истинномъ другѣ, и очень желаетъ свидѣться съ нимъ, который своимъ присутствіемъ доставитъ апостолу истинную радость. При этомъ апостолу всегда приходитъ на память и нелицемѣрная вѣра Тимоѳея, унаслѣдованная имъ отъ бабки и матери (1—5 ст.). Зная объ этой вѣрѣ Тимоѳея, ап. и обращается теперь къ нему съ увѣщаніемъ, которое, конечно, Тимоѳей приметъ со вниманіемъ и покорностію. Ап. напоминаетъ ему, чтобы дарованную ему отъ Бога способность (1 Тим. 4, 14), именно способность учительства Тимоѳей усовершалъ все болѣе и болѣе, ибо духъ, живущій и въ Павлѣ и Тимоѳеѣ не есть духъ кокой-нибудь боязливости предъ людьми (δειλίας), а напротивъ, даетъ силу, любовь, которая побуждаетъ приносить всякія жертвы за дѣло Христово, и истинное самообладаніе (σωφρονισμός). Ап. говоритъ объ этомъ, конечно, имѣя въ виду нерѣшительный характеръ Тимоѳея (ст. 6 — 7). Полезно было послѣднему и дальнѣйшее увѣщаніе апостола—не стыдиться насмѣшекъ и позора, которыя падали въ то время на проповѣдника евангелія, свидѣтельствовавшаго о Христѣ (не постыдися убо страстію Господа нашего І. Христа). Тимоѳей долженъ страдать за вѣру такъ же какъ и Павелъ, потому что въ немъ обитаетъ сила Божія (по силѣ Бога), величіе которой ап. и приводитъ на память Тимоѳею, указывая при этомъ на свои страданія за евангеліе, чтобы еще болѣе утвердить мужество Тимоѳея своею увѣренностью въ вѣчномъ своемъ спасеніи (преданіе мое). Въ ученіи Тимоѳей долженъ руководиться тѣмъ образцомъ вѣры или символомъ (ὑποτύπωσις), который онъ услы-

шалъ изъ устъ апостола и, конечно, запомнилъ. Съ вѣрою и любовію Тимоѳей долженъ относиться къ этому образцу здраваго ученія, а особый даръ, сообщенный ему (доброе завѣщаніе ср. ст. 6), Тимоѳей долженъ сохранять и употреблять не по своему человѣческому разсужденію, а прислушиваясь къ голосу живущаго въ немъ Духа Святаго (ст. 8—14). Вообще Тимоѳею слѣдуетъ бояться того, что случилось съ нѣкоторыми прежде близкими къ Павлу лицами, именно отпаденія отъ него, и подражать Онисифору, который не постыдился узъ Павла и употребилъ всѣ усилія, чтобы отыскать его въ Римѣ (ст. 15—18).

ГЛАВА 2-я.

Увѣщанія къ вѣрному исправленію своего служенія.

Итакъ, Тимоѳей — продолжаетъ ап. свои наставленія — долженъ не ослабѣвать въ привязанности къ апостолу и къ дѣлу евангелія, а укрѣпляться въ этой привязанности, почерпая силы въ благодати, даруемой вѣрующему чрезъ І. Христа. Тогда Тимоѳей будетъ въ состояніи не только сохранить то сокровище христіанскаго ученія, которое имъ получено отъ апостола предъ лицомъ многихъ свидѣтелей, вѣроятно, пресвитеровъ, но и передать это сокровище во всей его неприкосновенности другимъ, которые окажутся способными на дѣло учительства и пастырства (ст. 1—2). Укрѣпившись такимъ образомъ, Тимоѳей, что касается его лично, долженъ какъ хорошій воинъ выносить всѣ тяжести военнаго времени и оставить всякія занятія, не согласныя съ его призваніемъ (ст. 3—4). Затѣмъ, подобно тому какъ только тотъ атлетъ можетъ разсчитывать на награду, который борется какъ требуютъ цирковыя правила, и Тимоѳей какъ борецъ за евангеліе не долженъ дѣйствовать въ этой борьбѣ по своему произволу, а исключительно руководиться указаніями Господа (ст. 5). Наконецъ, только тотъ земледѣлецъ вкушаетъ прежде другихъ своихъ сосѣдей плоды тру-

довъ своихъ, который положилъ всѣ силы свои на уходъ за своею нивою (κοπιῶντα). Такъ, хочетъ сказать ап., и Тимоѳей, если онъ желаетъ стать ближе ко Христу и благамъ Его царства, долженъ употребить для этого всѣ свои силы (ст. 6). Заповѣдуя Тимоѳею глубже вникнуть въ смыслъ этихъ предписаній, ап. такого же вниманія требуетъ отъ него и къ далѣе слѣдующимъ своимъ наставленіямъ, въ которыхъ онъ выставляетъ на видъ Тимоѳею побужденія къ вѣрному исполненію его обязанностей. Именно къ этому должно побуждать Тимоѳея, во-первыхъ, воскресеніе І. Христа, Который имѣлъ такую же плоть, какъ и Тимоѳей, и однако послѣ страданій и смерти воскресъ къ новой жизни; во-вторыхъ, примѣръ его учителя и соработника, который за дѣло евангелія вверженъ въ узы, хотя враги, конечно, не могли этимъ наложить узы и на самое евангеліе, распространяющееся теперь чрезъ другихъ: послѣднее и утѣшаетъ апостола въ его страданіяхъ ради избранныхъ къ спасенію изъ язычниковъ (ср. Кол. 1, 24); въ третьихъ, къ этому должно побуждать Тимоѳея размышленіе о слѣдствіяхъ вѣрности и невѣрности дѣлу Христову: смерть и страданія со Христомъ даютъ христіанину жизнь и царство, а отреченіе и невѣрность Ему навлекаютъ на себя Его гнѣвъ, такъ какъ Онъ вѣренъ во всемъ и непремѣнно исполнитъ Свои угрозы надъ тѣми, кто отречется отъ Него (ст. 7—13).

Если ап. доселѣ убѣждалъ Тимоѳея къ терпѣнію въ страданіяхъ, то теперь возбуждаетъ въ немъ энергію къ дѣятельности и сообщаетъ ему предписанія о томъ, какъ ему держать себя въ отношеніи ко лжеучителямъ. Вѣрующихъ Тимоѳей долженъ удерживать отъ пустыхъ словопреній, на которыя обыкновенно они были вызываемы лжеучителями, а самого себя сдѣлать вѣрнымъ и достойнымъ работникомъ (ἐργάτην), который прямо разсѣкаетъ (ὀρθοτομοῦντα) слово Божіе какъ бы поле и не портитъ это поле кривыми бороздами, т. е. Тимоѳей долженъ поступать со ввѣреннымъ ему ученіемъ, какъ требуетъ его важность и не вносить въ него своихъ прибавленій. И самъ онъ долженъ избѣгать пустыхъ споровъ съ еретиками. Послѣдніе отъ нечестивыхъ словъ скоро перейдутъ къ нечестивымъ дѣламъ и ученіе ихъ

все болѣе и болѣе будетъ распространяться, какъ ракъ распространяется въ жировыхъ частяхъ человѣческаго тѣла. „Но—прибавляетъ въ утѣшеніе Тимоѳея апостолъ—твердое основаніе Божіе (т. е. Церковь, которая образуетъ какъ бы основаніе спасенія для всего міра) стоитъ непоколебимо", несмотря на всѣ усилія еретиковъ поколебать его, и имѣетъ на себѣ надпись, которая представляетъ полное ручательство въ прочности всего зданія: одна сторона надписи указываетъ на высшее утѣшеніе вѣрующихъ — на близость къ нимъ Самого Бога, другая — на ихъ святое призваніе, въ силу котораго они сами должны избѣгать всего, что можетъ вредить прочности Церкви. Но такъ какъ изъ словъ апостола Тимоѳей ясно могъ видѣть, что неправда и зло закрались уже въ Церковь Божію, и такъ какъ при мысли объ этомъ ему естественно напрашивался вопросъ о томъ, почему ап. не велитъ ему тотчасъ же удалить это зло изъ Церкви, то ап. какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ говоритъ, что въ такомъ большомъ обществѣ какъ церковь необходимо должно существовать великое различіе между членами его (общества). Одни христіане подобны золотымъ и серебрянымъ сосудамъ, находящимся въ чести, назначаемымъ для почетнаго употребленія, другіе похожи на хрупкіе деревянные и глиняные сосуды, которые не очень цѣнятся и долго прослужить въ домѣ не могутъ. Итакъ ап. съ одной стороны указываетъ на необходимость терпѣть въ Церкви и злыхъ людей, а съ другой на то, что эти люди не всегда останутся въ Церкви и будутъ выброшены со временемъ когда явно обнаружатъ свою негодность. Хорошіе же сосуды или христіане вообще должны сторониться отъ этихъ плохихъ сосудовъ, чтобы не оскверниться прикосновеніемъ къ нимъ (ст. 14—21). Но чтобы быть *сосудомъ въ честь* Тимоѳей долженъ не только очищать себя отъ оскверненія, идущаго отвнѣ, но поборать все, что есть нечистаго внутри него, и воспитывать въ себѣ христіанскія добродѣтели, преимущественно кротость и незлобіе, при которыхъ только и возможна успѣшная дѣятельность въ обращеніи заблуждающихся (ст. 22—26).

ГЛАВА 3-я.

О послѣднихъ тяжкихъ временахъ, о судьбѣ лжеучителей. Наставленіе Тимоѳею относительно занятія Св. Писаніемъ.

Чтобы еще болѣе придать важности своимъ увѣщаніямъ, ап. указываетъ теперь на наступленіе тяжкихъ временъ въ будущемъ, предъ 2-мъ пришествіемъ Христовымъ, чтобы описаніемъ того, до чего дойдутъ грѣхи людей, существующіе теперь, при Тимоѳеѣ, еще въ зародышѣ, дать возможность Тимоѳею правильно оцѣнить то. что совершается предъ глазами и что, безъ отношенія къ будущему, могло представляться ему незаслуживающимъ особаго вниманія. Ап. не хочетъ сказать того. будто бы уже всѣ люди, безъ исключенія, будутъ въ то время порочны: онъ начертываетъ только общую характеристику поведенія массы человѣчества. Люди того времени будутъ отличаться всякими пороками, между которыми ап. на первомъ мѣстѣ ставитъ самолюбіе,— узкій эгоизмъ, который, дѣйствительно, всегда является источникомъ разныхъ грѣховъ, а на послѣднемъ — ложное благочестіе, которымъ эти люди будутъ привлекать къ себѣ вниманіе другихъ и увлекать ихъ въ тѣ же пороки, какихъ полны сами (1—5 ст.). Предтечи этихъ людей гнѣздятся и въ современномъ Тимоѳею обществѣ; и прежде всего, они находятъ себѣ благопріятный пріемъ среди женщинъ, которыя въ общеніи со лжеучителями ищутъ не познаній, а возможности удовлетворять свои различныя похоти, одобряемыя лжеучителями (ст. 6—7). Ап. указываетъ и на цѣль, которую имѣютъ въ виду эти лжеучители, а равно и способъ ихъ дѣйствія. „Эти люди, говоритъ онъ, противятся истинѣ какъ Іанній и Іамврій". По преданію, распространенному въ то время какъ въ іудейскомъ, такъ и въ языческомъ мірѣ, такъ назывались соперники Моисея предъ лицомъ Фараона, котораго они хотѣли отвратить отъ повиновенія истинному Богу своими чудесами. Во времена апостоловъ, подобные противники евангелія, дѣйствительно, существовали и особенно должны были являться въ Ефесѣ, который издавна былъ гнѣздомъ всякой магіи и волшебства. Но чтобы

утѣшить Тимоѳея, который могъ смутиться при мысли о томъ, съ какою силою ему придется бороться, ап. тотчасъ говоритъ объ этихъ развращенныхъ (κατεφθαρμένοι τὸν νοῦν указываетъ на сердечное настроеніе) и неспособныхъ устоять при испытаніи ихъ вѣры (ἀδόκιμοι περὶ τὴν πίστιν), что не долговременно будетъ ихъ господство надъ обществомъ, которое отвернется отъ ереси, когда увидитъ ее во всемъ ея развитіи (ст. 8—9). Въ противоположность этимъ лжеучителямъ Тимоѳей всегда былъ вѣрнымъ послѣдователемъ Павла, что и приводитъ ему на память ап. для того, чтобы укрѣпить его и на будущіе труды. Въ частности ап. упоминаетъ о своихъ страданіяхъ, понесенныхъ имъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ совершилось обращеніе Тимоѳея ко Христу,— страданіяхъ, которыя, конечно, всего сильнѣе запечатлѣлись въ памяти Тимоѳея. Подобно апостолу, должны страдать и всѣ благочестивые христіане, слѣдов., и Тимоѳей (ст. 10—12). Да, Тимоѳей долженъ страдать за истину, не прельщаясь видимымъ успѣхомъ лжеучителей. Онъ долженъ твердо сохранять апостольское ученіе, въ истинности котораго онъ вполнѣ убѣжденъ (ἐπιστώθης отъ πιστόω—утверждаю, увѣряю) и чистое происхожденіе котораго ему хорошо извѣстно (ст. 13—14). Твердому пребыванію въ апостольскомъ ученіи должно содѣйствовать хорошее знакомство Тимоѳея съ Св. Писаніемъ Ветхаго Завѣта. Это Писаніе, читаемое съ вѣрою во Христа, можетъ указать человѣку лучшія средства къ достиженію спасенія: вѣра во Христа при чтеніи Ветхаго Завѣта имѣетъ значеніе факела, при свѣтѣ котораго мы можемъ читать и понимать таинственныя надписи въ древнемъ храмѣ Ветхаго Завѣта (ст. 14). Ибо, въ самомъ дѣлѣ, все Писаніе Ветхаго Завѣта, во всей своей цѣлости (а тѣмъ болѣе Новаго), богодухновенно (θεόπνευστος) т. е. проникнуто Духомъ Божіимъ, написано подъ Его вліяніемъ (ап. не опредѣляетъ однако рода этого воздѣйствія Св. Духа на Ветхозавѣтныхъ писателей и степени собственнаго участія послѣднихъ въ составленіи Свящ. книгъ). Оно помогаетъ и въ раскрытіи догматическихъ истинъ (см. напр. Рим. гл. 4) и особенно при нравственныхъ урокахъ, при воспитаніи, цѣлію котораго поставляется приготовленіе человѣка къ богоугодной дѣятельности (ст. 16—17).

ГЛАВА 4-я.

Послѣднія увѣщанія Тимоѳею. Извѣщеніе Павла о себѣ самомъ.

Въ заключеніе ап., напоминая Тимоѳею о страшной отвѣтственности, которой онъ будетъ подлежать на судѣ Христовомъ, убѣждаетъ его не терять времени, не медлить въ проповѣданіи здраваго ученія (ст. 1—2). Нужно пользоваться временемъ, ибо послѣ уже поздно будетъ выступать съ истиннымъ ученіемъ: его не будутъ слушать и значеніе въ обществѣ получатъ иные учители, вмѣсто истины возвѣщающіе всякаго рода вымыслы (ст. 3—4). Въ противоположность увлекающимся Тимоѳей, если доживетъ до того печальнаго времени, долженъ сохранять полную разсудительность и возвѣщать истинную исторію Христа въ противоположность разнымъ баснямъ, какія будутъ распускать о Немъ лжеучители (ἔργον ποίησον εὐαγγελιστοῦ), и во всѣхъ частяхъ исполнять свое служеніе, тѣмъ болѣе что Павелъ уже оставляетъ поприще своей дѣятельности: его кровь изливается на алтарь какъ вино (σπένδομαι ср Фил. 2, 17) и присоединяется такимъ образомъ къ великой жертвѣ Христовой (ст. 5—6). Но если Тимоѳей возьметъ на себя обязанность продолжать дѣло апостола, то онъ долженъ при этомъ помнить всегда, какъ вѣрно исполнялъ эту обязанность его учитель: онъ долженъ, подобно Павлу, заслужить побѣдный вѣнецъ на томъ прекрасномъ поприщѣ, которое ему предстоитъ пробѣжать—долженъ соблюсти истинную вѣру и въ себѣ и въ своей паствѣ (ст. 7—8). Въ слѣдующихъ затѣмъ извѣстіяхъ о себѣ и своемъ дѣлѣ ап. представляется намъ нисколько не потерявшимъ мужества даже въ виду близкой своей смерти. Напр. онъ вспоминаетъ объ оставленномъ въ Троадѣ плащѣ и о какихъ-то нужныхъ ему книгахъ. Говоря о первомъ своемъ появленіи на судъ или на допросъ, онъ замѣчаетъ, что около него не видно было ни знакомыхъ, ни друзей, которые, по римскому обычаю, поддерживали обвиняемаго своими голосами. Но ему за то помогъ Господь, обѣщавшій даровать Своимъ апостоламъ силу Св. Духа, для того, чтобы выстоять на судѣ (Матѳ.

10, 19. 20). Такимъ образомъ проповѣдь евангелія исполнилась т. е., будучи возвѣщена въ міровомъ городѣ, предъ лицомъ представителей міровой власти, она достигла, такъ сказать, своего кульминаціоннаго пункта, съ котораго она осіяетъ всѣ языческія страны. Ап. высказываетъ при этомъ надежду, что Господь, избавившій его отъ страшной опасности на первомъ допросѣ, не допуститъ его совершить какого нибудь дурного дѣла и при послѣдующихъ допросахъ (напр. измѣны вѣрѣ) и благополучно (чрезъ достойное принятіе смерти) введетъ въ Свое небесное царство (ст. 9—22).

О посланіи къ Титу.

Св. Титъ былъ родомъ грекъ и, по принятіи христіанской вѣры, сдѣлался ученикомъ и сотрудникомъ ап. Павла, хотя и не такимъ близкимъ, какъ св. Тимоѳей. Сначала онъ, по большей части, путешествовалъ въ разные города для исполненія порученій ап. Павла, а потомъ былъ поставленъ послѣднимъ въ епископа на о. Критъ. Христіанство на этомъ островѣ было насаждено, вѣроятно, еще тѣми пришельцами, которые присутствовали въ Іерусалимѣ въ день Сошествія Св. Духа на апостоловъ (Дѣян. 2, 11), но собственно ап. Павлу обязанъ былъ Критъ христіанскимъ просвѣщеніемъ и церковнымъ устройствомъ. И такъ какъ Павелъ, по недостатку времени, не могъ упорядочить церковную жизнь въ Критѣ во всѣхъ отношеніяхъ, то онъ оставилъ тамъ вмѣсто себя Тита, для руководства которому, вскорѣ по своемъ уходѣ съ Крита, написалъ посланіе. Именно, посланіе это написано апостоломъ по освобожденіи его изъ первыхъ римскихъ узъ, (около 64-го г.), когда онъ находился въ малоазійскомъ городѣ Никополѣ (3, 12). Къ этому времени происхожденіе посланія относятъ на томъ же основаніи, на какомъ основано предположеніе о происхожденіи перваго посланія ап. къ Тимоѳею, именно на отчетливости представленій апостола о критскихъ еретикахъ (одного направленія съ ефесскими), каковой отчетливости незамѣтно въ посланіяхъ написанныхъ изъ узъ. Цѣль, съ которою написано посланіе, можетъ быть легко опредѣлена на основаніи самаго посланія. Служеніе Тита на о. Критѣ было очень трудное. Критяне, какъ іудеи, такъ и

язычники, стояли на низкой ступени нравственнаго развитія, предавались всякимъ порокамъ и такіе нравы, конечно, должны были дурно влiять и на нравственность христiанъ. Кромѣ того въ критскую церковь проникли лжеучители, производившіе великій безпорядокъ въ жизни критскихъ христiанъ. Поэтому въ посланіи своемъ ап. и желалъ преподать Титу наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ бороться съ еретиками и утверждать вѣрующихъ въ здравомъ ученіи и истинно-христіанской жизни. Притомъ самый фактъ полученія Титомъ посланія отъ апостола Павла долженъ былъ придать ему большой авторитетъ въ глазахъ критянъ. По содержанію своему посланіе къ Титу сходно съ 1-мъ посланіемъ къ Тимоѳею. Ап. изображаетъ здѣсь качества истинныхъ пастырей церкви, которыя дѣлаютъ ихъ способными бороться съ лжеучителями (гл. 1), заповѣдуетъ Титу учить свою паству и своимъ примѣромъ подкрѣплять свои наставленія (гл. 2) и затѣмъ даетъ наставленія о почтеніи ко властямъ и объ отношеніи къ еретикамъ (гл. 3).

Изъясненіе посланія къ Титу.

ГЛАВА 1-я.

Привѣтствіе. Качества пресвитеровъ. Какъ Титъ долженъ относиться къ Критянамъ.

Въ привѣтствіи Титу ап. говоритъ о своемъ призваніи привести избранныхъ къ вѣрѣ и познанію истины евангельской (ἀπόστολος κατὰ πίστιν...), служащей основаніемъ благочестія и дающей надежду на вѣчную жизнь,—истины, издавна уже обѣтованной, но открытой Богомъ въ извѣстное, опредѣленное время чрезъ апостоловъ и главнымъ образомъ чрезъ Павла. Этимъ, конечно, ап. хотѣлъ указать Титу, какъ важна и отвѣтственна его обязанность быть хранителемъ такой высокой истины (ст. 1 — 4). Затѣмъ ап. напоминаетъ Титу, что онъ оставленъ въ Критѣ для того, чтобы докончить все, что не докончилъ ап. въ дѣлѣ церковнаго устрой-

ства, и прежде всего по *всѣмъ* городамъ поставить пресвитеровъ. Ап. начертываетъ и образъ истиннаго служителя церкви, для руководства Титу при выборѣ лицъ на должность пресвитера (5—9 ст. ср. 1 Тим. гл. 3). Какъ на побужденіе къ тому, чтобы обращать особое вниманіе на выборъ лицъ на служеніе пресвитеровъ, ап. указываетъ на появленіе въ Критѣ множества лжеучителей, преимущественно изъ іудеевъ, для кототорыхъ (лжеучителей) Критъ представлялъ самую подходящую почву. Чтобы подтвердить свою послѣднюю мысль ап. ссылается на свидѣтельство Епименида, критскаго поэта (или пророка, какъ называли Епименида Критяне), который давно уже засвидѣтельствовалъ о любви Критянъ ко всякой лжи и обману, объ ихъ нравственной одичалости и лѣни. Поэтому-то Титъ долженъ съ такими грубыми людьми поступать при обличеніяхъ нещадно (ἀποτόμως—какъ поступаютъ врачи, отсѣкающіе гнилые и заражающіе весь организмъ члены тѣла) и не давать имъ увлекаться баснями іудейскими и заповѣдями о чистомъ и не чистомъ. Ибо — прибавляетъ ап. для разъясненія своего наставленія Титу — эти заповѣди ничтожны: для чистыхъ совѣстію все чисто, а для нечистыхъ совѣстію, для имѣющихъ дурныя мысли и убѣжденія все нечисто, всякій предметъ производитъ въ ихъ душѣ нечистыя пожеланія. Такими именно и представляются апостолу Критскіе лжеучители, на словахъ знающіе Бога, а на дѣлѣ Его совсѣмъ отвергающіе (ст. 10—16).

ГЛАВА 2-я.

Назначеніе христіанской жизни къ святости и добрымъ дѣламъ.

Въ противоположность этимъ лжеучителямъ, которые учатъ Критянъ только худому, Титъ долженъ раскрывать здравое ученіе, учить вѣрующихъ догматамъ вѣры и правиламъ нравственности. При этомъ ап. указываетъ даже, какимъ добродѣтелямъ учить вѣрующихъ сообразно ихъ возрасту, полу и состоянію. Самъ Титъ долженъ служить примѣромъ для вѣрующихъ (ст. 1—10). Причина, по которой всѣ христіане

должны отказаться отъ прежнихъ грѣховныхъ привычекъ, указывается апостоломъ тутъ же. Благодать Божія явившаяся во Христѣ подобно солнцу[1]) освѣтила въ непроглядной тьмѣ пребывавшій міръ и, какъ солнце, по всюду разливаетъ жизнь, даетъ человѣку силы для духовнаго развитія, спасаетъ всѣхъ людей, повсюду находящихся, а слѣд., и Критяне могутъ и должны ею воспользоваться для освященія своей жизни. Она, подобно педагогу, отучаетъ насъ отъ нечестивой жизни и ея удовольствій и утверждаетъ въ благочестіи, причемъ, однако, и мы должны помогать ей съ своей стороны, (почему ап. и говоритъ: *да поживемъ*). Въ этой благочестивой жизни должна укрѣплять насъ надежда на пришествіе нашей великой Надежды, т. е. І. Христа и именно на откровеніе нашего великаго Бога и Спасителя І. Христа во всей Своей славѣ. (Ап. называетъ здѣсь великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ І. Христа, а не Бога Отца; это видно изъ того, что членъ Τοῦ и мѣстоим. ἡμῶν относятся къ обоимъ родительнымъ падежамъ—μεγάλου Θεου и σωτῆρος, а слова: І. Χριστοῦ составляютъ приложеніе къ предыдущимъ словамъ, соединеннымъ посредствомъ члена и мѣстоимѣнія). Кромѣ надежды на славное будущее христіанъ должна побуждать къ святости жизни и мысль о прошедшемъ. Титъ долженъ напоминать вѣрующимъ, что Христосъ для того и на смерть предалъ Себя, чтобы освободить насъ отъ грѣховъ и содѣлать чистыми, святыми. Поэтому мы не должны допускать, чтобы великая жертва Христова оказалась для насъ безплодною (ст. 11—16).

ГЛАВА 3-я.

Продолженіе наставленій о святости жизни.

Что касается гражданской жизни вѣрующихъ, то они должы обнаруживать полное повиновеніе законнымъ властямъ, хотя, впрочемъ, только тогда, когда постановленія властей не идутъ противъ Божіихъ повелѣній (ко всякому дѣлу *благу* готовымъ

---

1) Ἐπεφάνη въ Дѣян. 27, 20 прямо употребляется о явленіи солнца звѣздъ.

быти). Въ отношеніи къ невѣрующимъ согражданамъ христіане должны проявлять кротость и снисхожденіе, (ст. 1—2) ибо христіане, по собственному опыту, знаютъ, какъ тяжело живется въ язычествѣ и какъ трудно язычникамъ отстать отъ своихъ пороковъ (ст. 3). Затѣмъ къ снисхожденію въ отношеніи къ невѣрующимъ должно побуждать христіанъ безмѣрное человѣколюбіе Бога въ отношеніи къ самимъ христіанамъ. Ибо когда открылась Божественная доброта (χρηστότης) и человѣколюбіе, то Богъ спасъ насъ не въ силу нашихъ заслугъ, но единственно по Своему милосердію. Значитъ, и мы, подражая Богу, должны обнаруживать расположеніе къ язычникамъ и тогда, когда они этого вовсе не заслуживаютъ. При этомъ ап., чтобы произвести еще большее впечатлѣніе на души христіанъ, велитъ Титу напоминать о томъ, что они посредствомъ крещенія (банею водною ср. Еф. 5, 26), очистились отъ грѣховъ и обновились, сдѣлались новою тварью, затѣмъ (чрезъ другое таинство, миропомазаніе) получили дары Св. Духа въ изобиліи, чтобы сдѣлаться de jure (по упованію) наслѣдниками вѣчной жизни, получить ее въ свое владѣніе (ст. 4—7). Обо всемъ этомъ Титъ долженъ говорить такъ внушительно (извѣщати), чтобы его рѣчь, дѣйствительно, заставила христіанъ заботиться объ исправленіи своей жизни (ст. 8). Если при этомъ еретики будутъ мѣшать ему, вызывать на состязанія о предписаніяхъ закона, то Титъ долженъ удалиться отъ нихъ, потому что спорить съ людьми невѣжественными и предубѣжденными безполезно. Впрочемъ, къ еретику слѣдуетъ обратиться съ убѣжденіемъ разъ и два, но это убѣжденіе должно имѣть характеръ внушенія (νουθεσία), а не спора, и послѣ этого нужно совсѣмъ отдалиться отъ него, если внушеніе на него не подѣйствуетъ: это знакъ того, что такой человѣкъ грѣшитъ уже не по слабости или неразумію, но съ опредѣленнымъ намѣреніемъ и зная о томъ осужденіи, которому онъ подлежитъ (ст. 9—11). Ап. заключаетъ свое посланіе порученіями Титу [1]) и привѣтствіями ему отъ своихъ сотрудниковъ (12—15 ст.).

---

[1]) Упоминаемый здѣсь законникъ (νομικός) Зина, вѣроятно, до обращенія ко Христу занимался изученіемъ закона Моисеева.

О посланіи къ Филимону.

Филимонъ, одинъ изъ 70 апостоловъ, житель города Лаодикіи (см. Кол. 4, 15 и сл.), былъ сотрудникомъ ап. Павла. Въ его домѣ имѣлась христіанская церковь; у него находили пристанище путешествующіе христіане. Поводъ, по которому ап. обратился къ нему съ посланіемъ, былъ слѣдующій. Онисимъ, рабъ Филимона, чѣмъ то не угодилъ своему господину и бѣжалъ отъ него. Въ это время онъ встрѣтился съ Павломъ и послѣдній обратилъ его ко Христу, а нѣсколько времени спустя послалъ его вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ Тихикомъ къ его господину. Присемъ онъ обратился къ Филимону съ посланіемъ, чтобы расположить его къ прощенію бѣжавшаго раба. Это ап. сдѣлалъ незадолго предъ тѣмъ какъ отправилъ посланіе къ Колоссянамъ, именно во время первыхъ своихъ римскихъ узъ.

Изъясненіе посланія къ Филимону.

Послѣ обычнаго привѣтствія (1—3 ст) ап. высказываетъ, что все слышанное имъ о Филимонѣ возбуждало въ немъ (апостолѣ) благодарность къ Богу и побуждало его молиться за Филимона . Именно до апостола дошли слухи о вѣрѣ, какую имѣетъ Филимонъ въ Господа Іисуса и о любви, какую онъ питаетъ ко всѣмъ христіанамъ [1]); поэтому ап. молится чтобы вѣра Филимона, которую онъ исповѣдуетъ вмѣстѣ съ апостоломъ (κοινωνία τῆς πίστεώς σου), сказалась на дѣлахъ, именно приводила бы его къ совершеннѣйшему познанію того, какія блага получилъ онъ вмѣстѣ съ своею домашнею церковію во Христѣ Іисусѣ и для Іисуса, для споспѣшествованія дѣлу Христову (εἰς Χριστὸν Ἰησοῦν). При этомъ ап. указываетъ, почему онъ удостоилъ назвать вѣру Филимона общею съ вѣрою апостола: именно апостолу, страдающему въ узахъ, великое утѣшеніе доставили извѣстія о заботливости, какую обнаружилъ Филимонъ въ отношеніи къ другимъ христіанамъ, находившимся въ тяжелыхъ обстоятельствахъ (ст. 4—7). Вслѣдствіе этого ап. и обращается къ Филимону не съ приказаніями,

1) Такимъ образомъ въ ст. 5 мы видимъ фигуру хіазма.

а съ просьбою, въ духѣ христіанской любви. Пусть Филимонъ исполнитъ его просьбу,—просьбу Павла (апостола языковъ), старца (котораго вообще слѣдуетъ слушать съ уваженіемъ) и узника Христова (котораго нужно всячески утѣшать). Ап. умоляетъ Филимона, чтобы онъ принялъ своего раба Онисима, который изъ негоднаго сдѣлался полезнымъ и для Филимона, коему будетъ теперь служить уже какъ вѣрный слуга-христіанинъ, и для апостола, которому онъ доставилъ утѣшеніе своимъ обращеніемъ ко Христу. Чтобы внушить Филимону самыя лучшія чувства и расположеніе къ исполненію просьбы своей, ап. говоритъ, что онъ такъ былъ увѣренъ въ расположеніи къ себѣ Филимона, что даже хотѣлъ было оставить Онисима при себѣ, чтобы этотъ послѣдній замѣнилъ своего господина, который навѣрно уже не отказался бы послужить Павлу. Но, прибавляетъ ап., я не хотѣлъ, чтобы это сдѣлалось какъ бы по принужденію съ моей стороны. Притомъ, можетъ быть и самое временное разлученіе Онисима съ Филимономъ совершилось для того, чтобы повести за собою ихъ соединеніе на вѣки. И такъ ап. не захотѣлъ нарушить правъ Филимона, но теперь онъ убѣждаетъ его все таки измѣнить свои отношенія къ Онисиму и беретъ на себя даже отвѣтственность за тотъ проступокъ, который совершенъ послѣднимъ. Ап. увѣренъ, что Филимонъ исполнитъ его просьбу (ст. 8—21). Чтобы выразить еще болѣе свое расположеніе къ Филимону, ап. проситъ его приготовить на его приходъ помѣщеніе (ст. 22—25).

Посланіе Святаго апостола Павла къ Евреямъ.

Введеніе въ посланіе къ Евреямъ.

И древнее надписаніе и самое содержаніе посланія ясно показываютъ, что лица, къ которымъ было оно написано, были христіане изъ евреевъ и притомъ палестинскихъ. Именно, „евреями“ въ Новомъ Завѣтѣ называются только христіанскіе жители Палестины, а другіе христіане изъ евреевъ, жившіе въ чужихъ странахъ, носили названіе „еллинистовъ“ (см. Дѣян. 6, 1.) [1]). За правильность такого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что нигдѣ, кромѣ Палестины, не было христіанской Церкви, которая бы исключи тельно или даже преимущественно состояла изъ обратившихся іудеевъ, и, слѣдовательно, ни къ одной изъ нихъ не могло относиться надписаніе къ „евреямъ“. Потомъ, церковь, къ которой обратился апостолъ съ своимъ посланіемъ, существовала долгое время (Евр. 5, 12) и ея первые предстоятели уже почили съ миромъ въ Господѣ (13, 7). Церковь эта уже испытала сильныя преслѣдованія за имя Христово (10, 32 и сл.). Но ко времени написанія посланія члены этой церкви подверглись опасности отпасть отъ христіанской вѣры и снова пристать къ іудейскому лагерю (6, 4 и сл.; 10, 26 и сл.; 12, 15 и сл.). Именно, они были уже не въ силахъ обнаруживать прежнюю стойкость и терпѣніе (12, 4 и сл) противъ преслѣдованій со стороны своихъ невѣрующихъ единоплеменниковъ. Все это относится къ положенію Іерусалимской церкви, которая именно находилась въ такихъ условіяхъ жизни. Кромѣ того, писатель

---

¹) Если апостолъ Павелъ, еллинистъ по рожденію, называетъ себя иногда евреемъ (2 Кор. 11, 22 Фил. 3, 5), то онъ противополагаетъ себя въ этомъ случаѣ всѣмъ иноплеменникамъ.

посланія оставляетъ совершенно безъ вниманія вопросъ объ отношеніи христіанъ изъ іудеевъ къ христіанамъ изъ язычниковъ, а это заставляетъ думать, что въ той Церкви, къ которой писалъ онъ, этотъ вопросъ не имѣлъ практическаго значенія, т. е., что церковь эта была не смѣшанная, а чисто іудейская по національности. Такою церковью была, какъ извѣстно, одна церковь іерусалимская. Наконецъ,—и это, кажется, самое важное,—изъ посланія съ особенною ясностью видно, что для читателей его весьма большою приманкою служило богослуженіе іудейское, состоящее въ жертвахъ, и іудейское священство (Дѣян. гл. 6 и 7), а это явленіе мыслимо было только въ Іерусалимскихъ и вообще палестинскихъ христіанахъ, потому что іудеи, жившіе въ разсѣяніи (въ Римѣ, Александріи и т. д.), вообще довольно далеко стояли отъ храма, рѣдко его посѣщали и, если чувствовали привязанность къ іудейству, то эту привязанность ограничивали только строгимъ соблюденіемъ разныхъ іудейскихъ обычаевъ (обрѣзанія, субботы и т. п.). Итакъ, съ вѣроятностью можно заключить, что читатели посланія жили въ Палестинѣ.

Посланіе къ Евреямъ, вѣроятно, написано въ 63-мъ году по Р. Х. Апостолъ обѣщается посѣтить евреевъ (13, 23) и не упоминаетъ о томъ, что онъ все еще содержится въ темницѣ, какъ дѣлаетъ это въ посланіяхъ, написанныхъ имъ въ заключеніи. Отсюда слѣдуетъ, что онъ былъ уже освобожденъ отъ первыхъ римскихъ узъ [1]). Мѣсто, гдѣ находился апостолъ, указать нельзя, ибо привѣтствіе, на которое ссылались прежде въ доказательство того, что апостолъ писалъ изъ Италіи (13, 14), говоритъ только, что іерусалимскихъ христіанъ привѣтствуютъ христіане, *сущіе изъ Италіи, а не въ Италіи*, и слѣдовательно, тутъ ап. имѣетъ въ виду только выходцевъ изъ Италіи, а гдѣ они находились вмѣстѣ съ апостоломъ—это совершенно неизвѣстно.

Христіанская Церковь въ Іерусалимѣ съ самаго начала своего существованія близъ храма не имѣла такой самостоя-

---

1) Слова апостола 10, 34: „вы спострадали узамъ моимъ“ всего было естественнѣе понимать о томъ сочувствіи, которое обнаружили іерусалимскіе христіане по отношенію къ апостолу во время его заключенія въ Кесаріи Палестинской.

тельности, какую обнаруживали церкви, составленныя изъ обращенныхъ язычниковъ. Іудеи сами сначала считали ее за одну изъ сектъ, которыхъ не мало въ то время было въ іудействѣ, и давали членамъ ея названіе „назаряне“ (Дѣян. 24, 5; 28, 22). Іерусалимскіе христіане и сами чувствовали себя связанными со всѣми религіозными и политическими интересами своей націи, по прежнему посѣщали храмъ, присутствовали на праздникахъ и поставляли себя въ зависимость отъ іуд. синедріона. Они даже болѣе симпатіи чувствовали къ своимъ невѣрующимъ единоплеменникамъ, чѣмъ къ вѣрующимъ изъ язычниковъ (Дѣян. 10, 14; 18, 18 и 21. Гал. 2, 12 и сл.). Но въ 62-мъ году, со смертью ап. Іакова, для іерусалимскихъ христіанъ кончилась счастливая, по ихъ мнѣнію, жизнь; имъ было предоставлено выбрать одно изъ двухъ: или отречься отъ Христа (Дѣян. 26, 11), или же прервать всякое общеніе съ іудействомъ и со святилищемъ. Это испытаніе было очень сильнымъ для тѣхъ вѣрующихъ изъ Израиля, которые жили въ Палестинѣ и главнымъ образомъ въ Іерусалимѣ, ибо они сроднились съ богослуженіемъ и всѣми учрежденіями В. Завѣта. Поэтому, цѣлью апостола при написаніи посланія, какъ видно изъ самаго посланія, было: 1) утвердить въ читателяхъ истинную вѣру въ І. Христа, которая ослаблялась въ нихъ излишнимъ почтеніемъ передъ Ветхо-Завѣтнымъ закономъ и Моисеемъ, 2) установить правильный взглядъ на В. Завѣтное богослуженіе, на храмъ, жертвы и на чинъ священства, 3) возбудить въ нихъ начавшую ослабѣвать ревность къ добрымъ дѣламъ, 4) укрѣпить ихъ въ постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ и 5) предостеречь ихъ отъ отпаденія къ іудейству, къ чему, какъ видно изъ вышеописаннаго состоянія читателей, они были довольно близки.

Хотя посланіе написано и къ евреямъ, но, съ достовѣрностью можно сказать, не на еврейскомъ языкѣ, а на греческомъ, который въ то время понимали хорошо всѣ евреи. Что мы имѣемъ предъ собою подлинный текстъ, а не переводъ съ еврейскаго, это видно изъ того, что 1) апостолъ приводитъ мѣста изъ Св. Писанія по переводу LXX, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отступаетъ отъ подлиннаго еврейскаго текста (напр. 10, 5; 12, 16); 2) нѣкоторыя

слова онъ толкуетъ прямо съ греческаго языка (напр.: διαθήκη—гл. 9, 15 ст.); 3) иногда еврейскія имена онъ переводитъ на греческій языкъ (напр. слово Мелхиседекъ), которыхъ и не было надобности переводить, если бы апостолъ писалъ по еврейски. Въ отношеніи къ языку и изложенію посланіе къ евреямъ отличается выразительностью, краткостью и строгою послѣдовательностью по сравненію съ другими посланіями ап. Павла, который, обращаясь къ своимъ критически настроеннымъ въ отношеніи къ нему соплеменникамъ, употребляетъ особенное стараніе и всю силу своего искуства для выясненія имъ величія І. Христа.

Содержаніе посланія составляютъ главнымъ образомъ увѣщанія къ твердому исповѣданію евангельскаго ученія: вѣрующіе евреи должны быть вѣрными І. Христу—Мессіи, Который выше, чѣмъ ангелы, даровавшіе евреямъ законъ, и Моисей, — истинному нашему ходатаю предъ Богомъ. И именно, въ первой части (1—4) апостолъ изображаетъ величіе лица І. Христа, во второй (5—10)—первосвященническое служеніе Христа и въ третьей (11—13) даетъ совѣты, какъ слѣдуетъ прилагать изложенное выше ученіе къ жизни.

Изъясненія посланія ап. Павла къ Евреямъ.

ГЛАВА 1-я.

Введеніе. Превосходство І. Христа, посредника Новаго Завѣта передъ ангелами.

Намѣчая основную мысль, которая раскрывается во всемъ посланіи, ап. Павелъ сравниваетъ между собою два откровенія Бога—Ветхо-и Ново-Завѣтное. Первое откровеніе сообщаемо было ветхозавѣтнымъ людямъ (которые въ духовномъ смыслѣ могутъ быть справедливо названы отцами христіанъ вообще, но главнымъ образомъ отцами христіанъ происходящихъ изъ еврейскаго племени) многочастно (πολυμερῶς), т. е. по частямъ, и многообразно (πολυτρόπως), т. е. различными

способами, сообразно съ обстоятельствами, въ какихъ находились тѣ, кои должны были его воспринять: именно, смотря по степени воспріимчивости слушателей, іудейскіе пророки сообщали бож. откровеніе, или въ формѣ ораторской рѣчи, или соединяли съ рѣчью извѣстныя символическія дѣйствія и чудеса. Съ другой стороны, передатчиками этого откровенія были *люди*, хотя и близкіе къ Богу (προφῆται). Въ противоположность этому откровенію, которое ап. называетъ древнимъ (πάλαι λαλήσας) потому, конечно, что со времени послѣдняго пророка, Малахіи, до Христа прошло уже около 400 л., Богъ въ послѣднее время (ἐπ ἐσχάτων τῶν ἡμερῶν), т. е. въ мессіанское (ср. Ис. 2, 2; Іер. 48, 47 и 1 Петр. 1, 20), которое переживаютъ читатели посланія (ἡμερῶν τούτων), возглаголалъ намъ въ Сынѣ. Чтобы показать преимущество этого новаго откровенія, ап. далѣе изображаетъ величіе Сына Божія. Сынъ Божій, — конечно, по совершеніи дѣла нашего искупленія, — былъ сдѣланъ отъ Бога наслѣдникомъ всего или, какъ можно заключать на основаніи другихъ мѣстъ посланія къ евреямъ [1]), получилъ отъ Бога все въ дѣйствительное владѣніе [2]). Положивъ І. Христа наслѣдникомъ или владыкою всего и по человѣчеству [3]), Богъ такимъ образомъ прославилъ Его славою, какую Онъ имѣлъ, какъ Сынъ Божій, еще до сотворенія міра (Іоан. 17, 5). Но этотъ Сынъ возвышается надъ пророками не только по величественнымъ результатамъ Своего дѣла, не только сдѣлался владыкою всего по совершеніи нашего искупленія: Онъ былъ посредникомъ и перваго тво-

---

¹) Въ 6-ой главѣ выраженія: κληρονομεῖν τὰς ἐπαγγελίας—наслѣдовать обѣтованія (ст. 12) и ἐπιτυχεῖν τῆς ἐπαγγελίας—получить по обѣтованію (ст. 15) употребляются, какъ равнозначущія.

2) Ср. Гал. 3, 29, гдѣ христіане называются „наслѣдниками по обѣтованію" не какъ такіе, которымъ наслѣдіе еще только обѣщано, но какъ уже получившіе наслѣдіе согласно съ обѣтованіемъ.

3) Что здѣсь апостолъ имѣетъ въ виду именно послѣдній фактъ, а не вѣчное предназначеніе Логоса быть владыкою міра, это видно довольно ясно изъ противоположенія Сына пророкамъ. Сравненіе между пророками ветхозавѣтными, посредниками божественнаго откровенія, и Сыномъ, новозавѣтнымъ посредникомъ, возможно только въ одной области и, слѣдовательно, ап. говоритъ здѣсь о Сынѣ Божіемъ въ Его человѣческомъ явленіи.

ренія міра, чѣмъ и объясняетъ апостолъ то обстоятельство, почему именно Ему было предоставлено то, второе твореніе или искупленіе (ср. 1 Кор. 15, 1 и сл.). Міръ, сотворенный черезъ Сына, апостолъ называетъ вѣками (τοὺς αἰῶνας), т. е. употребляетъ множественное число согласно съ еврейскимъ талмудическимъ воззрѣніемъ, по которому все время существованія этого міра дѣлилось на два вѣка: вѣкъ сей и вѣкъ грядущій мессіанскій. Слѣдовательно, „вѣки“ у апостола означаютъ всю исторію міра во всѣхъ фазисахъ его жизни, а по первоначальному значенію слова αἰών, и самое время, которое тоже сотворено Сыномъ Божіимъ (ст. 2). По окончаніи всей Своей дѣятельности на землѣ, Сынъ возсѣлъ одесную Бога. Чтобы объяснить это важнѣйшее событіе, ап. при этомъ изображаетъ отношенія, въ какихъ стоитъ Сынъ къ Богу и къ міру и стоялъ въ то время, когда возсѣлъ одесную Бога. Въ отношеніи къ Богу, Который нерѣдко въ Св. Писаніи называется свѣтомъ и огнемъ (ср. Іоан. 1, 14) по чистотѣ и совершенству Своего существа, Сынъ Божій былъ и есть (ὢν) сіяніе Его славы и блеска (ἀπαύγασμα δόξης Θεοῦ—свѣтъ, исходящій отъ свѣта по изъясненію Отцевъ Церкви)[1]) и отпечатокъ (χαρακτὴρ отъ χαράσσω—нарѣзывать) Его сущности[2]). Послѣднее слово разъясняетъ предшествующее, указывая на то, что это сіяніе есть нѣчто постоянное и совершенное, для всѣхъ временъ выражающее существо Божіе. Итакъ, величіе Божіе отразилось въ Сынѣ и было въ Немъ видимо для всѣхъ, какъ отблескъ величественнаго существа Божія. Существо Божіе въ Немъ отпечатлѣлось и познаваемо было въ этомъ отпечаткѣ. Въ отношеніи къ міру Сынъ является его управителемъ (φέρων и въ классическомъ языкѣ означаетъ не просто поддержку, а руководство, управленіе), причемъ дѣйствуетъ

---

[1]) Это указываетъ на единство Сына по существу съ Богомъ Отцемъ и на совѣчность Отцу, потому что огненное и свѣтоносное тѣло немыслимо безъ сіянія, а затѣмъ на нераздѣльность Ихъ, потому что свѣтъ и сіяніе нераздѣльны, и на естественное рожденіе Сына отъ Отца.

[2]) ὑπόστασις отъ ὑφιστάναι—основаніе и, въ переносномъ смыслѣ, предметъ, о которомъ трактуютъ, сущность дѣла въ противоположность видимости и въ отношеніи къ Богу—лежащая въ основаніи величественнаго явленія Бога Его сущность, заключенная въ себѣ самой.

въ немъ словомъ Своего могущества и, значитъ, нисколько не обременяется Своимъ дѣломъ. Апостолъ опять говоритъ это о Сынѣ Божіемъ въ Его земномъ явленіи, очевидно, основываясь на многочисленныхъ чудесахъ, въ какихъ І. Христосъ заявилъ Себя владыкою природы. Въ особенности власть Свою надъ жизнью міра Онъ показалъ въ великомъ Своемъ дѣлѣ—очищеніи грѣховъ всего человѣчества, ибо Онъ совершилъ это дѣло Самъ Собою[1]), соединивъ въ Своемъ лицѣ и первосвященника и жертву дня очищенія (ст. 3).

Переходя теперь къ изображенію превосходства І. Хр. предъ ангелами, которые, по вѣрованію іудеевъ, сообщили Моисею Законъ, чѣмъ евреи безмѣрно хвалились, апостолъ говоритъ прежде всего, что Христосъ сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ возсѣлъ одесную Бога, выше (χρείττων), чѣмъ ангелы, ибо получилъ и по своему Богочеловѣчеству имя Сына и соединенныя съ нимъ права[2]), тогда какъ ангелы, по нижеслѣдующимъ словамъ апостола (ст. 14), остаются въ исторіи домостроительства нашего спасенія *духами служебными*. Чтобы доказать евреямъ съ наибольшею для нихъ ясностью величіе І. Христа предъ ангелами въ отношеніи къ домостроительству, ап. далѣе приводитъ мѣста изъ Св. Писанія В. Завѣта. О великомъ имени Сына свидѣтельствуетъ Самъ Богъ устами псалмопѣвца Давида, называя только Мессію Своимъ единственнымъ Сыномъ (родихъ *Тя*) и объясняя это названіе указаніемъ на время Его рожденія (Псал. 2, 7. Выраженіе псалма: „нынѣ Я родилъ Тебя“ относится къ рожденію Христову: уже тутъ Богъ заявилъ различными знаменіями о великомъ достоинствѣ дитяти, хотя совершенно слова пророчества Давидова о Мессіи исполнились лишь съ воскресеніемъ І. Христа, какъ толкуетъ самъ ап. Павелъ Дѣяп. 13, 33. ср. Мѳ. 28, 18). Кромѣ того ап. приводитъ пророчество Наѳана, высказанное Давиду объ его по-

---

[1]) ποιησάμενος—общій залогъ поставленъ для обозначенія того, что лицо, о которомъ идетъ рѣчь, было не только дѣйствующимъ, но и страдающимъ, т. е. Христосъ въ своемъ лицѣ несъ наказаніе за грѣхи человѣческіе.

[2]) Въ В. Завѣтѣ хотя ангелы и именуются bne elohim, но это имя прилагается къ нимъ какъ родовое понятіе и не употребляется о комъ-нибудь одномъ изъ нихъ.

томствѣ и главнымъ образомъ относившееся къ Мессіи (2 Цар. 7, 14), въ отношеніи къ Которому Богъ представилъ Себя Отцомъ (ст. 5). Для того чтобы показать, что Слово Божіе говоритъ о превосходствѣ І. Христа и прямо съ отношеніемъ къ ангеламъ, апостолъ прежде всего обращаетъ вниманіе на послѣдній судъ, на второе пришествіе Христово[1]). Перворотный—такъ Христосъ называется, вѣроятно, потому, что ко времени Его 2-го пришествія, у Бога, такъ сказать, родится еще много дѣтей въ духовномъ смыслѣ (ср. Рим. 8, 29)—перворотный будетъ удостоенъ великой чести въ тотъ моментъ, когда Богъ снова введетъ Его въ тогъ же обитаемый міръ, изъ котораго Онъ удалился на небо. Въ противоположность смиренному вступленію Христа въ міръ при воплощеніи, Богъ тогда скажетъ (λέγει—настоящее время, а не прошедшее, какъ прежде и, очевидно, въ качествѣ будущаго), чтобы Ему воздали почтеніе всѣ ангелы[2]) (ст. 6). Далѣе о превосходствѣ Сына предъ ангелами свидѣтельствуетъ и то, какъ Слово Божіе выражается о первомъ и о послѣднихъ. Съ одной стороны (μεν), псаломъ 103, 4 говоритъ объ ангелахъ, какъ о такихъ существахъ, которыя воплощаются, такъ сказать, въ различныхъ явленіяхъ природы (огнѣ, вѣтрѣ) и такимъ образомъ служатъ орудіями въ рукахъ Божіихъ въ дѣлѣ защиты или наказанія людей[3]) (ст. 7 Ап., приводя этотъ текстъ, вѣ-

[1]) ὅταν съ сослагательнымъ аор. и съ будущимъ или повелительн. слѣдующаго глагола имѣетъ смыслъ латинскаго futuri exacti.

[2]) Вт. 32, 43. Мѣсто это взято не изъ еврейской библіи, въ которой его не имѣется, а изъ греческаго перевода LXX, гдѣ оно вставлено какъ разъясненіе къ еврейскому тексту, и притомъ вполнѣ прилично. Ап., приводя это мѣсто, могъ имѣть въ виду слова Самого І. Христа объ ангелахъ, какъ служителяхъ Его въ день страшнаго суда (Мѳ. 16, 27 и 25, 31).

[3]) Русскій переводъ псалмовъ (съ евр.) придаетъ иной смыслъ этому мѣсту. По нему, Богъ дѣлаетъ своими служителями, вѣстниками (не ангелами) огонь, вѣтеръ, т. е. употребляетъ эти явленія природы для наказанія нечестивыхъ. Но неправильность такого перевода доказывается во 1-хъ тѣмъ, что при глаголахъ съ значеніемъ: дѣлать чѣмъ либо, употреблять извѣстную вещь на что либо, за глаголомъ слѣдующій винительный обозначаетъ дѣло или предметъ, который на что-либо употребляется, а второй—то, этотъ чѣмъ предметъ дѣлается (ср. Быт. 41, 42, Исх. 23, 25, 29, 9; 30, 25; 3 Цар. 18, 22; Ос. 8, 4 и сл.). Во

роятно, имѣлъ въ виду нѣкоторыя мѣста В. Завѣта, гдѣ ангелы являются исполнителями божественныхъ повелѣній въ отношеніи къ человѣку, напр. Быт. 18 гл. 28, 12; 22, 2. Пс. 90, 11, 12; 102, 20. Изъ послѣднихъ мѣстъ съ очевидностью ясно, что человѣкъ находится не подъ вліяніемъ простыхъ, элементарныхъ силъ природы, а подъ дѣйствіемъ посылаемыхъ Богомъ духовъ, которые управляютъ силами природы и такимъ образомъ устраняютъ изъ нашей жизни всякія случайности, не давая и волосу съ головы нашей упасть безъ воли Божіей). Съ другой стороны, пс. 44, 7. 8 представляетъ Мессію, Сына Божія, какъ Бога, Который вѣчно будетъ царствовать, Котораго скипетръ не уклонится ни направо, ни налѣво (ῥάβδος εὐθύτητος), а прямо будетъ указывать путь. Который будетъ снабженъ всякаго рода благословеніями, большими, чѣмъ тѣ, которыя получаютъ Его причастники, т. е. христіане, Его сонаслѣдники (Рим. 8, 17) и совладыки (2 Тим. 2, 12). Кромѣ того, пс. 101, 26—28 ст. свидѣтельствуетъ о Господѣ, Творцѣ неба и земли, т. е. съ точки зрѣнія апостола (см. выше ст. 2) о Сынѣ Божіемъ какъ о такомъ, Который вѣчно остается равнымъ Самому Себѣ, тогда какъ съ сотвореннымъ міромъ Онъ обращается какъ Ему угодно, и тогда какъ самыя небеса, которыя кажутся намъ столь неизмѣнными, на самомъ дѣлѣ обречены на погибель, даже самыя высшія (πάντες). Наконецъ, пс. 109, 1 приписываетъ Сыну сѣдѣніе одесную Іеговы, т. е. участіе во владычествѣ Іеговы (ст. 8—13). Между тѣмъ, заключаетъ апостолъ свое сравненіе, ангелы только стоятъ въ отношеніи къ Богу, какъ слуги, и посылаются въ тѣхъ случаяхъ, когда бываютъ нужны для христіанъ (ст. 14).

ГЛАВА 2-я.

Спасеніе, возвѣщенное Господомъ. Временное униженіе Сына Божія предъ ангелами.

Рѣчь свою о превосходствѣ І. Христа предъ ангелами ап. прерываетъ увѣщаніемъ къ читателямъ о томъ, чтобы

2-хъ, еслибы слова „огонь палящъ“ (πυρὸς φλόγα) были дополненіемъ, а „ангелы“—опредѣленіемъ, то было бы очень странно видѣть такое сочетаніе единственнаго числа объекта и множественнаго предиката.

они заботились о сохраненіи евангелія, возвѣщеннаго Сыномъ, ради всего того (διὰ τοῦτο), что раньше сказалъ апостолъ о Сынѣ и Его значеніи (ст. 1). И тѣмъ болѣе нужно бояться отпаденія отъ Евангелія, что мы никакъ не можемъ избѣжать наказанія, полагающагося за это. Ибо если уже за нарушеніе каждой заповѣди закона Моисеева, который былъ дарованъ при посредствѣ ангеловъ (ср. Гал. 3, 19), еврей подвергался строгому наказанію, то непослушаніе слову, возвѣщенному не служителями, а самимъ Господиномъ и утвержденному среди христіанъ тѣми, кто былъ непосредственнымъ слушателемъ Самого Господа, заслуживаетъ несравненно высшей кары. А что ученики Господа возвѣщали именно *Его* евангеліе, не прибавляя никакихъ человѣческихъ вымысловъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что Богъ подтверждалъ ихъ проповѣдь знаменіями и чудесами, или, по выраженію апостола, сосвидѣтельствовалъ ученикамъ Христовымъ, т. е. присоединялъ Свое особое, могучее свидѣтельство къ свидѣтельству апостоловъ (συνεπιμαρτυροῦντος τοῦ Θεοῦ, ст. 2—4).

Подтверждая ту мысль, что презрители евангелія не останутся безнаказанными, апостолъ указываетъ на то, какъ высоко стоитъ Сынъ Божій, возвѣстившій это евангеліе. По словамъ апостола, Богъ покорилъ Своему Сыну не только этотъ міръ, •теперь существующую вселенную, но и будущую (τὴν οἰκουμένην τὴν μέλλουσαν), т. е. тотъ міръ будущаго вѣка, который будетъ призванъ къ жизни Господомъ съ обновленіемъ неба и земли. Такимъ образомъ, Сынъ Божій является полнымъ владыкою міра во всѣхъ фазисахъ его развитія. Впрочемъ, апостолъ въ настоящемъ случаѣ не прямо говоритъ о *Сынѣ Божіемъ*, а пользуется псаломомъ 8-мъ, въ которомъ идетъ рѣчь о подчиненіи міра человѣку, или *сыну человѣческому*. Псаломъ этотъ представляетъ человѣка немногимъ ниже ангеловъ, или, по переводу съ еврейскаго, существъ высшей божественной природы [1]), хотя онъ собственно только enosch — слабое, смертное существо, и ben-adam—сынъ человѣка, уже по самой природѣ своей не

---

[1]) Elohim обозначаетъ въ псалмѣ не Бога, Іегову, а вообще божественныхъ существъ, надъ которыми Іегова безконечно возвышается.

имѣющій возможности возвыситься до положенія elohim'овъ. Поэтому-то псалмопѣвцу и кажется удивительнымъ такой контрастъ между слабою природою человѣка и его высокимъ назначеніемъ—быть владыкою міра. Такъ какъ теперь и для апостола представляется невѣроятнымъ, чтобы міръ былъ покоренъ человѣку, то онъ говоритъ, что все сказанное въ псалмѣ о человѣкѣ, какъ владыкѣ міра, нашло для себя полное осуществленіе только во Христѣ, и такимъ образомъ разсматриваетъ этотъ псаломъ, какъ типическое пророчество о Христѣ. Разъясняя, именно, отношеніе этого псалма ко Христу, апостолъ выставляетъ на видъ читателей то обстоятельство, что въ псалмѣ говорится о совершенномъ подчиненіи человѣку всей природы, а между тѣмъ такого совершеннаго подчиненія ея человѣку мы еще не видимъ. Поэтому, и нужно думать, что псалмопѣвецъ имѣлъ въ виду Христа, а не простого человѣка. „Мы видимъ того умаленнаго человѣка, о которомъ говорилъ псаломъ (τὸν δὲ ἠλαττωμένον), именно Іисуса (Ἰησοῦν—прилож.), увѣнчаннымъ за претерпѣніе смерти [1]) величіемъ и честью“ и слѣдовательно,—такъ можно добавить мысль апостола,—на Немъ исполнилось все, что было сказано въ псалмѣ о величіи человѣка и о покореніи ему вселенной (ст. 5—8). А чтобы разъяснить своимъ читателямъ, евреямъ, для чего именно было нужно такое униженіе Христа предъ ангелами, апостолъ ссылается на благость Божію, которая восхотѣла, чтобы Христосъ за каждаго изъ людей (ὑπὲρ παντὸς) вкусилъ смерть со всею ея горечью (γεύσηται θανάτου). Страданія Христовы въ рукахъ Бога были самымъ приличнымъ средствомъ (ἔπρεπε γὰρ) для того, чтобы прославить многихъ сыновъ Своихъ [2]), чтобы сдѣлать Іисуса нашимъ совершеннымъ спасителемъ (τελειῶσαι-τέλειον ποιεῖν 9—10, ср. ст. 17). Но почему именно это, а не другое какое средство было самымъ соотвѣтсвеннымъ для цѣли? Это ап.

---

[1]) Διὰ τὸ πάθημα. Διὰ съ винительнымъ означаетъ не намѣреніе или цѣль, но основаніе, причину.

[2]) Εἰς δόξαν ἀγαγόντα относ. къ слову αὐτῷ. Подобное согласованіе винительнаго падежа съ дат. находится еще у Лук. 1, 73 и сл. 11, 12. 15, 22. Оба аориста — ἀγαγόντα и τελειῶσαι — обозначаютъ одновременно совершившіеся историческіе факты (ср. подобное совпаденіе въ Кол. 1, 20).

разъясняетъ до самаго конца главы. Касаясь прежде всего отношенія, въ какомъ стоитъ *вождь спасенія* ко *многимъ сынамъ*, ап. говоритъ, что всѣ они, и освящающій (ἁγιάζων), т. е. доставляющій участіе въ божественномъ величіи и святости,—конечно черезъ очищеніе грѣховъ—и съ Нимъ вмѣстѣ всѣ освящаемые сдѣлались таковыми по волѣ Единаго Бога (ἐξ ἑνός) [1]). Посему-то Христосъ не стыдится людей, почтенныхъ такою милостью Божіею, называть Своими братьями, не стыдится этого, не смотря даже на Свое превосходство предъ ангелами, на Свое высшее, Сыновнее отношеніе къ Богу (ст. 11). И В. Завѣтъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Сей освятитель всегда разсматривалъ, чувствовалъ и даже обозначалъ Себя, какъ брата людей, какъ близкаго къ нимъ, которые избраны Богомъ для освященія. Такъ Мессія, по изображенію пс. 21, 20, является дѣйствующимъ среди людей и возвѣщающимъ имъ имя Божіе, называетъ людей Своими братьями (ст. 12). Тоже самое апостолъ доказываетъ далѣе словами пр. Исаіи (Ис. 8, 17). Въ его жизни, именно въ одномъ ея событіи, когда Исаія, по повелѣнію Божію, приступилъ къ пророчицѣ и та родила ему двухъ сыновей, которые данными имъ именами символически указывали на судьбы всѣхъ членовъ царствія Божія, — въ этотъ моментъ жизни Исаіи апостолъ разсматриваетъ его, какъ прообразъ Мессіи, потому что пророкъ подобно Мессіи обнаружилъ чрезвычайную надежду на Бога и послушаніе Ему, которыя нѣсколько походили на преданность и послушаніе Христа волѣ Бога Отца. И если теперь пророкъ, какъ прообразъ Христа, называлъ своими дѣтьми всѣхъ членовъ царствія Божія, то значитъ его устами говорилъ Самъ Христосъ и выражалъ такимъ образомъ свою близость къ людямъ, а слѣдовательно и ихъ сыновнее отношеніе къ Богу (ст. 12—13) [2]).

---

[1]) Подъ единымъ нельзя разумѣть Адама, потому что о немъ раньше и рѣчи не было, и притомъ, дѣло идетъ не о близости Сына Божія къ другимъ сынамъ по человѣчеству, а о томъ, что одинъ и тотъ же Богъ дѣйствуетъ и на Освятителя и на освящаемыхъ — на перваго непосредственно, на послѣднихъ — черезъ перваго.

[2]) Подобную мысль высказываетъ Господь въ евангеліи отъ Іоанна: „Явихъ имя Твое человѣкомъ, ихъ же далъ еси мнѣ отъ міра. Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси: и слово Твое сохраниша“ Іоан. 17, 6.

Доказавъ такимъ образомъ изъ В. Завѣта, что и Христосъ и люди освящаемые находятся въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ Богу, апостолъ показываетъ теперь, почему именно Христосъ могъ содѣлаться нашимъ освятителемъ только через страданія. Такъ какъ, говоритъ апостолъ, дѣти, которыя въ книгѣ пр. Исаіи представлялись прообразами возлагающей свои надежды на Бога Церкви (τὰ παιδία), имѣютъ человѣческую природу, плоть и кровь (въ которыхъ свилъ себѣ гнѣздо грѣхъ), то и Сыну, Который долженъ былъ искупить этихъ дѣтей, нужно было принять на Себя ихъ натуру. Онъ, дѣйствительно, и воспринялъ ихъ также какъ люди (παραπλησίως — приблизительно, схоже, ибо Христосъ былъ не только человѣкъ, но и Сынъ Божій). Ему нужно было принять плоть для того, чтобы смертью Своею въ этой плоти ниспровергнуть власть діавола (причину смерти) и освободить людей отъ страха предъ смертью (дѣйствіе смерти)[1]), т. е. Христосъ умеръ за всѣхъ (ὑπὲρ παντός ст. 10), и за теперь живущихъ и за имѣющихъ родиться къ жизни—слѣдовательно, діаволу нечего больше дѣлать, онъ совершенно устраняется, какъ причиняющій людямъ, по попущенію Божію, смерть[2]) и, если послѣдняя существуетъ, то уже не страшитъ христіанъ (ст. 14—15). Природу человѣческую и вмѣстѣ съ нею смерть Христосъ принялъ потому, что не ангелы были цѣлью Его спасительной дѣятельности (ἐπιλαμβάνεσθαι ср. Іер. 31, 2), а избранные люди, составленная изъ лучшихъ представителей человѣчества Церковь Божія или истинное сѣмя Авраама (ст. 16). А изъ того, что сказано выше о приличіи *совершенія Христа* черезъ страданія, необходимо слѣдуетъ (ὅθεν), что Христосъ, въ силу обстоятельствъ, долженъ былъ (ὤφειλεν) во всемъ походить на искупляемыхъ братьевъ (κατὰ πάντα)—не только въ принятіи плоти и крови, но и въ перенесеніи всякаго рода страданій, терзаній и оскорбленій, какія угнетаютъ жизнь человѣка. Послѣднее нужно Ему было для того, чтобы сдѣлаться милостивымъ и вѣрнымъ первосвященникомъ —*ми-*

---

[1]) Какой страхъ чувствовали в.-завѣтные люди предъ смертью — это ясно можно видѣть напр. изъ словъ Іова (7, 9).

[2]) Ап. называетъ діавола владыкою смерти потому, что смерть есть слѣдствіе грѣха, а грѣхъ вошелъ въ міръ чрэзъ діавола.

лостивымъ — по скольку Онъ путемъ собственнаго опыта сдѣлался первосвященникомъ, снисходительно относящимся къ людскимъ страданіямъ, и *вѣрнымъ* — въ отношеніи къ Богу. Такимъ Онъ долженъ былъ сдѣлаться въ области порученнаго Ему Богомъ служенія (τὰ πρὸς τὸν θεόν) и именно, въ дѣлѣ очищенія грѣховнаго человѣчества жертвою, какъ возмѣщеніемъ того, что человѣкъ самъ сдѣлать и вынести не въ состояніи (εἰς τὸ ἱλάσκεσθαι) [1]). Онъ долженъ былъ, какъ первосвященникъ, въ день очищенія (Лев. 16, 15), очистить, смыть грѣхи, совершенные народомъ, цѣлою общиною вѣрующихъ (ст. 17. Λαός—въ Лев. 1 гл. обозначаетъ также не только *іудейскій* народъ, а теократическое общество). Разъясняя это положеніе Христа, апостолъ говоритъ, что въ силу Своего собственнаго опыта (ἐν ᾧ), въ силу того, что Онъ пострадалъ (πέπονθεν—указываетъ главнымъ образомъ на послѣднее страданіе — на крестѣ) и притомъ какъ такой, Который въ страданіяхъ Самъ былъ искушенъ, Христосъ можетъ помогать своимъ искушаемымъ братьямъ. Такимъ образомъ милосердымъ и надежнымъ для насъ ходатаемъ — первосвященникомъ, на котораго мы, слабые люди, искушаемые грѣхомъ и удовольствіями міра, можемъ вполнѣ положиться, Христосъ сдѣлался въ силу того, что Самъ былъ искушенъ подобно намъ, хотя и не согрѣшилъ при этомъ (ст. 18. ср. 4, 15 и слѣд.).

ГЛАВА 3-я.

Іисусъ, какъ посланникъ Божій, выше Моисея. Увѣщаніе къ непокоряющимся Слову Божію и презирающимъ дѣла Божіи.

Доказавши, что Христосъ выше ангеловъ, основателей Ветхаго Завѣта, и что слѣдовательно, Новый Завѣтъ выше Ветхаго уже со стороны своего основанія, ап. далѣе раз-

[1]) Богъ не Самъ отвращался отъ человѣка, какъ думали язычники, и Его настроеніе не нуждается въ измѣненіи посредствомъ жертвоприношенія. Но, какъ правосудный, Онъ сталъ бы, въ случаѣ каждаго нарушенія установленнаго Имъ права,—наказывать людей и поэтому то нужно было скорѣйшее очищеніе грѣховъ, черезъ которое любовь Божія упреждаетъ Его правосудіе и человѣкъ избѣгаетъ гнѣва Божія (ср. Числ. 17, 11 и 8, 19).

сматриваетъ Христа, какъ посредника Н. Завѣта и сравниваетъ Его съ посредникомъ, черезъ котораго евреи получили В. Завѣтъ, именно съ Моисеемъ. Такъ какъ ап. уже сказалъ, что Христосъ черезъ воплощеніе сталъ нашимъ братомъ, нашимъ освятителемъ и надежнымъ ходатаемъ, то, обращаясь теперь къ христіанамъ, онъ называетъ ихъ святыми братьями, приглашаетъ ихъ принимать отъ Іисуса все больше и больше освященія и почитать Его, какъ своего первосвященника, тѣмъ болѣе, что они черезъ это освященіе удостоены участія въ небесныхъ благахъ, къ которымъ призваны всѣ чистые отъ грѣховъ. Нужно глубже вникнуть въ значеніе Іисуса (κατανοήσατε) [1]), нужно обратить вниманіе на то, что Онъ *апостолъ,* т. е. посланникъ [2]) нашего исповѣданія или вѣры (ὁμολογία ср. 1. Тим. 6, 12, 13. 2 Кор. 9, 13), какъ Сынъ Божій, Который возвѣстилъ намъ спасеніе, и *архіерей* нашей вѣры, какъ такой, который это спасеніе даровалъ людямъ и продолжаетъ сообщать его непрестанно (ст. 1). Далѣе для евреевъ полезно принять въ соображеніе то, что какъ Моисей, по свидѣтельству Самого Бога (см. Числ. 12, 7), былъ вѣренъ въ своемъ служеніи, обнимавшемъ всю Ветхо Завѣтную церковь Божію (домъ Божій), такъ и Іисусъ какъ посланникъ и первосвященникъ тоже вѣренъ (πιστός т. е. твердъ, постояненъ) конечно, и въ прошедшемъ и настоящемъ, какъ вѣчный первосвященникъ и ходатай за насъ предъ Богомъ, Который сдѣлалъ Его апостоломъ и архіереемъ нашей вѣры (ποιεῖν τινα—давать извѣстное историческое значеніе кому-либо). Пригласивъ такимъ образомъ своихъ читателей къ вниманію въ отношеніи ко Христу, апостолъ выставляетъ особенныя побужденія къ этому для своихъ читателей, евреевъ. Іисусъ удостоился за Свое служеніе получить такую честь, кото-

1) Слово κατανοήσατε употреблено еще у LXX въ кн. Исх. 33 гл. 8 ст. о томъ вниманіи, съ какимъ народъ слѣдилъ за Моисеемъ, вошедшимъ въ новоустроенную скинію для принесенія жертвы. На это вхожденіе ап. и намекаетъ въ этомъ случаѣ, желая сказать, что теперь взоры людей должны быть направлены не на Моисея, а на Іисуса.

2) Такъ Христа называетъ апостолъ съ отношеніемъ къ Моисею, который былъ апостоломъ или посланникомъ Божіимъ къ евреямъ. Притомъ Христосъ неоднократно и Самъ выражался о Себѣ приблизительно такими же словами (въ Мѳ. 10, 40. 15, 24. ср. Лук. 4, 18. 43 Іоанн. 3, 17. 34).

рая превосходитъ всю славу Моисея, величайшаго изъ пророковъ (Вт. 34, 10), въ такой же мѣрѣ, въ какой честь устроителя дома [1]) больше, чѣмъ честь, подобающая самому дому. А что устроителю дома или царства Божія приличествуетъ большая честь, чѣмъ самому дому—это видно изъ того, что какъ всякій домъ устрояется кѣмъ-либо, такъ устроитель всего, что нужно для существованія царства Божія, есть Богъ (θεός—непремѣнно сказуемое, потому что стоитъ безъ члена), существо высшей, божественной натуры и, слѣдовательно, славнѣйшее Моисея (4). Итакъ, сначала апостолъ сказалъ, что устроителемъ дома Божія былъ Іисусъ (1—2 гл.) и теперь даетъ возможность вывести заключеніе о томъ, что этотъ Іисусъ, устроитель дома Божія, есть Богъ (3—4 ст.). Но какое же преимущество имѣетъ предъ Моисеемъ Іисусъ, какъ посредникъ Завѣта, если Онъ удостоился большей чести, чѣмъ Моисей? Христосъ [2]) въ точности исполненія своей задачи подобенъ Моисею, но самая задача, самое призваніе І. Христа выше Моисеева. Между тѣмъ какъ Моисей былъ только вѣрнымъ служителемъ въ дому Божіемъ, Христосъ былъ вѣренъ Богу не какъ слуга, а какъ Сынъ (ὡς υἱός ср. 1, 1), поставленный выше дома (ἐπὶ τὸν οἶκον) и всѣхъ находящихся въ немъ, слѣдовательно, выше Моисея, который былъ однимъ изъ слугъ дома (5—6) [3]).

Сказавъ о томъ, что мы, христіане, составляемъ домъ Божій, въ которомъ Богъ обитаетъ, если только со-

---

[1]) Κατασκευάζειν οἶκον значитъ не строить домъ, а снабжать его всѣмъ необходимымъ для жизни въ немъ—сосудами, слугами и т. п. (ср. 9, 2 и 6. κατασκευάζειν τὴν σκηνὴν—устроить скинію *для богослужебнаго употребленія*, а не основать ее).

[2]) Ап. употребляетъ здѣсь одно имя Спасителя-Христосъ, вѣроятно, потому, что сравненіе свое между Моисеемъ и І. Христомъ дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ ихъ служенію, а имя Христосъ и обозначало служебное положеніе Мессіи.

[3]) Точнѣе опредѣляя положеніе и значеніе Моисея, ап. называетъ его такимъ служителемъ Божіимъ (θεράπων), который долженъ былъ свидѣтельствовать *о томъ, что должно было* открыться еще въ далекомъ будущемъ (τῶν λαληθησομένων—будущее причастіе ср. λαλεῖν въ 1, 1) отъ Бога (ср. Іоан. 5, 46). Свидѣтельство это давалъ Моисей отчасти въ пророческихъ рѣчахъ (Лев. 26. Втор. 28—30) о будущемъ развитіи царства Божія, въ указаніи на великаго пророка, котораго возставитъ Богъ для народа (Вт. 18, 15) и отчасти во всемъ теократическомъ устройствѣ еврейскаго государства.

хранимъ твердую надежду на спасеніе до тѣхъ поръ, пока эта надежда не исполнится до конца—(μέχρι τέλους ст. 6), апостолъ, довольно свободно пользуясь словами св. Писанія (пс. 94, 7—11) или, какъ онъ говоритъ, словами Самого Св. Духа, начинаетъ предостерегать своихъ читателей отъ впаденія въ грѣхъ невѣрія и ожесточенія. Если мы хотимъ принадлежать къ дому Божію, то (διό) не должны сегодня (σήμερον въ псалмѣ всегда, ибо Слово Божіе имѣетъ приложеніе ко всѣмъ случаямъ и временамъ) ожесточать своихъ сердецъ противъ явныхъ знаменій любви Божіей, какъ дѣлали евреи въ то время, когда на нихъ Богъ прогнѣвался (ἐν τῷ παραπικρασμῷ ср. ст. 16) въ тотъ день, въ который они искушали Его въ пустынѣ (7—8). Долгое время, въ теченіи цѣлыхъ 40 лѣтъ, евреи видѣли чудеса Божіи и все-таки искушали Бога своимъ непокорствомъ, своимъ невѣріемъ, почему Богъ и вознегодовалъ на нихъ, такъ что даже поклялся, что они не воспользуются Его покоемъ, т. е. не будутъ пользоваться безопасностью отъ враговъ и жить въ обѣтованной землѣ подъ защитою Бога. Псалмопѣвецъ напомнилъ объ этой угрозѣ Божіей своимъ современникамъ, такъ какъ видѣлъ, что покоемъ Божіимъ въ указанномъ смыслѣ они еще не пользовались; точно также и апостолъ, словами псалмопѣвца, убѣждаетъ своихъ читателей—христіанъ изъ евреевъ—не сопротивляться предложенному имъ христіанскому закону, угрожая имъ въ противномъ случаѣ тѣмъ, что они будутъ лишены вѣчнаго наслѣдія, подобно тому какъ упорные израильтяне были лишены возможности войти въ землю обѣтованія (9—11. Эту мысль ап. раскрываетъ въ гл. 4, 1—10). Слова псалмопѣвца ап. совѣтуетъ своимъ читателямъ принять ближе къ сердцу и указываетъ, какъ на средство противъ ожесточенія сердца, на взаимное укрѣпленіе, которое должно имѣть мѣсто до тѣхъ поръ, пока возможно получать прощеніе грѣховъ и благодать (12—13). Иначе мы можемъ потерять великое благо-сопричастіе Христу (т. е. помощь Его и пользованіе всѣми благами, какія Онъ имѣетъ), которое и мыслимо только въ томъ случаѣ, когда мы сохраняемъ до конца живость упованія, которая характе-

ризовала собою начало нашей жизни во Христѣ (ἀρχὴν τῆς ὑποστάσεως ст. 14). Необходимость соблюденія этого условія апостолъ разъясняетъ на примѣрѣ израильтянъ. Пока еще все слышится предостерегающій голосъ Божій, слѣдуетъ его принимать къ сердцу и не ожесточать сердецъ своихъ, подобно евреямъ. Подумайте,—такова мысль апостола,—кто были тѣ (τίνες по болѣе естественному чтенію и въ соотвѣтствіи съ слѣдующимъ вопросительнымъ мѣстоименіемъ), которые, хотя и слышали голосъ, но возроптали на Бога? Но можно-ли и спрашивать объ этомъ? Не были ли это всѣ тѣ, кои вышли подъ водительствомъ Моисея (διά Μωυσέως) изъ Египта? Не согрѣшившихъ-ли и непокорныхъ наказалъ Богъ, лишивъ ихъ возможности увидать землю Ханаанскую и успокоиться въ ней? Да, евреи служатъ для насъ, христіанъ, разительнымъ примѣромъ того, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ ведетъ невѣріе словамъ Божіимъ (16—19).

ГЛАВА 4-я.

Снова увѣщаніе о томъ, чтобы читатели посланія не лишали себя черезъ свое невѣріе обѣтованнаго покоя Божія. Христосъ—первосвященникъ.

Такъ какъ христіане изъ іудеевъ думали, что исполненіе мессіанскихъ пророчествъ о завершеніи царства Божія возможно только въ томъ народѣ, которому они были даны, то апостолъ съ особенною настойчивостью опровергаетъ это заблужденіе, говоря, что христіане и сами получили возвѣщеніе о покоѣ Божіемъ, въ который они могутъ войти. Онъ проситъ своихъ читателей заботиться о томъ [1]), чтобы никто не думалъ, что христіанамъ уже невозможно войти въ покой Божій. Такъ какъ обѣтованіе о вхожденіи въ покой Божій еще остается въ силѣ и теперь (καταλειπομένης ἐπαγγελίας — родительный самостоятельный), то никто не

---

1) Φοβηθῶμεν—обозначаетъ заботу, сопряженную со страхомъ,—заботу которую должны имѣть не только читатели, но самъ и апостолъ.

долженъ думать, что онъ, отрѣшившись черезъ принятіе христіанства отъ своего іудейскаго племени, вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ и надежду на участіе въ божественномъ покоѣ (1—2). Что это обѣтованіе, дѣйствительно, еще не исполнилось, апостолъ доказываетъ это изъ Священнаго Писанія. Евреи—говоритъ ап.—слушали возвѣщеніе о покоѣ (слово слуха), но такъ какъ оно — это возвѣщенное слово не соединялось посредствомъ вѣры (πίστει — дательный средства) съ тѣми, со внутреннимъ существомъ тѣхъ, которые его слышали, и оставалось для нихъ чѣмъ-то внѣшнимъ, постороннимъ, то оно и не принесло имъ пользы: только тѣ, которые вѣруютъ, могутъ войти, по этому приглашенію, въ покой Божій. Итакъ, могутъ войти въ покой и христіане; мало того, они только одни и входятъ, іудеи же лишены этого блага (2—3). Чтобы доказать, что входъ въ покой Божій еще открытъ и что въ этотъ покой могутъ войти только вѣрующіе, апостолъ прежде всего разъясняетъ, что нужно разумѣть подъ покоемъ Божіимъ (εἰς τὴν κατάπαυσίν μου). Это именно покой, которымъ сталъ наслаждаться Богъ по окончаніи творенія міра; объ этомъ покоѣ Богъ клялся, что израильтяне, вышедшіе изъ Египта, за свое невѣріе не воспользуются покоемъ Божіимъ, хотя Богъ Самъ уже давно успокоился именно, по окончаніи творенія міра, какъ сказано въ кн. Бытія (2, 2). Затѣмъ апостолъ сопоставляетъ изреченіе писанія о томъ, что покой для Бога наступилъ уже съ седьмаго дня существованія міра, и клятву Божію, что израильтяне не войдутъ въ покой Божій, какъ бы давая понять читателю, что въ обоихъ мѣстахъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же покоѣ, именно, Божіемъ, который продолжается и теперь (ст. 4—5). Если же, какъ ясно стало для всѣхъ, покой есть, именно, покой Божій, постоянно и во всѣ времена продолжающійся, если нужно кому-нибудь (τινάς) войти въ него, то Богъ, видя, что израильтяне не могли войти въ Его покой по своему невѣрію, снова приглашаетъ людей ко вступленію въ этотъ покой. Это Онъ дѣлаетъ много времени спустя послѣ того, какъ евреи вошли въ землю Ханаанскую и, по ихъ мнѣнію, уже вступили въ покой Божій, именно при Давидѣ (6—7

ст.). А такъ какъ Богъ не сталъ бы говорить черезъ Давида о какомъ-нибудь новомъ покоѣ, если бы евреи имъ уже пользовались со временъ І. Навина (ст. 8), то отсюда выводъ тотъ, что народу Божію, или вѣрующимъ изъ евреевъ и язычниковъ, еще предлежитъ въ будущемъ воспользоваться тѣмъ субботнимъ покоемъ (σαββατισμός), который начинается для нихъ со времени вступленія въ покой Божій. Тогда-то будетъ достигнута цѣль, поставленная Богомъ человѣку при самомъ сотвореніи: человѣкъ, подобно Богу, окончитъ свои дѣла, которыя назначилъ ему Богъ для временной жизни, и успокоится истиннымъ успокоеніемъ, будетъ наслаждаться результатами своихъ трудовъ (9—10 ст.). Если же и теперь войти въ покой Божій еще не поздно, то христіане должны стремиться къ этому, чтобы съ ними не случилось того же, что претерпѣли непокорные Богу евреи (ст. 11). Увѣщаніе свое апостолъ подкрѣпляетъ указаніемъ на то, что Слово Божіе, призывающее къ этому покою и предостерегающее человѣка отъ ожесточенія, не походитъ на слово человѣческое, которое дѣйствуетъ только на слухъ. Оно живо и дѣйственно, т. е. доставляетъ намъ средства достигнуть покоя, ибо оно даже дѣлало еще большее—создавало міры; съ другой стороны, оно умѣетъ и наказать насъ, если мы не послушаемъ его, оно раскрываетъ всѣ наши сокровенныя помышленія, и никакими извиненіями нельзя будетъ избѣгнуть суда его [1]). Эту силу имѣетъ слово Бога потому, что Самъ Богъ знаетъ все и судитъ всѣхъ (12—13).

Послѣ этого апостолъ кратко перечисляетъ главные пункты оконченнаго изслѣдованія о превосходствѣ І. Христа предъ ангелами и Моисеемъ и полагаетъ этимъ основаніе для второй части, въ которой доказываетъ, что мы имѣемъ во Христѣ, Сынѣ Божіемъ, первосвященника, черезъ Котораго мы, твердо держась вѣры въ Него, имѣемъ доступъ къ престолу благодати. Прежде всего апостолъ увѣщеваетъ своихъ читателей держаться исповѣданія, потому что І. Христосъ, предметъ этого исповѣданія, первосвященникъ выс-

---

1) Оно, говоритъ апостолъ, проходитъ сквозь духъ—высшее начало человѣческой жизни—и душу—начало тѣлесной жизни, и даже черезъ основные элементы тѣла—составы и мозги костей.

шаго чина чѣмъ Ааронъ, именно, Онъ прошелъ черезъ всѣ небеса, чтобы сѣсть одесную Бога, и есть Сынъ Божій. Затѣмъ читатели должны съ дерзновеніемъ или радостною увѣренностью приступать въ молитвахъ (προσέρχεσθαι) къ престолу благодати, или къ трону Божію, изъ котораго исходитъ благодать, потому что Іисусъ есть, съ другой стороны, Сынъ человѣческій, искушенный подобно намъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ человѣческая натура подвергается искушеніямъ (хотя это искушеніе не привело Его ко грѣхопаденію — χωρὶς ἁμαρτίας), и потому способный намъ сочувствовать въ нашихъ слабостяхъ (14—16 ст.).

ГЛАВА 5-я.

О томъ, что Христосъ обладаетъ всѣми условіями для того чтобы быть первосвященникомъ и ходатаемъ о вѣчномъ спасеніи людей. Укоръ читателямъ.

Раскрывая подробнѣе ученіе о томъ, что Христосъ есть вполнѣ истинный и надежный первосвященникъ, ап. сначала намѣчаетъ существенныя условія, которымъ долженъ былъ удовлетворять всякій, принимавшій на себя служеніе первосвященника (ибо—γὰρ соединяетъ слѣдующій трактатъ съ увѣщаніемъ ст. 16-го). Эти условія таковы: во 1) первосвященникъ долженъ быть непремѣнно человѣкъ, слабое, подверженное разнымъ немощамъ существо, которое, слѣдовательно, не только должно служить механическимъ представителемъ человѣчества, принося Богу безкровныя и кровавыя жертвы, но въ тоже время должно и снисходить, умѣрять свое раздраженіе (μετριοπαθεῖν) въ отношеніи къ людямъ, безъ упорства и сознанія совершающимъ грѣхи, (ср. Числ. 15, 22—31. и Лев. 4, 2. 13—22) или, вѣрнѣе, хотя и съ намѣреніемъ, но вслѣдствіе слабости плоти [1]). Посему то, замѣчаетъ апостолъ, первосвященникъ

---

[1]) ἀγνοεῖν обозначаетъ прегрѣшеніе, основывающееся на слабости человѣческой природы, когда человѣкъ, вслѣдствіе помраченія нравственнаго сознанія, не знаетъ воли Божіей; πλανᾶσθαι — заблужденіе отъ указаннаго для нравственной жизни пути.

и обязанъ самымъ закономъ (ὀφείλει) приносить жертвы не только за народъ, но и за себя, ради своихъ грѣховъ, совершенныхъ имъ по немощи плоти (1—3 ст.). Во-вторыхъ, непремѣнно требуется, чтобы первосвященникъ былъ призванъ къ своему служенію Самимъ Богомъ, подобно Аарону (см. Исх. 28, 1 и сл.). Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ это служеніе собственно имѣетъ отношеніе къ Богу, то Богъ только и можетъ назначать на него людей (ст. 4). Но Христосъ вполнѣ удовлетворялъ обоимъ этимъ условіямъ. Что касается послѣдняго, то Его божественное призваніе къ первосвященству несомнѣнно. Тотъ Самый, Кто назвалъ Христа Своимъ Сыномъ, рожденнымъ изъ Его нѣдръ (пс. 2, 7), содѣлалъ Христа и первосвященникомъ, торжественно объявивъ о Немъ (въ пс. 109, 4) какъ о священникѣ по образу Мелхиседека [1]) (ст. 5—6). О томъ, что Христосъ удовлетворялъ первому условію, ясно свидѣтельствуетъ исторія Его страданій. Христосъ во время Своей земной жизни, жизни во плоти, находился въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ живемъ и мы, немощные люди. Это доказалъ Онъ своими моленіями и слезными просьбами [2]), какія Онъ обращалъ къ Богу. Какимъ же образомъ? Эти моленія и слезныя просьбы, по своему значенію, равносильны были дарамъ и кровавымъ жертвамъ, какія приносилъ первосвященникъ за свои грѣхи. Христосъ, значитъ, чувствовалъ Себя въ опасности подвергнуться злу и бѣдствію, сознавалъ, что въ силу немощи Своей плоти Онъ подлежитъ разнаго рода искушеніямъ. Но первосвященникъ В.-Завѣтный чувствовалъ себя виноватымъ предъ Богомъ, и потому приносилъ умилостивительную жертву, а Христосъ чувствовалъ Себя только слабымъ, подверженнымъ искушеніямъ и страшащимся зла, и потому довольствовался принесеніемъ Богу въ жертву [3]) слезныхъ моленій, которыя эту слабость — боязнь предъ зломъ заглаждали предъ лицомъ Бога. (Впрочемъ апостолъ не упо-

---

[1]) Время, въ которое Христосъ сдѣлался первосвященникомъ, апостолъ не опредѣляетъ.

[2]) δέησις — *молитва объ отвращеніи зла*; ἱκετηρίαι — *усиленныя просьбы о спасеніи отъ страшной опасности.*

[3]) προσφέρειν значитъ жертвовать (ср. 13, 15).

требляетъ въ послѣднемъ случаѣ выраженія „Богъ“, а замѣняетъ это слово описательнымъ выраженіемъ: „могущій спасти душу Его отъ смерти“, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы обозначить опасность, объ избавленіи отъ которой молилъ Іисусъ). Но какой моментъ изъ жизни Іисуса Хр. разумѣетъ апостолъ, говоря о сильныхъ вопляхъ и слезахъ, съ какими молился Онъ Богу? Вѣроятнѣе всего, страданія І. Христа въ Геѳсиманіи, ибо, хотя въ евангеліяхъ ничего не говорится о вопляхъ Христовыхъ во время Геѳсиманской молитвы, однако такіе очень легко могли имѣть мѣсто, ибо Христосъ находился въ состояніи особенной душевной напряженности (ἀγωνίᾳ Лук. 22, 41—43). Но вѣдь Христосъ молился въ Геѳсиманіи объ избавленіи отъ смерти,—какимъ же образомъ ап. говоритъ, что Онъ былъ услышанъ Богомъ? Нѣтъ, еслибы Христосъ молился только объ этомъ, то Его мольба не только осталась бы неуслышанной, но оказалась бы въ противорѣчіи со всѣми Его прежними доказательствами необходимости этой смерти, тѣмъ болѣе, что Христу было хорошо извѣстно, что Онъ воскреснетъ въ третій день. Христу, собственно, тяжело было выпить сосудъ страданій, которыя были Ему предназначены, ибо эти страданія состояли не только въ томъ, что онъ былъ преданъ на мученія въ руки грѣшниковъ, — это было бы не такъ ужасно, потому что Христосъ, конечно, не былъ слабѣе многихъ мучениковъ, съ радостью принимавшихъ мученія за вѣру. Нѣтъ, Христу предстояло взять на Себя отвѣтственность за грѣхи всего человѣчеста и предать Свою душу въ искупленіе за грѣхи цѣлаго міра, а это заставляло его вступить въ борьбу съ діаволомъ, княземъ этого міра. Вотъ эта борьба и страшила Его человѣческую природу и заставляла его обращаться къ Богу Отцу съ тревожными воплями о томъ, чтобы Отецъ Ему помогъ въ этой борьбѣ и не оставилъ Его душу во власти смерти и діавола. И такая молитва была услышана Богомъ. Послѣ душевной борьбы въ Геѳсиманіи Христосъ спокойно пошелъ на смерть, и если еще разъ немощь плоти заявила о себѣ на крестѣ въ крикѣ: „Боже, Боже, для чего ты Меня оставилъ“, то все-таки онъ вскорѣ съ радостнымъ воплемъ могъ предать душу Свою въ руки Бога. Далѣе апостолъ говоритъ, что

Христосъ былъ услышанъ за Свое благоговѣніе (ἀπὸ τῆς εὐλαβείας). Это значитъ, что прежде упомянутыя моленія Христа были вызваны Его благоговѣніемъ, были внѣшнимъ доказательствомъ его (ст. 7). Этими Геѳсиманскими страданіями Іисусъ, какъ человѣкъ, научился послушанію (εἰς ὑπακοήν), т. е. молитва, принесенная Имъ, какъ жертва Богу Отцу, была принята, и Христосъ покорно съумѣлъ принять смерть. Подобно тому какъ Ветхозавѣтный первосвященникъ могъ приносить жертву за народъ только послѣ того, какъ принесъ жертву за себя самого, такъ и Христосъ принесъ жертву за все человѣчество только послѣ того, какъ моленіями и слезами засвидѣтельствовалъ о собственной слабости, отъ узъ которой и былъ послѣ сихъ молитвъ освобожденъ. Притомъ апостолъ замѣчаетъ, что Христосъ, какъ Сынъ Божій собственно не долженъ былъ бы страдать на крестѣ, вѣроятно имѣя въ виду, что первосвященникъ, являвшійся во Святое Святыхъ, являлся ходатаемъ не за свои грѣхи, а за чужіе (ст. 8). Затѣмъ апостолъ показываетъ, какимъ образомъ Христосъ сдѣлался первосвященникомъ во вѣки по чину Мелхиседекову. Сдѣлавшись тѣмъ, чѣмъ Онъ долженъ былъ сдѣлаться (τελειωθείς), т. е. добровольно принесши душу Свою въ искупленіе за грѣхи міра, которая была благосклонно принята Богомъ, какъ вполнѣ удовлетворяющая Его правосудію жертва, Іисусъ Христосъ сталъ доставлять спасеніе всѣмъ тѣмъ, кто послушенъ Ему, поелику Богъ торжественно призналъ (προσαγορευθείς) Его первосвященникомъ и царемъ, по образу Мелхиседека (9—10)!

Но свою рѣчь о первосвященствѣ І. Христа по чину Мелхиседекову и о спасеніи Имъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него апостолъ прерываетъ въ самомъ же началѣ, считая нужнымъ напередъ обратиться къ своимъ читателямъ съ довольно продолжительнымъ увѣщаніемъ. Апостолъ говоритъ, именно, что о Мелхиседековомъ священствѣ (περὶ οὗ) ему придется говорить пространно (при выраженіи: πολὺς ἡμῖν λόγος естественно подразумѣвается глаголъ — ἐστίν) и что дать понятное изъясненіе этого предмета трудно. Причина того и другаго обстоятельства лежитъ въ недостаткѣ воспріимчивости читателей, хотя они прежде этимъ не отличались (γεγόνατε—вы *сдѣлались* такими послѣ ст. 11). Въ оправ-

даніе своей характеристики, какую онъ даетъ читателямъ, апостолъ указываетъ на тотъ фактъ, что они, судя по времени ихъ пребыванія въ христіанской церкви, должны бы стать учителями и однако опять нуждаются въ обученіи началамъ божественнаго откровенія [1]). Впрочемъ апостолъ не то хочетъ сказать этимъ, будто читатели позабыли содержаніе этихъ первыхъ элементовъ христіанскаго вѣроученія (στοιχεῖα), а только то, что они упустили изъ вниманія то значеніе, которое имѣютъ эти *начала* для ихъ душевнаго спасенія и о которомъ теперь имъ слѣдуетъ напомнить. Они не знаютъ, τίνα τὰ στοιχεῖα τῆς ἀρχῆς τῶν λογίων τοῦ Θεοῦ, т. е читатели имѣютъ нужду снова научиться тому, какъ имъ должно смотрѣть на элементы ветхозавѣтнаго божественнаго откровенія, какое значеніе они имѣютъ въ домостроительствѣ нашего спасенія [2]). Апостолъ, конечно, имѣетъ тутъ въ виду изъясненіе значенія сказаннаго о Мелхиседекѣ, пророчества Іереміи о Новомъ Завѣтѣ, устройства скиніи и совершавшагося въ ней богослуженія — все, о чемъ апостолъ говоритъ съ 7 по 10 гл. Разъясняя, до какой степени читатели сдѣлались не понятливыми, ап. называетъ ихъ дѣтьми, для которыхъ въ пищу требуется молоко, т. е. они еще нуждаются въ элементарномъ ознакомленіи съ христіанствомъ (главные пункты котораго апостолъ перечисляетъ въ 6, 1 и 2 ст.), а твердая пища - пища мужей, т. е. глубокое и разностороннее изученіе христіанскаго вѣроученія, о которомъ идетъ рѣчь съ 7-й главы, не можетъ еще быть имъ предлагаема (ст. 12). Обосновывая свой упрекъ (въ 11-мъ

---

[1]) Объ этомъ ап. заключаетъ на основаніи того, что читатели, какъ ему извѣстно, не только стали опускать совершеніе дѣлъ христіанской любви къ братіямъ, но стали даже колебаться въ христіанской надеждѣ (6, 10 и сл. ср. 10, 25), подверглись опасности отпаденія отъ христіанской вѣры.

[2]) τὰ λογία τοῦ Θεοῦ — божественныя откровенія какъ Ветхо- такъ и Новозавѣтныя (Рим. 3, 2. Дѣян. 7, 38 и 1 Петр. 4, 11), но здѣсь въ соединеніи съ τῆς ἀρχῆς (такъ какъ τῆς ἀρχῆς относится къ этому выраженію, — στοιχεῖα не нуждается ни въ какомъ усиленіи, — и такъ какъ слѣдующій послѣ στοιχεῖα родит. падежъ въ греческой конструкціи всегда обозначаетъ содержаніе или предметъ στοιχεῖα), это все выраженіе обозначаетъ начало божественныхъ откровеній или ветхозавѣтное откровеніе въ отличіе отъ откровеній послѣднихъ дней (1, 2), послѣдовавшихъ въ Сынѣ.

стихѣ), апостолъ говоритъ, что, дѣйствительно, питающійся молокомъ неспособенъ понимать правильную складную рѣчь или ученіе (λόγου δικαιοσύνης—родит. принадл. и означаетъ рѣчь или ученіе, которое составлено какъ слѣдуетъ; ср. λόγος σοφίας—полная мудрости рѣчь). Къ пониманію такой рѣчи дитя, не умѣющее различить добра отъ зла, неспособно. Итакъ, апостолъ вполнѣ обосновалъ свою мысль о томъ, что ему трудно въ краткихъ словахъ разъяснить читателямъ вопросъ о первосвященствѣ Мелхиседека: они стоятъ въ положеніи тѣхъ лицъ, которыя нуждаются въ обученіи элементарнымъ истинамъ божественнаго откровенія (ст. 13—14).

ГЛАВА 6-я.

Намѣреніе апостола поспѣшить къ ученію о христіанскомъ совершенствѣ. Ап. даетъ увѣщаніе читателямъ въ виду возможности отпаденія ихъ отъ вѣры. Объ усердіи къ дѣламъ христіанской любви.

Такъ какъ совершеннымъ христіаниномъ можетъ быть признанъ только тотъ, кто усвоилъ себѣ глубокія истины божественнаго откровенія, то поэтому (διά), ап. высказываетъ свое рѣшеніе, которое, впрочемъ, не принадлежитъ ему лично, а раздѣляется его сотрудниками (такой смыслъ имѣетъ употребленное тутъ множественное число—φερώμεθα)—рѣшеніе, оставивъ безъ разсмотрѣнія элементарное ученіе о Христѣ, устремиться къ изслѣдованію высшихъ истинъ христіанскаго ученія. Ап. не хочетъ разъяснять этого основнаго ученія христіанства, конечно, потому, что предъ нимъ были не такіе люди, которые только что вступили въ Церковь, а тѣ, которые давно уже были научены основамъ христіанской вѣры. Потому то онъ не хочетъ повторять съ ними стараго и высказываетъ рѣшеніе вести ихъ на высшую ступень христіанскаго развитія, не смущаясь тѣмъ, что ихъ настоящее состояніе требуетъ отъ него пространныхъ разсужденій и довольно большихъ трудовъ. При этомъ апостолъ перечисляетъ и тѣ основы, на которыхъ

утверждена была христіанская жизнь читателей [1]). Начало этой жизни полагается обращеніемъ къ Богу отъ прежней безплодной и даже нечестивой жизни и потому ап. основнымъ камнемъ христіанскаго зданія полагаетъ покаяніе (μετάνοια или обращеніе отъ внѣшнихъ дѣлъ іудейскаго культа) и вѣру въ Бога спасенія,—не ученіе объ этихъ добродѣтеляхъ, а самыя добродѣтели, ибо ап. имѣетъ въ виду возстановленіе христіанскаго состоянія читателей, а не составленіе системы вѣроученія. И вообще начальныя ученія о Христѣ (τὸν τῆς ἀρχῆς τοῦ Χριστοῦ λόγον) состояли не въ ознакомленіи съ тѣмъ, что такое покаяніе, что такое вѣра, а въ увѣщаніяхъ покаяться и вѣровать самымъ дѣломъ. Такъ и Самъ Іисусъ началъ Свою общественную дѣятельность призывомъ къ покаянію (Мѳ. 4, 17), къ вѣрѣ (Мр. 1, 15). Такъ и апостолы учили не тому, какъ увѣровать и какъ каяться, а просто проповѣдывали Христа воплотившагося, умершаго и воскресшаго и этимъ производили въ людяхъ измѣненіе расположеній сердца и вѣру въ Іисуса, какъ въ Мессію, Спасителя (ст. 1). Слѣдующія составныя части начальнаго христіанскаго обученія имѣютъ уже характеръ ученія (διδαχή). Это именно во 1-хъ ученіе о различіи христіанскаго крещенія отъ іудейскихъ омовеній (βαπτισμοί), которое необходимо было сообщать іудеямъ, вступившимъ въ лоно христіанской церкви, чтобы сдѣлать для нихъ яснѣе безпримѣрную важность христіанскаго крещенія; во 2-хъ ученіе о возложеніи рукъ, которое связывалось съ крещеніемъ и низводило на обратившихся къ живому Богу благодатные дары Св. Духа, для продолженія и развитія начатой съ крещеніемъ живой христіанской жизни; въ 3 и 4-хъ ученіе о воскресеніи мертвыхъ и вѣчномъ судѣ, которые представляютъ для христіанина вѣскія побужденія вести правильную жизнь, съ одной стороны, устрашая его вѣчными наказаніями, съ другой, подкрѣпляя обѣщаніемъ небесной награды (ст. 2). Возвращаясь теперь къ своему намѣренію—*поспѣшить къ совершенству,* апостолъ говоритъ, что онъ этого достигнетъ, если только позволитъ Богъ,

[1]) Что ап. не имѣетъ здѣсь въ виду только однихъ догматовъ, это ясно видно изъ того, что слово διδαχῆς (ученіе) стоитъ только при βαπτισμῶν.

т. е. если Богъ поможетъ ему преодолѣть препятствіе— именно, нерасположеніе и неспособность къ слушанію его проповѣди, какія онъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ, замѣчаетъ въ нѣкоторыхъ изъ читателей (ст. 3). О необходимости божественной помощи апостолъ говоритъ потому, что ему въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой возможности обратить тѣхъ, которые отпали отъ Христа. Они уже были просвѣщены свѣтомъ Евангелія и сознавали такимъ образомъ свою близость къ Богу (τοὺς ἅπαξ φωτισθέντας ср. Еф. 5, 14); они приняли спасеніе, какъ даръ, посланный съ неба отъ Христа, при посредствѣ Св. Духа, ставшаго основаніемъ жизни вѣрующаго; они узнали утѣшительныя обѣтованія Божіи о послѣдней судьбѣ царства Божія (καλὸν ῥῆμα. ср. I. Нав. 21, 43; Зах. 1, 13) и вкусили уже тѣхъ благодатныхъ даровъ, которые собственно принадлежатъ вѣчной жизни Все это имѣли они, и однако отпали, сознательно, преступно уклонились отъ истины (παραπίπτειν въ библейскомъ языкѣ обозначаетъ чаще всего безчестное дѣйствіе и одинаково здѣсь по значенію съ выраженіемъ ἑκουσίως ἁμαρτάνειν 10, 26). Такихъ отпадшихъ невозможно снова обновлять (ἀνακαινίζειν), т. е. невозможно повторять надъ ними то обновленіе, которое уже разъ случилось съ ними, при переходѣ ихъ въ христіанство. Но почему же? Потому что такіе люди сами во вредъ себѣ (ἑαυτοῖς) распинаютъ Христа (ἀνασταυροῦν), дѣлаютъ и для себя лично тоже, что сдѣлали прежде ихъ отцы, которые распяли Іисуса, и такимъ образомъ предаютъ Его открытому позору (παραδειγματίζοντας). Какъ тяжко это преступленіе — объ этомъ говоритъ апостолъ, именуя Іисуса Сыномъ Божіимъ. Итакъ, нѣтъ никакой возможности спасенія, для тѣхъ, которые, послѣ того какъ познали Сына Божія во всемъ Его величіи, подъ просвѣтительнымъ дѣйствіемъ Св. Духа, заняли теперь въ отношеніи къ Нему такое же положеніе, какъ тѣ, которые Его распяли (4—6 ст.). Эту мысль апостолъ разъясняетъ затѣмъ на примѣрѣ, взятомъ изъ жизни природы (7—8 ст.). Но чтобы не слишкомъ поразить читателей изображеніемъ страшныхъ послѣдствій отпаденія, ап. считаетъ необходимымъ объяснить, что онъ не считаетъ ихъ дошедшими до паденія, уже погибшими: Богъ справедливъ и не забудетъ

помочь тѣмъ, кто сдѣлалъ много добра во имя Его. Ап. только желаетъ, чтобы каждый изъ нихъ воспиталъ въ себѣ столь твердую надежду, на сколько сильна была прежде ихъ христіанская любовь. Они должны не ослабѣвать въ христіанской надеждѣ, а подражать тѣмъ собратьямъ—христіанамъ, которые за свою вѣру и стойкость въ страданіяхъ получаютъ то, что было имъ обѣщано (ст. 9—12). Эту истину, что постоянство въ вѣрѣ и надеждѣ приводитъ къ полученію обѣтованій, ап. доказываетъ далѣе примѣромъ изъ жизни Авраама. Богъ обѣщалъ Аврааму даровать великое потомство, и Авраамъ, постоянно надѣясь на это обѣщаніе, наконецъ получилъ (послѣ смерти ср. 11, 12. Іоанн. 8, 59) обѣщанное, т. е. сдѣлался отцомъ всѣхъ вѣрующихъ, родоначальникомъ истиннаго, благословеннаго сѣмени, что собственно и обѣщалъ ему Богъ. (13—15). Чтобы еще болѣе побудить своихъ читателей къ долготерпѣнію, ап. далѣе показываетъ, что они, какъ наслѣдники обѣтованій, данныхъ Аврааму, должны обращать особенное вниманіе на то, что въ вѣрности исполненія этихъ обѣтованій Богъ поклялся Аврааму. А что такое клятва? Клятва имѣетъ великое значеніе. Она полагаетъ конецъ всякимъ пререканіямъ, всякимъ спорамъ, окончательно утверждая истину словъ клянущагося; на этомъ основаніи и Богъ, для успокоенія всѣхъ, кого касалось обѣтованіе, поклялся, по человѣческому обычаю, его исполнить [1]), чтобы насъ успокоивали двѣ вещи: и самое обѣтованіе, которое, какъ слово истиннаго Бога, само по себѣ уже непреложно, и, еще болѣе, клятва Бога (16—18 ст.).

Затѣмъ ап. прекращаетъ увѣщаніе и переходитъ снова къ вопросу о первосвященствѣ І. Христа. Именно, по поводу сказаннаго въ 17—18 ст. о значеніи для насъ клятвы Божіей онъ кратко изображаетъ наше положеніе въ здѣшнемъ мірѣ. По его представленію, мы пловцы по волнующемуся морю и нашему кораблю не даетъ умчаться въ безпредѣльную даль моря только твердый, надежный якорь. Этотъ якорь—

---

[1]) Самая клятва Божія, какъ ее цитуетъ ап., такова: ἦ μὴν εὐλογῶν εὐλογήσω σε и т. д.; она представляетъ изъ себя эллиптическую формулу и должна быть переведена такъ: если *Я* этого не сдѣлаю, то *Я* не хочу быть Богомъ.

тѣ великія блага, какія уже приготовлены намъ на небѣ (ἡ προκειμένη ἐλπίς ср. Кол. 1, 5), и взирая на эти блага, держась за нихъ, мы побораемъ всякія земныя искушенія, которыя стремятся сбить насъ съ того положенія, въ которомъ мы установились. Величіе этой надежды на полученіе будущаго блаженства состоитъ особенно въ томъ, что она входитъ въ самое сокровенное и священное мѣсто—за завѣсу Святаго Святыхъ, именно туда, куда вошелъ за насъ нашъ предтеча Іисусъ (не Христосъ, а Іисусъ, т. е. нашъ братъ по человѣчеству) и притомъ не какъ первосвященникъ по чину Ааронову, въ какомъ случаѣ Онъ долженъ былъ бы выйти оттуда по совершеніи обряда очищенія грѣховъ народа, а какъ такой, который сдѣлался, по чину Мелхиседекову, *вѣчнымъ* первосвященникомъ, т. е. принесшимъ, дѣйствительно, вполнѣ удовлетворительную жертву правосудію Божію и ставшимъ вѣчнымъ ходатаемъ за грѣхи вѣрующихъ предъ Богомъ. (18—20). Послѣднюю мысль ап. и раскрываетъ затѣмъ въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА 7-я.

Іисусъ, Сынъ Божій—первосвященникъ по чину Мелхиседека. Левитское священство устраняет ся величіемъ Его первосвященства.

Разъясняя наименованіе І. Христа первосвященникомъ по чину Мелхиседека, ап. прежде всего на основаніи книги Бытія (Быт. 14, 18—20) сообщаетъ краткія свѣдѣнія о самомъ Мелхиседекѣ и даетъ типическое значеніе сообщаемымъ о немъ фактамъ. Именно, прежде всего въ самомъ имени: Мелхиседекъ апостолъ усматриваетъ особое значеніе, потому что „Malkizedek“ съ еврейскаго значитъ—царь правды; точно также относится ап. къ имени города, въ которомъ жилъ Мелхиседекъ. Царь Салима, говоритъ ап., значитъ—царь мира[1]). Этимъ ап. хочетъ указать въ Мелхиседекѣ

[1]) Такимъ образомъ ап. еврейское прилагательное schalem—мирный разсматриваетъ какъ имя существительное, въ какомъ смыслѣ и употребляется это слово въ составныхъ словахъ, напр. въ имени „Іерусалимъ“=основаніе мира.

прообразъ І. Христа, Который, по изображенію пророковъ, долженъ быть не только праведнымъ (Зах. 9, 9; Іер. 23, 5), но также посредникомъ оправданія (Іер. 23, 6; 33, 15. Мал. 4, 2. Дан. 9, 24) и княземъ мира (Исаіи 9, 5. 6. Мих. 5, 3). Затѣмъ въ томъ умолчаніи, какое замѣчается въ Св. Писаніи о происхожденіи и концѣ Мелхиседека, апостолъ опять усматриваетъ прообразовательное въ отношеніи къ лицу І. Христа значеніе. Такъ какъ у іудейскихъ священниковъ велись точныя родословія, чтобы доказать ихъ принадлежность къ роду Аарона и право на священническое служеніе, то апостолъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на томъ обстоятельствѣ, что, хотя подобнаго родословія не сообщается о Мелхиседекѣ, однако онъ признается священникомъ со стороны того, кто былъ праотцемъ народа Божія. Итакъ, Мелхиседекъ во всемъ, что о немъ сказано и что умолчано въ Св. Писаніи, уподобленъ (ἀφωμοιωμένος) Сыну Божію, т. е. на него перенесены черты съ Сына Божія, вѣчнаго первосвященника, чтобы сдѣлать его прообразомъ Сына Божія въ отношеніи Его первосвященства[1]). Сей то Мелхиседекъ (οὗτος ὁ Μελχισεδέκ)—не тотъ исторический царь Салима, который встрѣчалъ Авраама и благословлялъ его, но Мелхиседекъ, какого описалъ Моисей, т. е., какъ прообразъ Сына Божія—остается священникомъ непрестанно, не прекращая или не перемѣняя своего священническаго служенія и не передавая его никому другому (1—3).

Высокое значеніе этого прообразнаго священника ап. выводитъ затѣмъ изъ двухъ упоминаемыхъ въ книгѣ Бытія фактовъ, именно изъ того, что Авраамъ далъ Мелхиседеку десятину, а послѣдній благословилъ его. Положимъ,—такова мысль апостола,—что и священники, принадлежавшіе къ колѣну Левіину, имѣли важное значеніе, потому что относительно содержанія ихъ существовала въ законѣ опредѣлен-

[1]) Такимъ образомъ ап. держится того убѣжденія, что Богъ упорядочиваетъ исторію сообразно съ Своимъ планомъ, именно такъ, что лица, жизнь и дѣянія которыхъ предъизображаютъ разные факты изъ исторіи Спасителя, изображаются въ ней (исторіи Ветхаго Завѣта) такими чертами, которыя ясно даютъ видѣть особый типическій характеръ описываемыхъ лицъ. Разумѣется, въ отношеніи къ такимъ лицамъ и самое молчаніе Св. Писанія имѣетъ важное значеніе.

ная заповѣдь, предоставлявшая имъ десятую часть отъ имущества всего народа, и еще болѣе потому, что десятину они брали не съ какихъ-либо покоренныхъ народовъ, а съ своихъ же братьевъ, вслѣдствіе чего являлись какъ первые между равными (4—5). Но Мелхиседекъ выше ихъ потому, что онъ, не имѣя для этого основанія въ законѣ, получилъ десятину не съ потомковъ Авраама, а съ него самого и притомъ тогда, когда этотъ патріархъ уже самъ сталъ близкимъ къ Богу человѣкомъ и получилъ отъ Него обѣтованія. Слѣдовательно, онъ, по обыкновенному разсужденію, былъ выше Авраама и ближе къ Богу, чѣмъ послѣдній (6—7). Къ тому же онъ имѣлъ и другое преимущество, именно то, что стоялъ выше Левитскихъ священниковъ и ихъ праотца Левія. Послѣдніе, какъ такіе, которые должны умереть (ἀποθνήσκοντες), получали десятины только какъ временные носители священства и предоставленное имъ право, принадлежало, слѣдовательно, имъ не въ силу ихъ личнаго достоинства, а вслѣдствіе того, что они принадлежали къ фамиліи Аарона, въ которой совершалась постоянная замѣна однихъ членовъ другими. Между тѣмъ Мелхиседекъ — опять не историческій, а какъ прообразъ Мессіи — пользуется своимъ высокимъ положеніемъ въ силу собственнаго достоинства своей личности, какъ не умирающій, а постоянно живущій, по изображенію Св. Писанія (8 ст.). Затѣмъ Мелхиседекъ выше Левитскихъ священниковъ и тѣмъ, что самъ Левій, въ лицѣ праотца Авраама, отдалъ ему десятину и, слѣдовательно, призналъ его выше себя. Левій, въ силу божественнаго обѣтованія, такъ сказать, существовалъ уже ранѣе своего рожденія, при Аврамѣ, который былъ нѣкоторымъ распорядителемъ судебъ своего потомства, заключившимъ отъ лица этого потомства завѣтъ съ Богомъ. Такимъ образомъ уже при Авраамѣ было предуказано о Левитскомъ священствѣ, что оно будетъ занимать подчиненное положеніе въ отношеніи къ Мелхиседеку. (9—10 ст.)

Доказавъ такимъ образомъ превосходство Мелхиседека надъ Авраамомъ и Левіемъ, апостолъ выводитъ отсюда такое заключеніе, что поставленіе священника по чину Мелхиседека показываетъ безсиліе Левитскаго священства довести

людей до совершенной близости къ Богу (ст. 11). При этомъ апостолъ замѣчаетъ, что священство было, такъ сказать, основнымъ столпомъ всего зданія Ветхо-Завѣтной теократіи, ибо священники хранили законъ, наблюдали за его исполненіемъ въ народѣ и разъясняли его. Но почему же апостолъ придаетъ такую важность вопросу о священствѣ? Это объясняется тѣмъ, что съ перемѣною священства необходимо связана перемѣна всего закона (12 ст.). Въ доказательство правильности такого объясненія апостолъ ссылается на общеизвѣстный фактъ происхожденія Іисуса—Мессіи *изъ колѣна Іудина*, не *имѣвшаго*, по закону, права на священство; а между тѣмъ о Немъ *говорится это* (ἐφ ὃν λέγεται ταῦτα), т. е. приписывается Ему первосвященство вѣчное [1]) (ст. 13—14). Этимъ самымъ уже—такова мысль апостола—законъ Моисеевъ *измѣняется*, перестаетъ дѣйствовать. Еще болѣе указываетъ на отмѣну прежняго закона о выборѣ священниковъ и всего закона Моисеева вообще то обстоятельство, что Христосъ—первосвященникъ—сдѣлался таковымъ не въ силу своего плотскаго происхожденія (*заповѣдь плотская*—та, которая имѣетъ въ виду внѣшнія, случайныя вещи и отношенія смертныхъ и требуетъ, чтобы священники были непремѣнно помазаны масломъ, носили священныя одежды и т. п.), а въ *силу присущей Ему неразрушимой жизни* (сила эта, конечно, была въ Іисусѣ всегда, Іоан. 10, 18), при обладаніи которой, слѣдовательно, нѣтъ надобности соблюдать всѣ постановленія и заповѣди, относившіяся къ смертнымъ священникамъ (15—17). Доказавъ такимъ образомъ, что на самомъ дѣлѣ Ветхозавѣтное священство и Ветхозавѣтный законъ перестали дѣйствовать съ явленіемъ Христа, апостолъ объясняетъ это тѣмъ, что и заповѣдь (о священствѣ), которая отмѣняется, этимъ самымъ уже признается неудовлетворяющею своему назначенію, ибо въ самомъ дѣлѣ законъ Моисеевъ никого не довелъ до совершенной близости къ Богу, и потому вмѣсто ветхозавѣтнаго законнаго священства указывается новый способъ приближенія къ Богу, предъявляется на видъ людямъ новая лучшая надежда, тѣсно связанная съ

---

[1]) *Въ пс. 109, 4*, о которомъ апостолъ говоритъ выше.

новымъ священствомъ, которая расторгаетъ завѣсу, отдѣлявшую Святое Святыхъ отъ святилища и доставляетъ туда доступъ и народу (18—19). Опредѣляя достоинство этой новой надежды или, какъ апостолъ выражается далѣе, завѣта, апостолъ обращаетъ вниманіе на Служителя этого завѣта или союза. Ветхозавѣтные священники были поставлены на служеніе свое, не получивъ клятвеннаго увѣренія въ томъ, что за ихъ родомъ вѣчно останется священство, а о Новозавѣтномъ Первосвященникѣ Богъ поклялся, что Онъ будетъ первосвященникомъ вѣчнымъ. Слѣдовательно, Іисусъ служитъ лучшему (ср. 7, 19) Завѣту, болѣе надежному союзу и даже является его поручителемъ, т. е. ручается, что условія Завѣта будутъ свято соблюдены обѣими сторонами, (чего не могъ сказать Моисей и ветхозавѣтные священники), — ручается тѣмъ самымъ, что въ Немъ уже мы видимъ исполненіе условій союза и со стороны Бога и со стороны человѣка, ибо Онъ отъ Бога увѣнчанъ славою и честію за полное повиновеніе (по человѣчеству) волѣ Божіей. Такъ по священству Ветхаго Завѣта измѣряется значеніе Новаго Завѣта: Христосъ, Котораго Богъ поклялся сохранить первосвященникомъ на вѣки, возвышаетъ и тотъ Завѣтъ, которому Онъ служитъ поручителемъ (20—22 ст.).

Разъясняя далѣе это преимущество Христа предъ ветхозавѣтными священниками, апостолъ говоритъ, что священниковъ въ Ветхомъ Завѣтѣ сразу было поставлено нѣсколько человѣкъ (чтобы за внезапною смертью одного священника мѣсто его могъ занять другой и богослуженіе въ скиніи не прекращалось). Но Христосъ, пребывающій вѣчно живымъ, не подвергается опасности потерять черезъ смерть священство и не нуждается въ тѣхъ, которые бы заняли Его должность послѣ Него: священство Его непреходящее, неизмѣнное (23—24), а изъ этого слѣдуетъ, что Онъ тѣхъ, которые съ вѣрою пользуются открытымъ черезъ Него доступомъ къ Богу, черезъ Свое предстательство вполнѣ (εἰς τὸ παντελὲς) и всегда (πάντοτε ζῶν) можетъ спасать. Имѣя священство неизмѣнное, Онъ этимъ самымъ признается отъ Бога совершенно удовлетворительнымъ ходатаемъ за людей (ст. 25). Намъ и былъ потребенъ первосвященникъ съ такими качествами (τοιοῦτος—именно по чину Мелхиседекову),

такой, который бы могъ всегда ходатайствовать за насъ предъ Богомъ. При этомъ апостолъ соединяетъ въ одно представленіе всѣ свойства, которыя дѣлали Іисуса истиннымъ, вѣчноживущимъ и ходатайствующимъ за насъ предъ Богомъ первосвященникомъ, чтобы отъ характеристики Его личности перейти къ изображенію Его первосвященническаго служенія. Характеризуя теперь личность Іисуса, какъ первосвященника, апостолъ называетъ Его преподобнымъ (ὅσιος—благочестивый указываетъ на отношеніе къ Богу), свободнымъ отъ злобы (ἄκακος—въ отношеніи къ людямъ), не запятнаннымъ никакимъ грѣхомъ (ἀμίαντος). Эти опредѣленія относятся къ чистому человѣчеству Іисуса, нашего первосвященника; слѣдующія же указываютъ на Его царственное, небесное величіе. Онъ уже теперь отдаленъ отъ грѣшниковъ, т. е. не имѣетъ нужды болѣе страдать за ихъ грѣхи, брать на Себя ихъ вину, и сталъ выше всѣхъ небесъ, черезъ которыя Онъ прошелъ (стр. 4, 14). О послѣднемъ обстоятельствѣ апостолъ, конечно, упомянулъ потому, что оно яснѣе всего свидѣтельствуетъ о томъ, что Христосъ, дѣйствительно, сталъ нашимъ постояннымъ ходатаемъ предъ Богомъ (ст. 26). Возвышеніе Іисуса превыше небесъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что Онъ уже не имѣетъ нужды ежедневно (καθ ἡμέραν) повторять Свою жертву, какъ первосвященникъ, каждый годъ приносившій сначала жертву за себя, а потомъ за грѣхи народа; ибо Имъ принесена единая всеудовлетворяющая жертва. А что эта жертва, дѣйствительно, имѣетъ непрестающее значеніе, это апостолъ доказываетъ опять тѣмъ, что ее принесъ не слабый первосвященникъ, а совершенный Сынъ Божій (27—28).

ГЛАВА 8-я.

Христосъ, какъ одесную Бога сѣдящій первосвященникъ небеснаго святилища, есть посредникъ Новаго, основаннаго на лучшихъ обѣтованіяхъ Завѣта.

Разъясняя теперь, что именно сдѣлалъ для людей Христосъ — великій первосвященникъ, ап. самымъ важнымъ

пунктомъ своего изслѣдованія объ этомъ предметѣ признаетъ то обстоятельство, что Христосъ возсѣлъ одесную Бога и исправляетъ свое служеніе во святилищѣ (τῶν ἁγίων) и именно (καὶ изъяснительное) въ истинной скиніи, которая представляетъ собою небесный первообразъ земной скиніи, истинное жилище Божіе, вполнѣ соотвѣтствующее высокому существу истиннаго Бога, что уже видно изъ устроенія ея Самимъ Богомъ (1—2). А что Христосъ долженъ былъ содѣлаться служителемъ первообразнаго святилища, это ап. доказываетъ тѣмъ, что Христосъ не могъ быть священникомъ на землѣ, такъ какъ важнѣйшую обязанность священниковъ, принесеніе жертвъ, здѣсь уже исправляли поставленные по закону священники изъ рода Ааронова. Ап. при этомъ даетъ понять, что не должно и жалѣть о томъ, что Христосъ не сдѣлался служителемъ земной скиніи. Эта скинія, говоритъ онъ, только *тѣнь небеснаго святилища* (τῶν ἐπουρανίων ср. τῶν ἁγίων). Но что это за небесное святилище, образъ (τύπος) котораго Моисей видѣлъ на горѣ Синаѣ и которое теперь имѣетъ въ виду апостолъ? Такъ какъ ап. говоритъ, что эта небесная скинія не принадлежитъ къ произведеніямъ земнаго міра (9, 12) и находится надъ небесами (9, 23), такъ какъ затѣмъ Христосъ, по словамъ апостола, съ Своею жертвенною кровію прошелъ чрезъ небеса (9, 24), то на основаніи этого можно заключать, что ап. подъ небесной скиніей разумѣетъ небо какъ жилище Божіе. Но если принять во вниманіе изреченія апостола о томъ, что Христосъ возсѣлъ одесную престола Божія на небесахъ (8, 2), что Онъ сталъ выше небесъ (4, 26), то изъ этого можно, пожалуй, вывести заключеніе о существованіи на небѣ особаго святилища, которое заключаетъ въ себѣ первообразы земной скиніи и ея принадлежностей. Какъ выйти изъ этого затрудненія? Болѣе вѣроятности имѣетъ то объясненіе, по которому подъ τὰ ἅγια разумѣется мѣстонахожденіе престола Божія, а подъ скиніею—небо, въ которомъ обитаютъ ангелы и всѣ блаженныя души. Τὰ ἅγια—это возвышенное надъ условіями пространства и времени жилище Бога, находящееся не въ области сотвореннаго, но по ту сторону всѣхъ небесъ. Но ниже этого несотвореннаго неба, истиннаго Святаго Святыхъ, на-

ходится жилище блаженныхъ духовъ, ограниченное извѣстнымъ пространствомъ и представляющее изъ себя истинную скинію, чрезъ которую *прошелъ* Христосъ во Св. Святыхъ и которая однако, въ силу однажды навсегда совершеннаго Христомъ примиренія человѣка съ Богомъ, уже не отдѣляется завѣсою отъ Св. Святыхъ. Такимъ образомъ, по представленію апостола, на небѣ нѣтъ никакой особой скиніи, никакого особаго зданія, посвященнаго Богу, съ котораго бы земная скинія могла быть точнымъ снимкомъ: святилищемъ, въ которомъ состоитъ священникомъ Христосъ, служитъ небо, какъ ограниченное пространствомъ, такъ и находящееся выше всякихъ границъ [1]) (см. 3—5 ст.). Но отсюда *слѣдуетъ*, что *служеніе* I. *Христа*, *какъ небеснаго* священника, несравненно выше, чѣмъ служеніе, исправляемое здѣсь на землѣ левитскими священниками, и вполнѣ сообразно съ высокимъ достоинствомъ завѣта, котораго Онъ содѣлался ходатаемъ (ст. 6). А что Новый Завѣтъ выше ветхаго—это объясняетъ ап. тотчасъ же, оставляя на нѣкоторое время сравненіе Христа и левитскихъ священниковъ въ отношеніи къ служенію. Если бы первый завѣтъ,—говоритъ ап.,—достигалъ своей цѣли, то Богъ не сталъ бы заботиться объ учрежденіи новаго. Между тѣмъ Богъ явно предуготовлялъ мѣсто для этого новаго завѣта, какъ объ этомъ можно заключать напр. изъ пророчества Іереміи о новомъ завѣтѣ (31, 31—34). Пророкъ уже возвѣщалъ о недостаточности завѣта, заключеннаго при Синаѣ, и говорилъ о новомъ, который не будетъ для народа Божія чѣмъ-то внѣшнимъ, какъ заповѣди, написанныя на каменныхъ скрижаляхъ, а проникнетъ собою и преобразуетъ все внутреннее существо людей. При этомъ исполнится и цѣль, къ достиженію которой стремился Ветхій Завѣтъ: люди всту-

---

[1]) Въ 9 гл. 24 ст. истинное святилище прямо называется небомъ, а не храмомъ или скиніею на небѣ. Что же касается видѣннаго Моисеемъ на Синаѣ образа, то, конечно, ему былъ показанъ не самый небесный міръ или отобразъ его, а образъ земной скиніи. Ибо въ кн. Исходъ (25, 40) прямо сказано: „смотри и сотвори (части и принадлежности скиніи) по *ея* образу (betabenitam), согласно со всѣмъ тѣмъ, что ты видѣлъ на горѣ“. Слово tabenit нигдѣ не значитъ первообразъ и сл. здѣсь не можетъ обозначать небо.

пятъ въ тѣснѣйшее общеніе съ Богомъ, среди нихъ утвердится истинное, живое Богопознаніе (ст. 7—11). Но этотъ лучшій завѣтъ, по словамъ пророка, необходимымъ своимъ основаніемъ будетъ имѣть прощеніе грѣховъ, которое даруетъ Богъ людямъ. Въ этомъ и состоитъ его существенное отличіе отъ Ветхаго, который хотя тоже обѣщалъ людямъ общеніе съ Богомъ, но не давалъ средствъ къ достиженію этого общенія. У ветхозавѣтнаго человѣка всегда стояли предъ очами обвинявшія его въ грѣхахъ скрижали закона и онъ не находилъ никакой возможности, даже и посредствомъ жертвъ, приблизиться къ престолу божественной благодати (ст. 12). А изъ того, что въ пророчествѣ Іереміи говорится объ установленіи *новаго* завѣта, ап. выводитъ заключеніе о томъ, что Богъ объявилъ первый завѣтъ ветхимъ, уже не способнымъ къ дѣятельности, по своей старости и дряхлости. Даже мало того: все дряхлое близко къ совершенному исчезновенію съ лица земли. Этимъ ап. хочетъ сказать, что съ того момента, какъ пролита была кровь Христова. Ветхій Завѣтъ со всѣми своими учрежденіями сталъ имѣть только одну видимость жизни; въ дѣйствительности же онъ сдѣлался брошеннымъ навсегда домомъ или тѣломъ, изъ котораго отлетѣла душа и которое скоро будетъ погребено для истлѣнія въ землѣ (ст. 13).

ГЛАВА 9-я.

Сѣновный характеръ ветхозавѣтнаго богослуженія и совершенство первосвященническаго служенія Христова.

Сказавши, что первый завѣтъ обветшалъ и близокъ къ исчезновенію, ап. доказываетъ, что Богъ совершенно справедливо предаетъ его такой участи,—доказываетъ посредствомъ сравненія ветхозавѣтнаго святилища и жертвоприношеній съ первосвященническимъ служеніемъ І. Христа въ небесномъ святилищѣ. Сначала ап. даетъ характеристику священническаго служенія въ земномъ святилищѣ — скиніи Моисеевой,

представляя при этомъ самое служеніе какъ-бы прекратившимся (εἶχε—прош. несов. время). И первый завѣтъ [1]), говоритъ апостолъ, какъ и новый, стремился довести людей до общенія съ Богомъ. Для этого онъ имѣлъ особыя правила относительно богослуженія (δικαιώματα λατρείας) и мѣсто для совершенія богослуженія, учрежденное хотя и по Божественному повелѣнію, но имѣвшее назначеніе только временное, для земной жизни человѣка (τό τε ἅγιον κοσμικόν). Ап. хочетъ говорить только о ветхозавѣтномъ богослуженіи и сравнить его съ первосвященническимъ служеніемъ І. Христа на небѣ; но чтобы это сравненіе было яснѣе, онъ сначала приводитъ своимъ читателямъ на память устройство самаго мѣста ветхозавѣтнаго богослуженія. Сначала была приготовлена Моисеемъ для совершенія богослуженія (κατεσκευάσθη) и снабжена свѣтильникомъ и столомъ съ хлѣбами предложенія первая т. е. передняя часть скиніи или святое (ἅγια). За этой частью слѣдовало отдѣленное завѣсою отъ первой Святое Святыхъ. Къ принадлежностямъ Святаго Святыхъ ап., кромѣ ковчега завѣта съ содержащимися въ немъ предметами, относитъ золотой кадильный алтарь [1]). Почему ап. такъ дѣлаетъ, хотя каждому было извѣстно, что алтарь кадильный находился въ святилищѣ— это можно объяснить, принявъ во вниманіе, что сказано въ законѣ объ этомъ алтарѣ. Алтарь кадильный Моисей долженъ былъ поставить предъ лицомъ завѣсы, отдѣлявшей Святое Святыхъ отъ святилища, предъ ковчегомъ откровенія (Исх. 40, 3. 4. 5). Этимъ, конечно, показывалось, что алтарь кадильный имѣетъ ближайшее отношеніе къ ковчегу завѣта, почему, вѣроятно, и въ 3 книгѣ Царствъ (6, 22) онъ названъ алтаремъ, принадлежащимъ къ Святому Свя-

---

[1]) Прибавленіе σκηνή къ слову ἡ πρώτη давно уже признано неподлиннымъ, почему послѣднее выраженіе въ русскомъ текстѣ Н. Завѣта переведено словами: „и первый завѣтъ“.

[1]) Χρυσοῦν θυμιατήριον тоже, что упоминаемый въ кн. Исходъ (40, 26) θυσιαστήριον χρυσουν, а не кадильница (chaph), о которой въ законѣ Моисеевомъ не упоминается и которая во второмъ храмѣ стояла не въ святомъ святыхъ, а въ особой кладовой (Сосудъ для кажденія, о которомъ упоминается въ кн. Лев. 16, 12, не былъ золотой).

тыхъ. Онъ такъ же принадлежалъ къ Святому Святыхъ, предъ входомъ въ которое стоялъ, какъ алтарь всесожженія принадлежалъ собственно къ самой скиніи, хотя и стоялъ предъ нею, на дворѣ. Въ самомъ дѣлѣ, воскуряя ѳиміамъ на алтарѣ кадильномъ, священники вмѣстѣ съ благовоніемъ ѳиміама возносили свои молитвы за народъ къ Богу, пребывавшему среди Херувимовъ Славы надъ ковчегомъ завѣта, во Святомъ Святыхъ. И такъ какъ ап. задался мыслію описать не скинію, а богослуженіе въ ней совершавшееся и значеніе богослужебныхъ дѣйствій, то и отнесъ въ своемъ описаніи алтарь кадильный къ принадлежностямъ Святаго Святыхъ, къ коему этотъ алтарь и принадлежалъ по существу совершавшагося на немъ дѣйствія. Затѣмъ, слѣдуя раввинско-талмудическому толкованію, ап. говоритъ, что въ ковчегѣ завѣта находился сосудъ съ манною и прозябшій жезлъ Аарона. Упомянувъ, наконецъ, о херувимахъ славы, т. е. о представителяхъ божественнаго величія, осѣнявшихъ своими крыльями и закрывавшихъ отъ очей первосвященника очистилище или крышку ковчега, по направленію которой долженъ былъ кропить кровію первосвященникъ, ап. не видитъ затѣмъ надобности говорить о всѣхъ принадлежностяхъ скиніи по частямъ, т. е. раздѣльно изъяснять типическое значеніе перечисленныхъ предметовъ (1—5 ст.). Онъ хочетъ собственно указать типическій, сѣновный характеръ богослуженія, совершавшагося въ скиніи. Имѣя въ виду эту цѣль, онъ выставляетъ на видъ прежде всего ограниченность правъ на совершеніе богослуженія, какими пользовались ветхозавѣтные священно-служители. Священники вовсе не могли входить во Св. Святыхъ, а первосвященнику позволялось дѣлать это только однажды въ годъ. Этимъ самымъ, по представленію апостола, богодухновенное писаніе ясно указывало на то, что путь къ истинной святости, къ престолу Божію еще не былъ открытъ для людей при существованіи передней части скиніи (ст. 6—8 ср. εἴσοδος τῶν ἁγίων въ 10 гл. 19 и сл.). Даже и теперь, говоритъ апостолъ, эта передняя часть скиніи (ἥτις) можетъ служить притчею, наглядно представляющею намъ существо настоящаго времени, къ которому она принадлежитъ. Это время— послѣдняя пора существованія жертвоприношеній, не могу-

щихъ, по воззрѣнію апостола, доставить человѣку, приносящему жертву, сердечнаго успокоенія, поставить его въ правильное отношеніе къ Богу. Это такое время, когда всѣ законныя постановленія о чистотѣ и нечистотѣ, имѣющія отношенія только къ плоти и плотской жизни человѣка, переживаютъ послѣдніе часы своей жизни и, налегая на евреяхъ какъ тяжелое бремя (ἐπικείμενα), ждутъ того времени, когда все будетъ приведено въ порядокъ, когда будетъ утверждено въ своихъ правахъ истинное богослуженіе (καιρὸς διορθώσεως ст. 9—10).

Итакъ, ветхозавѣтная скинія своимъ устройствомъ ясно показывала, что путь къ Богу еще не былъ открытъ, а ветхозавѣтное богослуженіе не очищало совѣсть человѣка отъ грѣховъ. Напротивъ (δὲ) Христосъ, выступивши въ мірѣ какъ первосвященникъ, ходатайствующій о вѣчныхъ благахъ или вѣчномъ спасеніи людей, вошелъ во Святое Святыхъ чрезъ бо́льшую и лучшую скинію, которая не принадлежитъ къ находящемуся предъ нашими глазами сотворенному міру, именно чрезъ небо (ср. выраженіе 4 гл. 14 ст. *прошедшаго небеса*). Вошелъ Онъ во Святое Святыхъ для того, чтобы Своею кровію совершить примиреніе человѣчества съ Богомъ, имѣющее вѣчное значеніе (ст. 11—12). Изъ этихъ словъ апостола съ ясностію видно, что человѣка съ Богомъ примирила не одна смерть Христа, а и вхожденіе Его на небо, подобно тому какъ въ В. Завѣтѣ Бога умилостивляли не закланіемъ животнаго, а кропленіемъ крови животнаго на очистилище — мѣсто Божественнаго присутствія. Разъясняя далѣе, почему эта жертва І. Христа имѣетъ вѣчное значеніе, ап. указываетъ на ея внутреннее освящающее дѣйствіе. Кровь животныхъ, приносившихся въ день очищенія, и пепелъ рыжей телицы доставляли только внѣшнее очищеніе, т. е. содѣйствовали возстановленію нарушеннаго общенія между человѣкомъ и Богомъ, и первыя примиряли съ Богомъ все общество Израильское съ разу, а вторая—отдѣльныхъ лицъ изъ народа, осквернившихся прикосновеніемъ къ трупу. Но если кровь животныхъ давала человѣку оправданіе, хотя и внѣшнее, юридическое (τῆς σαρκὸς καθαρότης въ отличіе отъ καθαρίζειν τὴν συνείδησιν), то І. Христосъ, принесшій Себя какъ истиннаго непороч-

наго агнца въ жертву Богу, очевидно можетъ очистить и внутреннее наше существо, освободить насъ отъ тяжести, или даже отъ оскверненія, которое производили въ насъ мертвыя или безплодныя дѣла іудейскаго богослуженія [1]) (ст. 13—14).

Поелику такимъ образомъ Христосъ чрезъ принесеніе Своей крови въ жертву пріобрѣлъ вѣчное искупленіе (διὰ τοῦτο), то Онъ и сдѣлался посредникомъ Новаго Завѣта. А это посредничество Христа было необходимо для того, чтобы, послѣ смерти Его, грѣхи, совершенные людьми перваго завѣта, были заглажены и чтобы, послѣ исполненія Христомъ всѣхъ условій, предъявленныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ тѣмъ, которые желали войти въ землю обѣтованія, для призванныхъ (οἱ κεκλημένοι) какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта открылась, наконецъ, возможность войти въ эту обѣтованную страну и получить вѣчное наслѣдіе (ст. 15 ср. 11, 13). Далѣе апостолъ объясняетъ изъ самой сущности завѣта или завѣщанія (διαθήκη) выше высказанное положеніе, что полученіе обѣтованнаго вѣчнаго наслѣдія зависѣло отъ смерти Христовой. Завѣщаніе—говоритъ ап.—вступаетъ въ силу только по смерти завѣщателя и только послѣ этой смерти оно дѣлается твердымъ, не можетъ быть измѣнено (ст. 16—17). Правда, завѣщателемъ былъ собственно Богъ, но Онъ передалъ всѣ права Свои на имущество, т. е. на царство Божіе І. Христу и потому вступленіе людей въ обладаніе вѣчнымъ наслѣдіемъ дѣлалось возможнымъ только послѣ смерти Христа. И Христосъ, дѣйствительно, наканунѣ смерти Своей говорилъ ученикамъ: и Я завѣщаваю вамъ, какъ завѣщалъ мнѣ Отецъ Мой, царство (Лук. 22, 29). Съ другой стороны, смерть І. Христа необходима была для искупленія людей отъ грѣховъ и на это было уже указано при заключеніи Ветхаго Завѣта. Именно поэтому послѣдній былъ обновленъ (ἐγκεκαίνισται) т. е. освященъ для обитанія въ немъ какъ бы нѣкоторое зданіе

---

1) Говоря объ очищеніи отъ мертвыхъ дѣлъ, ап., очевидно, ставитъ эти дѣла какъ мертвое въ одинъ рядъ со всякимъ трупомъ, осквернявшимъ еврея, прикасавшагося къ нему. Конечно, дѣла іудейскаго богослуженія стали таковыми послѣ смерти І. Христа.

(ср Вт. 20, 5) посредствомъ пролитія крови. При этомъ ап. находитъ нужнымъ напомнить, что кровь была употребляема и послѣ, для очищенія скиніи, да и вообще почти во всѣхъ случаяхъ оскверненія (ст. 18—22) [1]. Итакъ — заключаетъ ап., изъ предшествующаго (ст. 22) съ необходимостью слѣдуетъ, что земные образы небеснаго должны были очищаться отъ оскверненія перечисленными выше кровавыми жертвами. Но для очищенія истинной скиніи т. е. для возстановленія порядка въ отношеніяхъ между человѣкомъ и Богомъ [2] этихъ жертвъ было недостаточно: для сего требовалась жертва высшая, чѣмъ кровь животныхъ (ст. 23—24). А что жертва Христова, дѣйствительно, выше левитской — это ап. доказываетъ: 1) тѣмъ, что Христосъ вошелъ не въ обыкновенную, людьми устроенную скинію, а въ самое небо [3], предъ лицо Самого Бога и 2) тѣмъ, что Онъ принесъ сюда такую жертву, которая вполнѣ удовлетворила правдѣ Божіей и загладила всѣ грѣхи, такъ что не должна болѣе и повторяться [4] (ст. 23—26). По единократномъ принесеніи Себя въ жертву Христу ничего болѣе не остается какъ вторично явиться для облаженствованія тѣхъ, которые съ вѣрою Его ожидаютъ. Разъясняя это ап. говоритъ, что какъ со смертію для человѣка все земное перестаетъ имѣть значеніе и въ будущемъ предстоитъ только судъ (χρίσις безъ члена не опредѣляетъ ни времени, ни ка-

---

1) Нѣкоторыя подробности, которыя тутъ сообщаетъ ап. о кропленіи кровію завѣта, по всей вѣроятности, заимствованы имъ изъ іудейскаго преданія.

2) Τὰ ἐπουράνια (въ ст. 23) обозначаетъ небесное святилище, гдѣ находится престолъ Божій; но оно не есть какое нибудь зданіе на небѣ. Скорѣе можно думать, что какъ скинія Моисеева сѣновно выражала собою общеніе, существовавшее между Богомъ и народомъ израильскимъ, такъ и истинная, небесная скинія есть символическое выраженіе дѣйствительности такого общенія. И если теперь чрезъ грѣхъ человѣка это общеніе прекратилось, то самое прекращеніе его удобно могло и можетъ быть представляемо подъ образомъ оскверненія небеснаго святилища, а совершенное возстановленіе общенія—подъ образомъ очищенія.

3) Такъ называется высшее небо (αὐτὸς ὁ οὐρανος) въ отличіе отъ сотвореннаго небеснаго пространства (οἱ οὐρανοί).

4) Жертва Христова была принесена при концѣ вѣковъ (τῶν αἰώνων) т. е. по миновавіи различныхъ фазисовъ исторіи міра каковыми были напр. потопъ, призваніе Авраама, основаніе теократіи и т. п.

чества суда), такъ и Христосъ, разъ будучи принесенъ Богомъ въ жертву (ср. Рим. 8, 32), чтобы понести на Себѣ Одномъ наказанiе за грѣхи многихъ или, лучше, всѣхъ людей (ср. Рим. 5, 15 и сл.), во второй разъ явится уже на землѣ во спасенiе или для спасенiя вѣрующихъ, будучи свободнымъ отъ бремени человѣческихъ грѣховъ и не имѣя надобности снова приносить Себя въ жертву (ст. 27—28).

ГЛАВА 10-я.

Отмѣченiе ветхозавѣтнаго закона съ его жертвоприношенiями и утвержденiе Новаго Завѣта. Увѣщанiе читателямъ.

Продолжая свою рѣчь о первосвященствѣ I. Христа, ап теперь останавливается преимущественно на мысли, выраженной въ 23-мъ ст. 9-й гл. Для очищенiя небеснаго святилища или для возстановленiя дѣйствительнаго общенiя между Богомъ и человѣкомъ потребны были лучшiя жертвы, чѣмъ жертвы законныя. Ибо законъ т. е. все ветхозавѣтное устройство вообще былъ только тѣнью будущаго царства Божiя съ его спасительными благами, а не представлялъ этихъ благъ въ самой дѣйствительности. Если и были въ Ветхомъ Завѣтѣ какiя блага, то они не имѣли въ себѣ настоящей реальности, представляли только отраженiе новозавѣтныхъ благъ. Вслѣдствiе этого законъ не могъ довести до совершеннаго общенiя съ Богомъ стремящихся къ этому посредствомъ жертвъ, изъ года въ годъ приносившихся въ одномъ и томъ же видѣ (ст. 1). А что жертвы эти, дѣйствительно, не достигали цѣли—это видно для всякаго; ибо принесенiе ихъ не прекращалось, какъ слѣдовало бы ожидать въ томъ случаѣ, если бы они имѣли дѣйствительно освящающее значенiе и навсегда уничтожали бы въ самомъ приносителѣ чувство вины предъ Богомъ (ст. 2). Между тѣмъ теперь мы видимъ совершенно противное этому: жертвы эти только постоянно напоминаютъ о томъ, что человѣку грѣхи не прощены, хотя онъ неоднократно уже приносилъ Богу жертвы (ст. 3). Да и странно было бы ожидать такого чудес-

наго дѣйствія отъ крови козловъ и тельцовъ: существенной, причинной связи между смертію животнаго и очищеніемъ человѣка быть не можетъ (ст. 4). Итакъ жертвы законныя не могли очистить грѣхи человѣка. Посему-то Христосъ, входя въ міръ, прямо заявилъ, что эти жертвы не угодны Богу. (Ап., говоря объ этомъ, влагаетъ въ уста Христа слова псалма 39-го 7 — 9 ст., ибо въ псалмѣ 39-мъ, какъ ясно видно изъ его содержанія [1]), Давидъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ не себя, а Мессію). Богу было нужно принести въ жертву совершенное послушаніе и потому Онъ уготовалъ Мессіи тѣло т. е. далъ Ему возможность принести за людей эту совершенную жертву, для чего они сами не имѣли силъ. [2]) Мессія покорился этому опредѣленію Божественнаго Совѣта, сдѣланному, конечно, тотчасъ же послѣ паденія людей [3]), и, являясь на землю, заявилъ, что воля Божія будетъ имъ исполнена, потому что именно о Немъ, а не о комъ нибудь другомъ предвозвѣщено и въ самыхъ древнихъ пророчествахъ, содержащихся въ *главизнѣ книжнѣй* т. е. въ самомъ началѣ св. писанія, въ Пятокнижіи [4]) (ст. 5—7). Эти слова Христа имѣютъ важное значеніе. Выразивъ здѣсь рѣшеніе принести въ жертву Богу Свое тѣло или всю Свою жизнь, все Свое существо, Христосъ этимъ самымъ показалъ, что Онъ уничтожитъ или отмѣнитъ принесеніе жертвъ и замѣнитъ ихъ Своею жертвою совершеннаго послушанія Богу. Такъ какъ воля Божія именно и требовала этой жертвы, то послѣ того какъ Христосъ въ совершенствѣ исполнилъ за всѣхъ людей эту волю Божію, мы всѣ по-

---

1) Къ Давиду напр. совершенно не можетъ идти рѣчь о замѣнѣ собою, своимъ послушаніемъ законныхъ жертвъ, которыя онъ былъ обязанъ приносить за свои грѣхи вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Израильскимъ. Онъ не могъ совершить заглажденія даже своихъ грѣховъ, тѣмъ болѣе грѣховъ всего человѣчества.

2) Ап. слѣдуетъ въ настоящемъ случаѣ переводу LXX, который мысль, выраженную въ евр. подлинникѣ (ты открылъ или прокололъ мнѣ уши) обобщаетъ. Въ евр. подлинникѣ символомъ рабской покорности Богу служитъ лишь небольшая часть тѣла (уши), а у LXX—все тѣло.

3) Такимъ образомъ Давидъ напоминаетъ о фактѣ, который имѣлъ мѣсто уже въ давно минувшемъ времени и относился къ далекому будущему.

4) Главизною—κεφαλίς называлась въ древности головка скалки, на которую навертывался свитокъ всякой книги вообще.

лучили освященіе и очищеніе отъ грѣховъ, для котораго притомъ было совершенно достаточно единократнаго принесенія тѣла Христова въ жертву Богу (ст. 8—10). Итакъ жертва Христова уничтожила необходимость въ принесеніи всякихъ законныхъ жертвъ. Точно также высокое и вполнѣ достигающее цѣли служеніе Христа устраняетъ, дѣлаетъ излишнимъ служеніе іудейскихъ священниковъ. Между тѣмъ какъ послѣдніе совершаютъ свое служеніе изо дня въ день, принося одни и тѣже жертвы и притомъ стоя, не имѣя права сѣсть (Вт. 10, 8; 18, 7), I *Христосъ, принесши* только одну жертву, возсѣлъ и сидитъ одесную Самого Бога, не прерывая этотъ блаженный покой Свой новымъ схожденіемъ на службу. Слѣд., Онъ вполнѣ совершилъ освященіе людей и сдѣлалъ совершенно излишнимъ дальнѣйшую дѣятельность ветхозавѣтныхъ священниковъ (ст. 11—14). И еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Духъ Св., предсказывая о Новомъ Завѣтѣ, свидѣтельствовалъ о томъ, что людямъ этого завѣта будутъ совершенно прощены грѣхи ихъ. Слѣд., заключаетъ ап., самъ Ветхій Завѣтъ предсказывалъ объ отмѣненіи жертвъ, совершенномъ чрезъ Христа (ст. 15—18).

Этимъ ап. и заканчиваетъ свою рѣчь о превосходствѣ Христа какъ первосвященника предъ ветхозавѣтными священниками. Но къ этому заключенію онъ естественно присоединяетъ увѣщаніе о томъ, чтобы читатели твердо исповѣдывали Христа Господа. Къ этому должны побуждать насъ,—говоритъ ап.,—два обстоятельства: 1) увѣренность въ томъ, что намъ уже открытъ доступъ въ небесное святилище, благодаря пролитой за насъ Христомъ Своей крови, и 2) величіе Христа какъ священника. При этомъ ап. замѣчаетъ, что новый путь Христосъ проложилъ намъ чрезъ завѣсу т. е. чрезъ свою плоть. Это значитъ, что Христосъ чрезъ преданіе на смерть Своей плоти т. е. тѣлесной жизни совершенно загладилъ наши грѣхи, разорвалъ ту завѣсу, которая закрывала отъ людей небесное святилище. Какъ ветхозавѣтный первосвященникъ входилъ во святое святыхъ не чрезъ завѣсу, но отодвигалъ ее въ сторону, такъ и Христосъ вошелъ въ небесное святилище не чрезъ Свою плоть, а благодаря тому, что предалъ Свою плоть на смерть и тѣмъ отстранилъ ее, лишилъ силы всякія плотскія стремленія и та-

кимъ образомъ, такъ какъ и въ насъ совершилось то же самое, проложилъ намъ дорогу къ престолу Божiю (ст. 19—21). Условiя, которыми долженъ обладать всякiй, приступающiй съ молитвою къ Богу, суть 1) искренность сердца 2) твердость вѣры 3) освобожденiе совѣсти отъ тяжелаго сознанiя нашей грѣховности (окроплени сердцы отъ совѣсти лукавыя) и 4) освященiе всей нашей тѣлесной жизни, внѣшняго поведенiя, которое начинается со времени принятiя крещенiя (измовени тѣлесы водою чистою ст. 22). Въ виду же ослабленiя вѣры въ Iисуса Христа и надежды на Него въ нѣкоторыхъ читателяхъ посланiя, ап. указываетъ на вѣрность Бога Своимъ обѣщанiямъ, которая должна утверждать христiанъ въ исповѣданiи вѣры. Ослабѣвающихъ въ совершенiи христiанской любви сильные должны поддерживать. Никто не долженъ избѣгать участiя въ общественныхъ богослужебныхъ собранiяхъ, а, напротивъ, каждый обязанъ содѣйствовать успѣху этихъ собранiй, имѣя въ виду приближенiе дня страшнаго суда или, вѣрнѣе, зари этого дня, заблестѣвшей вмѣстѣ съ погибелью Iерусалима (ст. 23—25). Чтобы еще болѣе убѣдить своихъ читателей крѣпко держаться за дарованное имъ во Христѣ спасенiе, ап. изображаетъ далѣе печальныя послѣдствiя, къ какимъ ведетъ отступленiе отъ вѣры во Христа. Вольное прегрѣшенiе т. е. сознательное и продолжающееся (*αμαρτανόντων—настоящ. время*) отступленiе отъ закона Христова, послѣ того какъ человѣкъ позналь уже собственнымъ опытомъ величiе Христа и Его евангелiя, не находитъ жертвы, которая могла бы загладить его (отступленiе). Такой человѣкъ явно отрицаетъ значенiе жертвы Христовой, между тѣмъ какъ она одна только и заглаждаетъ всякiе грѣхи. Поэтому ему ничего не остается ожидать кромѣ страшнаго наказанiя (ст. 26—27). Эту мысль ап. разъясняетъ и далѣе, ссылаясь на законъ Моисеевъ, который за идолослуженiе т. е. за отреченiе отъ завѣта съ Богомъ на самомъ дѣлѣ назначалъ смертную казнь (Вт. 17, 2—7), если только объ этомъ отреченiи свидѣтельствовали два или три израильтянина. Если же теперь человѣкъ отпадаетъ отъ вѣры т. е. относится къ Сыну Божiю какъ къ чему-то ненужному и не имѣющему никакого значенiя (*καταπατεῖν* ср. Мат. 5, 13. 7, 6), если человѣкъ разсматри-

ваетъ кровь Христову какъ кровь обыкновеннаго человѣка (κοινόν), если онъ насмѣхается (ἐνυβρίσας) надъ Духомъ, подавшимъ ему благодать,—то какая кара его постигнетъ (ст. 28—29)! И тѣмъ болѣе слѣдуетъ бояться суда за отпаденіе, что этотъ судъ будетъ производить Самъ Богъ, строгость Котораго къ грѣшникамъ хорошо извѣстна (ст. 30—31). Вмѣсто того, чтобы доходить до такого отчаяннаго положенія, читатели посланія должны назидать и укрѣплять себя въ вѣрѣ, вспоминая о своемъ свѣтломъ прошедшемъ, когда они съ твердостью и охотою, какую давало имъ ихъ недавнее просвѣщеніе вѣрою, не только помогали страдавшимъ, но и сами не сторонились отъ всякаго рода страданій, какія падали на іерусалимскую церковь вообще (ст. 32—34 ср. Дѣян. 4, 3; 5, 12, 4, 18; 8, 1). Христіанское мужество и терпѣніе очень полезно имѣть и въ настоящее время, потому что уже недалекъ день пришествія Христова и воздаянія каждому по дѣламъ его. И еще пророкъ Аввакумъ говорилъ, что праведный будетъ живъ вѣрою и что въ томъ случаѣ, если онъ не выстоитъ въ борьбѣ, Богъ не будетъ имѣть къ нему благоволенія. Впрочемъ—утѣшаетъ своихъ читателей апостолъ,—мы не принадлежимъ къ такимъ нестойкимъ людямъ, но вѣруемъ крѣпко, такъ что можемъ надѣяться на спасеніе своей души (ст. 35—39).

ГЛАВА 11-я.

Сущность вѣры и образцы ея въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Чтобы показать своимъ читателямъ, какое важное значеніе имѣетъ твердая вѣра, апостолъ раскрываетъ природу и сущность вѣры, приводя на память читателей наиболѣе выдающіеся образцы вѣры, какіе представилъ Ветхій Завѣтъ. Опредѣленіе, какое ап. даетъ вѣрѣ, не исчерпываетъ всего понятія о ней, но, выставляя на видъ тѣ ея свойства, какія ап. желалъ имѣть своимъ читателямъ, тѣмъ не менѣе вполнѣ достаточно обозначаетъ природу вѣры. Именно,

вѣра, по ученію ап., есть увѣренность въ ожидаемомъ (ἐλπιζομένων ὑπόστασις) и удостовѣреніе (ἔλεγχος—то, что удостовѣряетъ человѣка ср. Іов. 23, 7 и 4 ст. по греч. перев.) въ фактахъ, не подлежащихъ нашему созерцанію, частію историческихъ, (напр. сотвореніе міра), частію сверхчувственныхъ (напр. служеніе І. Христа въ небесной скиніи). Эти оба признака вѣры тѣсно соединяются другъ съ другомъ, но не могутъ замѣнять другъ друга, ибо хотя все ожидаемое христіаниномъ принадлежитъ къ области невидимаго, поелику до извѣстнаго времени оно не обнаруживается (напр. царство славы), но не все невидимое лежитъ въ области ожидаемаго и многое уже осуществилось (ст. 1). Почему же именно вѣра христіанина должна отличаться указанными апостоломъ свойствами? Потому, что имѣвшіе такую вѣру и руководившіеся ею въ жизни древніе, благочестивые люди В. Завѣта получили одобрительное свидѣтельство отъ Бога (ст. 2. ἐμαρτυρήθησαν ср. 3 Іоан. 12). Для того чтобы подтвердить истинность своихъ послѣднихъ словъ, ап. далѣе напоминаетъ читателямъ о такихъ историческихъ фактахъ, изъ которыхъ съ ясностью можно заключать, какой высокой похвалы удостоивались отъ Бога имѣвшіе такую вѣру. Перечисленіе этихъ фактовъ ап. начинаетъ съ сотворенія міра. При этомъ ему бы нужно было начать съ Адама и Евы, но не желая ставить читателямъ въ образецъ вѣры виновниковъ нашего паденія, онъ ставитъ на ихъ мѣсто всѣхъ ихъ потомковъ — христіанъ. Это было и удобно сдѣлать, потому что есть пунктъ, относительно котораго наша вѣра одинакова съ вѣрою нашихъ прародителей: такимъ пунктомъ служитъ твореніе міра. Итакъ мы, также какъ и прародители, въ силу вѣры познаемъ, что небо и земля со всѣмъ, что̀ ихъ наполняетъ, созданы всемогущимъ словомъ *или* велѣніемъ Бога, такъ что видимый міръ (τα βλεπόμενα) не возникъ изъ какихъ нибудь φαινομένων, изъ чего-нибудь такого, что по природѣ своей подлежало чувственному наблюденію [1]). Употребляя при томъ для обозначенія сотвореннаго Богомъ

[1]) μή принадлежитъ не только къ слову φαινομ., а ко всему предложенію ср. 2 Сол. 2, 2.

міра слово „вѣка“ (αἰῶνες) ап. хочетъ сказать, что вѣра убѣждаетъ человѣка въ томъ, что словомъ Божіимъ сотворенъ не только одинъ видимый міръ, но и всѣ міры, даже не подлежащіе нашему созерцанію. (О наградѣ, какую получили христіане за эту вѣру, ап. не говоритъ; она принадлежитъ еще къ области будущаго ст. 3). Такую вѣру оказывали самые ближайшіе потомки Адама. Такъ Авель еще не видѣлъ никакихъ чудесъ, которыя бы свидѣтельствовали о томъ, что Богъ почитающимъ Его даруетъ какія нибудь блага, а между тѣмъ онъ, своею жертвою, почтилъ Бога отъ всего сердца. За это Богъ призрѣлъ на его жертву и засвидѣтельствовалъ такимъ образомъ ему Свое благоволеніе; даже и послѣ смерти Онъ не забывалъ Авеля за его вѣру (Быт. 4, 4: голосъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли). Точно также и въ Енохѣ ап. усматриваетъ крѣпкую вѣру, потому что св. писаніе засвидѣтельствовало о его богоугодной жизни, а угодить Богу, безъ вѣры въ Него, никакъ нельзя: всякій, приближающійся къ Богу съ молитвою или жертвою, долженъ вѣровать въ бытіе Бога и Его правосудіе, въ силу котораго Богъ даруетъ блага тѣмъ, кто ревностно ищетъ общенія съ Нимъ Енохъ не зналъ, есть ли воздаяніе въ будущей жизни за лишенія, переносимыя ради Бога въ этой жизни, и однако проводилъ жизнь богоугодную. За это онъ и былъ награжденъ переселеніемъ на небо, не испытавъ смерти (это послѣднее выраженіе не находится въ книгѣ Бытія, а прибавлено для разъясненія дѣла самимъ богодухновеннымъ апостоломъ). Обнаружилъ свою вѣру и Ной, устроившій, благоговѣйно исполняя повелѣніе Божіе, спасительный ковчегъ тогда, когда еще ничто въ природѣ не предуказывало на близкую катастрофу. Этою вѣрою, говоритъ ап., Ной совершенно осудилъ (κατέκρινε) невѣрующихъ своихъ современниковъ т. е. своимъ поступкомъ показалъ, что и они могли исправить свое поведеніе и однако этого не сдѣлали, и содѣлался наслѣдникомъ правды т. е. имѣющимъ получить праведность по вѣрѣ, поскольку онъ обнаруживалъ послѣднюю въ своей жизни (ст. 4—7.). Далѣе, вѣра Авраама обнаружилась въ томъ, что онъ промѣнялъ свою плодородную землю на какую то чужую ему страну, которую уже послѣ

Богъ обѣщалъ дать ему въ наслѣдственное владѣніе. Сохраняли Авраамъ, а равно Исаакъ и Іаковъ вѣру свою и тогда, когда поселились въ Ханаанѣ, и притомъ жили въ палаткахъ, а не въ домѣ, показывая этимъ, что ожидаютъ себѣ помѣщеніе не въ земномъ городѣ, а въ небесномъ (9—10). Въ силу своей вѣры и Сарра удостоилась получить возможность основать собственное потомство (δύναμιν εἰς καταβολὴν σπέρματος) и притомъ очень многочисленное (11—12). Съ жизнію патріарховъ была согласна и смерть ихъ. Они умерли такъ, какъ могутъ умирать только люди, не оскудѣвавшіе вѣрою въ теченіи всей своей жизни, ибо, не видя исполненія обѣтованій, они издалека привѣтствовали ихъ какъ несомнѣнно имѣющія явиться. Ап., вѣроятно, имѣлъ въ виду молитвенное воздыханіе Іакова передъ смертію (Быт. 49, 18.) и признанія Авраама (Быт. 23, 4) и Іакова (Быт. 47, 9.), которые смотрѣли на свою жизнь на землѣ вообще, какъ на жизнь странниковъ. Еслибы они—прибавляетъ ап.,—говоря такъ, вспоминали о прежнемъ отечествѣ, то, конечно, они могли-бы туда воротиться. Итакъ лучше предполагать, что они въ этихъ словахъ выражали стремленіе къ небесному отечеству. И Богъ ихъ высоко цѣнилъ и называлъ Себя ихъ Богомъ (Исх. 3, 16.), ибо Онъ—говоритъ ап.—уготовалъ имъ для пребыванія небесный Іерусалимъ, который современемъ долженъ сойти съ неба на обновленную землю (13—16). Патріархи доказывали свою вѣру на дѣлѣ. Такъ Авраамъ обнаружилъ величіе своей вѣры, принесши въ жертву своего сына Исаака, съ которымъ для него было связано исполненіе всѣхъ данныхъ ему обѣтованій о потомствѣ. Мало того, принявъ сына съ жертвеннаго костра живымъ, Авраамъ еще болѣе обнаружилъ свою вѣру въ Бога, высказавъ тутъ притчу: „Іегова усмотритъ“ (Быт. 22, 14.). Возвращеніе принесеннаго Богу съ вѣрою сына было для Авраама фактическимъ подтвержденіемъ той истины, что Богъ исполнитъ всѣ Свои, данныя Аврааму, обѣтованія (17—19.) Исаакъ также обнаружилъ свою вѣру, благословляя сыновей своихъ, именно въ томъ, что показалъ твердую вѣру въ значеніе своего благословенія (Быт. 27, 33.) и потомъ вѣру въ исполненіе обѣтованія о потомствѣ, даннаго Аврааму, при вѣрѣ въ

которое только и объяснимыми дѣлаются слова Исаака о будущей судьбѣ сыновей его (*ср. Быт. 27, 27—29, 37—40*). Іаковъ также доказалъ свою вѣру въ Бога, сдѣлавъ сыновей Іосифа родоначальниками двухъ могущественныхъ колѣнъ, которыя должны были народиться спустя долгое время. Кромѣ того, предъ этимъ самымъ только что получивши отъ Іосифа клятву въ томъ, что тотъ не оставитъ костей отца своего въ Египтѣ, Іаковъ преклонился на край жезла своего для молитвы, какъ бы разставаясь съ этою жизнью, символомъ которой былъ для него его пастушескій жезлъ, съ которымъ онъ постоянно ходилъ (Быт. 32, 11). Этотъ фактъ ап. припоминаетъ своимъ читателямъ потому, что только такой умирающій способенъ молиться, который увѣренъ въ продолженіи жизни души его и по смерти тѣла (20—21). Послѣ упоминанія о вѣрѣ Іосифа (ст. 22) ап. говоритъ о вѣрѣ Моисея. Уже родители этого святаго мужа засвидѣтельствовали, по представленію апостола, свою вѣру тѣмъ, что не смотря на строгое запрещеніе царя сохраняли сына цѣлыхъ три мѣсяца, очевидно надѣясь, что Богъ поможетъ имъ довести это дѣло до конца. и именно считая особенную красоту ребенка признакомъ Божьяго къ нему благоволенія. Самъ Моисей предпочелъ принять поношеніе Христово возможности наслаждаться грѣховными удовольствіями при дворѣ фараона, т. е. онъ провидѣлъ будущія страданія народа, прообразовавшія поношенія Христа, и съ вѣрою сказалъ себѣ, что участвовать въ этихъ страданіяхъ гораздо спасительнѣе для души, чѣмъ пользоваться благами придворной жизни. Еще больше вѣры въ Бога онъ выразилъ при второмъ и послѣднемъ оставленіи Египта, когда онъ смѣло вывелъ народъ, не опасаясь мести царя, какая грозила ему за это. Наконецъ вѣру свою онъ показалъ въ томъ, что употребилъ для спасенія отъ ангела-губителя простое и. повидимому, недостаточное средство, которое указалъ ему Богъ (пасху, ст. 23—28). Вѣру показалъ и весь народъ Израильскій, идя за Моисеемъ въ море, обходя Іерихонскія стѣны въ теченіи семи дней и совершая такимъ образомъ дѣло, которое, повидимому, никакъ не могло повлечь за собою ихъ паденіе (ст. 29—30). И еще болѣе удивительное происшествіе—вѣру, показала

даже такая низкая личность какъ блудница—Раавъ (ст. 31). И вслѣдъ за овладѣніемъ землею обѣтованною, въ избранномъ народѣ являлось много лицъ, которые доказывали свою вѣру, или совершая великія дѣла (побѣды, чудеса), или-же перенося тяжкія страданія. Перечисленіе этихъ мужей вѣры ап. ведетъ не по хронологическому порядку, а принимая во вниманіе различное ихъ значеніе въ исторіи избраннаго народа. Такъ о Гедеонѣ онъ упоминаетъ прежде Варака, вѣроятно потому, что онъ былъ призванъ на служеніе Ангеломъ Іеговы, а послѣдній—пророчицей Деворой. Точно также и Самисона, уже до рожденія предназначеннаго къ назорейству, ап. называетъ прежде Іеффая, который поставленъ былъ на высокое мѣсто судіи уже въ зрѣломъ возрастѣ. Самуилъ упомянутъ послѣ Давида, чтобы поставить его какъ основателя пророческихъ школъ вмѣстѣ съ пророками. Что касается тѣхъ лицъ, которыхъ разумѣетъ ап. какъ совершителей далѣе перечисляемыхъ подвиговъ, то имена ихъ могутъ быть названы только предположительно. Такъ царства побѣждали Давидъ (филистимлянъ, моавитянъ, сирійцевъ, едомитянъ и аммонитянъ), судіи—Гедеонъ (мадіанитянъ), Babакъ (хананеевъ) и др. Творили судъ и чинили правосудіе—Давидъ, Самуилъ и другіе судіи. Обѣтованія (ἐπαγγελιῶν безъ члена вообще обѣтованія, а не только мессіанскія) получили: Давидъ (2 Цар. 7), Гедеонъ (Суд. 6, 14, 7, 7). *Уста львовъ* заградили Давидъ и отчасти Самисонъ, *угасили силу огня*, т. е. его дѣйствіе уничтожили три отрока, избѣгнули *острія меча* Илія, Елисей, Іеремія или Маттаѳія и сыновья его, *укрѣпились отъ немощи* Самисонъ, Езекія, *были крѣпки на войнѣ*: Гедеонъ, Іеффай (32—34). Перечисляя вслѣдъ за этимъ факты и результаты твердой вѣры, въ которыхъ эта послѣдняя являла себя побѣдительницею надъ смертію, или надъ страхомъ смерти, или-же надъ сокрушительнымъ дѣйствіемъ бѣдствій этой жизни, ап. вѣроятно имѣетъ въ виду сарептскую вдову и сунамитянку, которыя, вѣруя, что Богъ можетъ воскресить ихъ дѣтей, молились Ему (ἐξ ἀναστάσεως, см. Рим. 1, 4). Подъ тѣми, которые растянуты были на особыхъ орудіяхъ пытки (τὸ τύμπανον, ср. 2 Макк. 6, 19 и 28) и не хотѣли принять предложеннаго имъ за отреченіе отъ вѣры

спасенія, ап. разумѣетъ конечно 90-лѣтняго Елеазара и семь братьевъ съ ихъ матерью. Кромѣ того, ап. упоминаетъ и о другихъ пыткахъ и видахъ смерти [1]) (35—37). Не менѣе насильственной смерти тяжела и жизнь, проводимая подъ гнетомъ нужды и бѣдствій. Такую жизнь проводилъ напр. Илія, котораго вѣроятно и имѣетъ въ виду прежде всего апостолъ, говоря о святыхъ, ходившихъ въ милотяхъ (μηλωτή—плащъ изъ овечьей кожи, носившійся волосяной стороной наружу ст. 38). Всѣ эти вышеперечисленные святые, начиная съ Авеля, получили доброе о себѣ свидѣтельство отъ Бога за свою вѣру, но не увидѣли при жизни исполненія тѣхъ великихъ обѣтованій, какія имъ были даны. Случилось-же это потому, что лучшія, высшія блага Богъ оставлялъ до нашего времени, желая чтобы всѣ Его дѣти въ одно время сѣли за отчій столъ, хотя старшіе годами ранѣе успѣли окончить назначенное имъ дѣло;—такой смыслъ имѣетъ выраженіе: *„да не безъ насъ совершенство пріимутъ“* (ст. 39—40).

ГЛАВА 12-я.

Увѣщаніе къ твердости въ борьбѣ противъ грѣха. Христіанинъ долженъ неустанно стрѣмиться къ святости.

Указывая на множество лицъ, заявившихъ о своей вѣрѣ, ап. убѣждаетъ своихъ читателей сохранять твердость въ прохожденіи назначеннаго имъ поприща. Эти лица стоятъ вокругъ насъ какъ свидѣтели нашихъ подвиговъ и смотрятъ на насъ, почему намъ нужно употребить всѣ старанія къ тому, чтобъ не посрамиться предъ ними. Для того чтобы лучше пробѣжать поприще и достигнуть цѣли, нужно оставить все, что лежитъ на насъ какъ тяжесть, и преимущественно грѣхъ, который какъ-бы обвивается вокругъ ногъ человѣка и мѣшаетъ ему бѣжать (εὐπερίστατον—образъ за-

---

[1]) Искушены были (ἐπειράσθησαν) по болѣе вѣроятному чтенію должно замѣнить словами: были сожжены (ἐπυράσθησαν).

имствованъ отъ слишкомъ широкой и путающейся въ ногахъ одежды). Кромѣ того, удача въ достиженіи цѣли возможна только при томъ условіи, если мы будемъ взирать на Іисуса, Который есть начальникъ и совершитель (ἀρχηγὸν καὶ τελειωτὴν) нашей вѣры, т. е. первый показалъ намъ путь въ жизни вѣры и первый какъ человѣкъ совершилъ тотъ подвигъ, который предстоитъ и намъ исполнить. Христосъ долженъ служить намъ внушительнымъ примѣромъ, ибо Онъ за (ἀντὶ ср. ст. 16) приготовленную ему небесную радость (ср. Мѳ. 25, 21) или (какъ видно изъ послѣдняго стиха) чтобы сидѣть одесную Отца, претерпѣлъ крестную смерть, презрѣвъ срамъ, который былъ связанъ съ этимъ родомъ смерти (ст. 1—3). И тѣмъ болѣе мы не должны изнемогать подъ дѣйствіемъ разныхъ бѣдствій нашей жизни, что эти бѣдствія Богъ посылаетъ намъ какъ любящій насъ Отецъ для нашего укрѣпленія въ добрѣ. Ап. говоритъ тономъ удивленія, что читатели еще не потерпѣли крайняго бѣдствія [1]), а между тѣмъ уже успѣли забыть ободрительныя слова Св. писанія (Притч. 3, 11, 12). Изъ словъ писанія читатели должны-бы вывести заключеніе, что люди, которые не наказуются Богомъ, не признаются Имъ за сыновей (ст. 4—8). Кромѣ того сознанія, что скорби посылаются на насъ нашимъ любвеобильнымъ Отцемъ-Богомъ, къ твердости въ страданіяхъ насъ должна побуждать и мысль о томъ, что, посредствомъ этихъ страданій, Отецъ нашъ хочетъ сдѣлать насъ святыми. Строгость въ воспитаніи какую мы видѣли въ отношеніи къ себѣ со стороны родителей, имѣла послѣдствіемъ утвержденіе въ насъ страха, почтенія къ нимъ (ἐνετρεπόμεθα), а строгость небеснаго Отца даруетъ намъ вѣчную жизнь (ζήσομεν). Отцы, даровавшіе намъ тлѣнную плоть, поступали въ дѣлѣ нашего воспитанія по своему разсужденію, которое, конечно, могло зависѣть отъ разныхъ вліяній, и притомъ управляли нами втеченіи небольшаго періода нашего отрочества; напротивъ, Небесный Отецъ исключительно заботится о нашей истинной пользѣ, о нашемъ спасеніи и не ограничиваетъ время нашего воспитанія (ст. 9—10). Нако-

[1]) Грѣхъ, какъ внѣшній противникъ, не успѣлъ еще причинить имъ большаго вреда, не ударилъ еще до крови (образъ заимствованъ отъ кулачной борьбы въ циркѣ).

нецъ, и вообще начало всякаго ученія трудно, но за то ученіе приноситъ хорошій плодъ (ст. 11.). Затѣмъ ап. продолжаетъ начатое въ началѣ главы увѣщаніе и убѣждаетъ читателей подкрѣплять другъ друга въ вѣрѣ, чтобы никто не лишился благодати. Читатели должны проложить для своихъ ногъ (τοις ποσίν — дат. пад.) или для своего христіанскаго теченія прямой путь, по которому они не уклоняясь ни на право ни на лѣво должны шествовать и притомъ поддерживать устающихъ (ст. 12—13.). Образно выраженную мысль, ап. затѣмъ излагаетъ прямо, увѣщая христіанъ имѣть миръ (въ отношеніи ко всѣмъ людямъ) и святость (въ отношеніи къ Богу) и смотрѣть за тѣмъ, чтобы что нибудь дурное не появилось въ церкви (ρίζα πικρίας — какъ видно изъ подлиннаго текста Втор. 29, 18—ядовитое растеніе и какъ тамъ означаетъ отступника отъ Іеговы, такъ и здѣсь отступника отъ Христа). Вслѣдствіе появленія *корня горести*, общество лишается своего ореола святости (μιαίναισθαι). Въ церкви не должны встрѣчаться люди, которые жертвуютъ самыми высшими интересами для того, чтобы достигнуть удовлетворенія низкихъ потребностей, люди, подобные Исаву. Какова судьба такихъ людей — это ясно показалъ примѣръ Исава. Онъ хотя и желалъ получить благословеніе отъ отца какъ первородный, но былъ отвергнутъ, ибо уже не нашелъ никакого мѣста для покаянія, т. е. въ сердцѣ его не нашлось мѣста для истиннаго покаянія, которое бы опять могло ввести его въ обладаніе правами первородства, хотя онъ молилъ отца со слезами о благословеніи. Ап. очевидно хочетъ сказать христіанамъ, что ихъ усыновленіе Богу было тѣмъ-же, чѣмъ было для Исава рожденіе первымъ. И если теперь многіе изъ христіанъ продаютъ блага вѣчнаго наслѣдія на небѣ за чечевичную похлебку земли т. е. за земныя радости и покой, то, подобно Исаву, уже ни зачто не получаютъ благъ небесныхъ, ибо они будутъ чувствовать подобно Исаву только страхъ и скорбь о потерѣ, а не дѣйствительное раскаяніе (ст. 14—17.). Чтобы усилить значеніе своихъ увѣщаній, ап. далѣе указываетъ на величіе новозавѣтнаго отношенія людей къ Богу, по сравненію съ ветхозавѣтнымъ. Христіанину нужно дорожить новымъ своимъ положеніемъ, потому что

ветхозавѣтные люди даже не могли близко подойти къ Синаю, горѣ видимой, на которой временно находился Богъ, а христіане приступили къ самому Сіону, мѣсту, которое Богъ избралъ постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ (пс. 67. 17. ср. Авд. ст. 17; пс. 47, 3 и др.) и къ истинному своему отечеству — небесному Іерусалиму, гдѣ естественно присутствуютъ предъ Богомъ цѣлыя миріады ангеловъ въ торжественномъ собраніи (πανηγύρει). Они причислены къ церкви первородныхъ, которые уже получили на небѣ права гражданъ (ср. Исх. 32, 32. Ис. 43.) т. е. къ обществу вѣрующихъ, какъ тѣхъ, которые еще живутъ на землѣ, но уже считаются справедливо гражданами неба (Фил. 3, 20), такъ и тѣхъ, которые уже почили, именно блаженныхъ мужей В. Завѣта и первыхъ христіанъ. Они приступили къ такому судіи, который есть Богъ всѣхъ людей и ихъ Владыка, и, слѣдовательно, можетъ всегда покарать непокорныхъ и отступниковъ. Они приступили къ сонму душъ, совершившихъ свой земной подвигъ, хотя еще и не облеченныхъ въ прославленное тѣло [1]). Наконецъ мы стали близки къ самому Ходатаю новаго или недавно—установленнаго (νέας) Завѣта и пользуемся кровью кропленія, которая говоритъ о лучшемъ чѣмъ кровь Авеля (Авелева вопіяла объ отомщеніи, Христова о прощеніи ст. 18—24). Затѣмъ ап. снова обращается къ увѣщанію, убѣждаетъ читателей не огорчать Того, Кто говорилъ израильтянамъ на землѣ т. е. на Синаѣ и основалъ т. о. только преходящее царство, а теперь говоритъ намъ съ неба т. е. основалъ и утверждаетъ черезъ Христа царство вѣчное небеснаго характера. И если Израиль, отказавшись самъ принимать законъ, возглашавшійся громогласно, не могъ избѣгнуть подчиненія Тому, Кто возвѣщалъ волю Свою на землѣ, то тѣмъ болѣе мы не избѣжимъ подчиненія Тому, Кто говоритъ Самъ съ неба, хотя бы мы и стали отказываться слушать Его (т. е. Христа ст. 25). Сказавъ наконецъ о томъ, что наше христіанское царство есть царство непоколебимое, вѣчное, ап. убѣждаетъ читателей

---

[1]) Ап. отдѣльно упоминаетъ объ умершихъ праведникахъ для того, чтобы указаніемъ на полученную ими небесную награду укрѣпить своихъ читателей въ вѣрѣ.

сохранять въ себѣ благодарность (*χάριν* ср. Лук. 17, 9.) *которою мы и должны служить Богу* (ст. 26—29) [1]).

ГЛАВА 13-я.

Увѣщаніе къ воспитанію въ себѣ христіанскихъ добродѣтелей, къ утвержденію сердца въ благодати и къ отреченію отъ іудейства. Извѣстіе о себѣ и благословеніе.

Разъясняя въ чемъ именно должна выражаться наша благодарность къ Богу (12; 27—28), ап. перечисляетъ различныя добродѣтели христіанскія, о которыхъ мало ревновали его читатели. Пусть не исчезаетъ, а пребываетъ по прежнему, начавшая было остывать среди читателей, взаимная братская любовь и пусть она выражается въ гостепріимствѣ и помощи страдающимъ (ст. 1—3.). Отъ христіанскаго братскаго общенія ап. обращается къ основнымъ отношеніямъ земной жизни и увѣщаетъ чтить святость брака и беречься сребролюбія. Читатели при мысли о разграбленіи своего имущества (гл. 10, 36), которое они могутъ потерять снова, должны помнить о томъ, что имъ помощникъ—Богъ, и что люди ничего дурнаго, безъ попущенія Божія, сдѣлать имъ не могутъ (ст. 4—6). Въ такомъ убѣжденіи они могутъ утверждаться, взирая на своихъ почившихъ учителей вѣры, предстоятелей церкви (ἡγούμενοι), которые съумѣли умереть какъ истинные христіане (архид. Стефанъ, ап. Іаковъ). Вѣра, которую исповѣдовали почившіе наставники, была вѣра въ І. Христа и этой вѣрѣ читатели должны подражать, ибо І. Христосъ, какимъ былъ при жизни этихъ наставниковъ, такимъ и остается въ

---

[1]) Смыслъ 26 и 27 стиха слѣдующій: Тотъ Богъ, котораго гласъ уже колебалъ землю, Самъ сказалъ черезъ пророка (Аггея), что Онъ еще разъ поколеблетъ не только землю, но и самое небо. Такъ какъ это пророчество исключаетъ (по переводу LXX) всякое другое подобное потрясеніе, то значитъ въ немъ указывается уже на совершенное измѣненіе всего міра, который какъ сотворенный и подверженный измѣненіямъ долженъ быть замѣненъ чѣмъ нибудь постояннымъ т. е. царствомъ Христовымъ.

настоящее время. Читатели не должны поэтому позволять чтобы ихъ отвлекали отъ этой спасительной вѣры ихъ отцовъ различными и чуждыми истинѣ ученіями. Если они ищутъ опоры, хотятъ утвердиться въ правильной жизни предъ очами Божіими, то этого они могутъ достигнуть только при помощи благодати и никогда не достигнутъ, если будутъ обращать вниманіе только на выборъ извѣстныхъ яствъ (ст. 7 – 9.). Чтобы внѣдрить эту истину въ сердцахъ читателей, ап. показываетъ, что христіанство и разборчивое къ яствамъ іудейство исключаютъ другъ друга, и что христіанамъ весьма прилично отказаться отъ прежнихъ іудейскихъ привычекъ. У насъ христіанъ, говоритъ ап., есть свой жертвенный алтарь (θυσιαστήριον) т. е. мѣсто, гдѣ былъ закланъ Христосъ, а именно крестъ на Голгоѳѣ [1]) и воспользоваться вмѣстѣ съ нами плодами смерти Христовой на этомъ алтарѣ (ясти) не имѣютъ права ветхозавѣтные люди, служившіе Богу своими жертвами въ скиніи и пользовавшіеся тогда правомъ вкушать отъ остатковъ этихъ жертвъ. Чтобы несовмѣстимость *хожденія въ яствахъ* съ христіанскимъ пользованіемъ спасительными благами Христовой смерти яснѣе выступала на видъ, ап. для обозначенія послѣдняго (пользованія) избираетъ образъ вкушенія отъ алтаря. Это вкушеніе было-бы, говоря ветхозавѣтнымъ языкомъ, вкушеніемъ отъ умилостивительной жертвы (ст. 11), которую уже законъ запретилъ употреблять въ пищу: тѣло жертвеннаго животнаго въ этомъ случаѣ сожигалось внѣ стана. Въ этой умилостивительной жертвѣ Ветхаго Завѣта прообразовательно представлена была новозавѣтная жертва. Посему чтобы исполнить прообразованіе, чтобы принести жертву примиренія для освященія людей, Іисусъ пострадалъ внѣ вратъ Іерусалима (ст.—12), такъ какъ уже прежній станъ былъ замѣненъ въ Его время городомъ Іерусалимомъ, который, одинаково какъ и станъ,

---

1) Что здѣсь разумѣется не алтарь, гдѣ совершается таинство евхаристіи, объ этомъ говоритъ то обстоятельство, что вкушеніе вечери Господней имѣло своимъ прообразомъ пасхальную вечерю (1 Кор. 5, 7.), а здѣсь идетъ рѣчь о жертвѣ примиренія, изъ которой ничего не было употребляемо въ пищу (ср ст. 11).

представлялъ собою видимое царство Божіе. Но какой-же смыслъ имѣетъ прообразъ и его исполненіе? Въ сожженіи жертвы, приносившейся за грѣхи цѣлаго народа выяснялось народу, что самый грѣхъ, какъ соединенный съ тѣломъ животнаго, замѣщавшаго собою человѣка, этимъ самымъ сожженіемъ подавляется, истребляется, а всякое истребленіе, умерщвленіе, чтобы оно не осквернялo общества еврейскаго, должно было совершаться внѣ стана. Ясно отсюда, что и Христосъ, какъ умертвившій въ своемъ тѣлѣ грѣхъ, долженъ былъ содѣлать это внѣ св. города. Кто не признаетъ этого великаго значенія смерти Христовой и старается найти опору для своей жизни не во Христѣ, а въ іудейскихъ законахъ о пищѣ, тотъ не имѣетъ права пользоваться плодами крестной смерти Христовой. Посему ап. и увѣщаетъ своихъ читателей выходить за станъ и носить на себѣ поношеніе Христово т. е. прекратить общеніе съ іудейсвомъ и принять на себя позоръ, который влечетъ за собою, въ глазахъ іудеевъ, отреченіе отъ іудейства. Такъ какъ Христосъ пострадалъ внѣ города т. е. внѣ общества іудейскаго, которое Его изгнало изъ своей среды то и читатели должны выйти изъ этой среды (ст. 13), тѣмъ болѣе что и вообще здѣсь на землѣ, нѣтъ ни одного города, который могъ бы быть для насъ твердымъ, постояннымъ убѣжищемъ, почему мы и стремимся къ будущему т. е. небесному Іерусалиму (ст. 14). А отрѣшившись отъ общенія съ іудействомъ мы должны и богослуженіе свое совершать чрезъ Іисуса (δἰ αὐτοῦ) и полагать это богослуженіе въ хвалебномъ исповѣданіи имени Божія и въ благотвореніи (ст. 15—16). Заключаетъ свое увѣщаніе ап. тѣмъ-же, чѣмъ и началъ (въ 8 ст.), убѣжденіемъ повиноваться наставникамъ вѣры и слѣдовать ихъ примѣру; именно читатели должны не огорчать ихъ своею непокорностью и не заставлять ихъ воздыхать о безполезности своей работы; ибо послѣднее, т. е. воздыханіе или скорбь учителей, можетъ принести читателямъ вредъ (ст. 17). Отъ наставниковъ вѣры вообще ап. естественно переходитъ къ себѣ самому и своимъ сотрудникамъ въ дѣлѣ учительства и проситъ читателей больше молиться о томъ, чтобы онъ былъ скорѣе возвращенъ имъ (вѣроятно изъ заключенія въ Римѣ ст. 18—19). Послѣ

этого ап. заключаетъ свое посланіе благословеніемъ [1]) и проситъ читателей благосклонно принять его посланіе, извѣщаетъ объ освобожденіи своемъ изъ темницы (ἀπο λελυμένον ср. Лук. 22, 68; 23 16 и слѣд.), привѣтствуетъ предстоятелей и всю паству, прибавляя также, что имъ шлютъ привѣтствіе италійскіе христіане (ст. 22—25).

---

1) Выраженіе: *„Богъ воздвигъ изъ мертвыхъ пастыря овецъ великаго“* составлено по образцу выраженія находящагося въ книгѣ пророка Исаіи (63, 11)и относящагося къ Моисею. Пророкъ Исаія отъ лица народа еврейскаго взываетъ къ Богу: гдѣ Тотъ, Который вывелъ ихъ вмѣстѣ съ пастыремъ своего стада (Моисеемъ). Имѣя въ виду это мѣсто ап. называетъ Христа *великимъ пастыремъ* и говоритъ, что Богъ вывелъ Его изъ царства мертвыхъ (какъ прежде Моисея изъ моря). Воздвигъ Богъ Іисуса потому, что Онъ пролилъ кровь Свою для основанія Новаго Завѣта (ст. 20—21). Выраженіе ἐν αἵματι διαθήκης равносильно выраженію Зак. 9, 11: bedam beritech, у котораго это выраженіе означаетъ основаніе, въ силу котораго народу еврейскому обѣщается избавленіе отъ плѣна.

Объ Откровеніи св. Іоанна Богослова.

Канонъ новозавѣтныхъ книгъ св. писанія завершается книгою, которая называется Апокалипсисомъ или откровеніемъ св. Іоанна Богослова. Книга эта — пророческая, но она имѣетъ значительное отличіе отъ книгъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. Именно, 1) пророческія книги Ветхаго Завѣта представляютъ собою собраніе отдѣльныхъ пророчествъ, между тѣмъ какъ въ Апокалипсисѣ мы видимъ непрерывный рядъ видѣній, которыя всѣ соединены между собою самымъ тѣснымъ образомъ; 2) въ представленіи пророковъ по большей части сливается первое и второе пришествіе Мессіи, между тѣмъ какъ въ Апокалипсисѣ то и другое ясно различаются и, наконецъ, 3) Апокалипсисъ имѣетъ цѣлію успокоить сердца вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, имѣющихъ жить въ моменты великихъ искушеній, которыя наступятъ для Церкви Христовой, между тѣмъ какъ обыкновенное пророчество имѣетъ прежде всего въ виду удовлетворить потребностямъ настоящаго времени и становится такимъ образомъ писаніемъ о будущемъ для настоящаго, между тѣмъ какъ Апокалипсисъ и о настоящемъ говоритъ предпочтительно для будущаго. Итакъ Апокалипсисъ, содержащій въ себѣ откровеніе о будущихъ судьбахъ Церкви Христовой и всего міра, представляетъ собою исключительное явленіе во всей священной письменности.

Писателемъ Апокалипсиса, несомнѣнно, былъ возлюбленный ученикъ Христовъ, Іоаннъ. Правда, въ самомъ Апокалипсисѣ не говорится, что писатель его былъ апостолъ, но за то сказано, что Іоаннъ, видѣвшій видѣнія, былъ самовидцемъ того, что̀ онъ свидѣтельствовалъ о Христѣ (4, 2): такъ имѣлъ обыкновеніе выражаться только апостолъ Іоаннъ (Св. Іоан. 19, 35 и 1 Іоан. 1, 1). Затѣмъ, писатель Апо-

калипсиса, Іоаннъ, говоритъ о своей ссылкѣ на о. Патмосъ (1, 9), а, по преданію церковному, на этотъ островъ былъ сосланъ именно ап. Іоаннъ. Наконецъ, писатель Апокалипсиса, съ полнымъ сознаніемъ своего авторитета, обращается къ семи церквамъ Малой Азіи; между тѣмъ никакой Іоаннъ, кромѣ апостола Іоанна, не имѣлъ такого авторитета въ Малоазійской Церкви. Церковное преданіе, устами свв. Поликарпа, Иринея, Папія, Іустина, Ипполита, Андрея, Ареѳы, Мелитона и др., также засвидѣтельствовало, что Апокалипсисъ былъ написанъ именно апостоломъ Іоанномъ. Въ подлинности Апокалипсиса сомнѣвались только писатели уже болѣе поздняго времени напримѣръ Діонисій Александрійскій, Евсевій Кесарійскій и притомъ поводъ къ сомнѣнію поданъ былъ не Апокалипсисомъ самимъ по себѣ, а его злоупотребленіемъ, какое позволяли себѣ дѣлать еретики хиліасты: въ горячей полемикѣ съ послѣдними, нѣкоторые учители Церкви легко могли дойти и до отрицанія подлинности Апокалипсиса, на который, конечно несправедливо, ссылались еретики въ доказательство своего лжеученія. Наконецъ, о подлинности Апокалипсиса свидѣтельствуетъ и самый характеръ его. Именно, болѣе чѣмъ всѣ другія писанія Новаго Завѣта, Апокалипсисъ приближается къ произведеніямъ ап. Іоанна какъ со стороны духа, такъ и со стороны выраженія мыслей. Апокалипсисъ совершенно согласенъ съ Евангеліемъ и посланіями ап. Іоанна въ ученіи объ откровеніи Божіемъ, о Христѣ, о царствѣ свѣта, о царствѣ тьмы, о сатанѣ, объ искупленіи, о постепенномъ ростѣ Церкви и въ эсхатологіи вообще. Что касается образа выраженія Апокалипсиса, то какъ примѣръ сходства его съ Евангеліемъ можно указать на то, что Христосъ здѣсь называется Логосомъ, свѣтомъ, агнцемъ, примирителемъ людей съ Богомъ посредствомъ крови Своей, женихомъ; церковь — невѣстою; даръ Христовъ—водою жизни, манною и т. д. [1]).

---

1) Новѣйшіе критики въ доказательство неподлинности Апокалипсиса указываютъ, впрочемъ, также на различіе языка, изложенія и образа мыслей между подлинными произведеніями ап. Іоанна и Апокалипсисомъ. Но что касается гебраизмовъ послѣдней книги, то происхожденіе ихъ легко объясняется тѣмъ, что Іоаннъ во время составленія Апокалипсиса еще недостаточно освоился съ греческимъ литературнымъ языкомъ. Притомъ въ своей терминологіи онъ могъ поль-

На основаніи Апок. 1, 9 можно съ вѣроятностью полагать, что Апокалипсисъ былъ написанъ ап. Іоанномъ въ скоромъ времени по возвращеніи съ о. Патмоса, гдѣ этотъ великій свидѣтель Христовъ находился въ ссылкѣ. Говоримъ: въ скоромъ времени—потому что едва ли возможно было долго удержать въ памяти тѣ многочисленныя видѣнія, какихъ удостоенъ былъ Іоаннъ. Но что касается времени самой ссылки апостола,—объ этомъ предметѣ церковное преданіе не отличается согласіемъ. Впрочемъ, бóльшую вѣроятность имѣетъ предположеніе, что апостолъ Іоаннъ былъ сосланъ на Патмосъ Домиціемъ Нерономъ. За это говоритъ то обстоятельство, что писатель Апокалипсиса не упоминаетъ нигдѣ о разрушеніи Іерусалима какъ уже о совершившемся, хотя въ такой книгѣ очень естественно было упомянуть объ этомъ событіи. Затѣмъ самый еврейскій колоритъ Апокалипсиса, такъ отличающій эту книгу отъ евангелія и посланій апостола Іоанна, написанныхъ уже послѣ 80-го года, свидѣтельствуетъ о раннемъ происхожденіи Апокалипсиса. Наконецъ, на Апокалипсисѣ лежитъ отпечатокъ того сильнаго, поражающаго впечатлѣнія, какое было произведено на всѣхъ христіанъ злодѣйствами Нерона. Слѣдовательно, можно думать, что Апокалипсисъ былъ написанъ около 68-го года и, вѣроятно, на томъ же островѣ Патмосѣ, гдѣ апостолъ Іоаннъ сподобился столь высокихъ откровеній.

Православная Церковь разсматриваетъ Апокалипсисъ какъ книгу пророческую, въ которой пророчество о будущихъ

зоваться тѣмъ, что представляла ему ветхо-завѣтная апокалиптика (книги Іезекіиля и Даніила). Наконецъ особенное одушевленіе апостола, въ какомъ онъ находился во время написанія апокалипсиса, должно было повліять и на самую рѣчь апостола. Точно также если образъ представленія (изложеніе), какой находимъ въ семи посланіяхъ Апокалипсиса, отличенъ отъ образа представленія Іоанновыхъ посланій, то опять это не говоритъ противъ подлинности перваго, потому что состояніе апостола было въ этомъ случаѣ состояніемъ духовнаго восторга. Наконецъ, если Апокалипсисъ объемлетъ и представляетъ болѣе внѣшнее развитіе суда и Царства Божія, чѣмъ внутреннее, — болѣе божественную силу и руководительство въ разрушеніи антихристіанской власти, чѣмъ внутреннее, тихое раскрытіе христіанской жизни силою Духа Божія, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что здѣсь подъ формою внѣшняго явленія обозначается внутренняя сущность всемірной исторіи, что внѣшнее служитъ символомъ внутренняго.

судьбахъ Церкви Христовой и всего міра зиждется на основаніи историческихъ событій апостольскаго времени. Правда, древніе писатели Церкви, повидимому, имѣли не такое широкое представленіе объ Апокалипсисѣ, усматривая напр. въ апокалипсическомъ Вавилонѣ современное имъ римское государство; но все-таки послѣдовавшее при Аларихѣ паденіе Рима заставило ихъ составить болѣе широкое представленіе о періодѣ, какой обнимаетъ своимъ содержаніемъ Апокалипсисъ, и послѣ 5-го вѣка установился въ Церкви взглядъ на Апокалипсисъ какъ на пророчество о будущихъ, послѣднихъ временахъ жизни Христовой Церкви. Согласно съ такимъ взглядомъ на Апокалипсисъ учители Церкви толковали и отдѣльныя его пророчества, вмѣстѣ съ этимъ указывая правила и для будущихъ толкователей этой книги. Церковные толкователи не вдавались въ крайности, какимъ подвержены новѣйшіе экзегеты. Они не толковали Апокалипсисъ исключительно въ переносномъ смыслѣ, но въ тоже время не ограничивались и внѣшнимъ, буквальнымъ его пониманіемъ. Символы, которые Іоаннъ употребляетъ такъ часто, они изъясняли на основаніи употребленія этихъ символовъ у ветхозавѣтныхъ пророковъ и не позволяли себѣ такимъ образомъ произвольнаго отношенія къ высокому произведенію Іоанна Богослова. Въ разъясненіи же того, гдѣ слѣдуетъ видѣть прямое пророчество и гдѣ образное представленіе, они руководились тѣми мѣстами Новаго Завѣта, въ которыхъ идетъ рѣчь о тѣхъ же предметахъ, о какихъ пророчествуетъ и св. Іоаннъ.

Что касается содержанія Апокалипсиса, то въ первой части этой книги (1—3 гл.) содержатся посланія къ семи малоазійскимъ церквамъ, которыя существовали при апостолѣ, но которыя въ тоже время представляли собою въ маломъ видѣ всю тогдашнюю церковь и церковь всѣхъ послѣдующихъ временъ въ различныхъ фазисахъ ея жизни. Въ этихъ посланіяхъ Господь обращается къ христіанамъ съ словомъ увѣщанія къ постоянству и вѣрѣ и обличаетъ ихъ въ нѣкоторыхъ порокахъ и слабостяхъ. Во второй части содержится уже самое откровеніе. Іоаннъ былъ восхищенъ въ разверзшееся небо и здѣсь увидѣлъ Бога, сидящаго на престолѣ, вокругъ котораго возсѣдали на особыхъ престолахъ 24 старца (гл. 4).

Богъ держитъ въ рукѣ Своей запечатанную семью печатями книгу будущаго и никто не можетъ открыть ее кромѣ Мессіи, льва изъ колѣна Іудина. Изъ средины между престоломъ и херувимами и выступаетъ Мессія въ образѣ агнца съ семью рогами и съ семью очами и беретъ книгу (гл. 5). Затѣмъ этотъ агнецъ раскрываетъ одну за другой шесть печатей книги и въ такой же послѣдовательности дѣлаются видимыми взору Іоанна предъуказывающія на будущее явленія (гл. 6-я). Предъ раскрытіемъ седьмой печати ангелъ обозначаетъ особымъ знакомъ избранныхъ, чтобы они отдѣлились отъ чадъ погибели и такимъ образомъ избавились отъ наказанія. Потомъ съ ангельскимъ пѣніемъ соединяется хвалебная пѣснь Богу Отцу и Христу 144,000 избранныхъ изъ Іудеевъ и несчетнаго множества изъ язычниковъ (гл. 7-я). По раскрытіи седьмой печати являются семь ангеловъ съ трубами, а иной ангелъ возжигаетъ на алтарѣ предъ престоломъ ѳиміамъ, принося въ тоже время молитвы всѣхъ святыхъ; послѣ же этого наполняетъ свою кадильницу огнемъ съ алтаря и бросаетъ ее на землю, отчего происходятъ молніи, громъ и землетрясеніе. Затѣмъ шесть ангеловъ трубятъ одинъ за другимъ въ свои трубы и послѣ каждаго звука трубы землю и ея обитателей постигаютъ все новыя и новыя бѣдствія. Однако люди не исправляются и очередь такимъ образомъ доходитъ до седьмаго ангела (8 и 9 гл.). Но прежде чѣмъ затрубилъ въ свою трубу этотъ послѣдній, взору Іоанна представляется нѣкоторое промежуточное явленіе. Величественнаго вида ангелъ даетъ Іоанну для снѣдѣнія свитокъ, въ которомъ содержатся далѣе слѣдующія пророчества. Этотъ свитокъ сладокъ для устъ, но горекъ для принятія внутрь — образъ Царства Божія, побѣды котораго не обходятся безъ великихъ потрясеній (10-я гл.). По повелѣнію того же ангела, Іоаннъ долженъ былъ измѣрить Храмъ Божій, за исключеніемъ внѣшняго двора, который въ теченіи 42-хъ мѣсяцевъ долженъ быть попираемъ язычниками. Въ этотъ періодъ времени должны пророчествовать въ Іерусалимѣ два свидѣтеля Господня, которые будутъ убиты антихристомъ, а потомъ воскрешены силою Божіей и вознесены на небо, между тѣмъ какъ десятая часть города, въ которомъ Господь былъ распятъ, погибнетъ въ землетрясеніи и

7000 человѣкъ будутъ умерщвлены, прочіе же обратятся на истинный путь. Теперь раздается седьмая труба и на небѣ громко возвѣщается, что царство міра содѣлалось царствомъ Господа и Христа; 24 старца воспѣваютъ Богу хвалебную пѣснь (гл. 11-я). Въ *третьей* части изображается борьба Царства Божія съ тремя враждебными силами. Сперва является сатана въ образѣ краснаго дракона, который преслѣдуетъ беременную жену, чтобы поглотить ожидаемое отъ нея дитя; но дитя, будущій властелинъ міра, спасается у Бога и престола Его, а мать убѣгаетъ въ пустыню и остается тамъ $3^1/_2$ года. Сатана же побѣждается Михаиломъ, низвергается съ неба и направляетъ свою ярость противъ обитателей земли (12-я гл.). Теперь Іоаннъ видитъ выходящее изъ моря чудовище съ семью головами и съ десятью увѣнчанными рогами, которое получаетъ поклоненіе отъ всего міра и тотчасъ начинаетъ борьбу противъ святыхъ т. е. противъ христіанства: это антихристъ. На помощь ему является другой звѣрь съ двумя агнчими рогами и съ голосомъ дракона. Звѣрь этотъ прельщаетъ жителей земли великими знаменіями и чудесами къ поклоненію первому звѣрю и къ принятію на себя его имени или числа его имени: этотъ второй звѣрь—лжепророкъ и предтеча антихриста (гл. 13-я). На другой сторонѣ подготовляется борьба противъ антихриста и ложнаго пророка. Избранные являются подъ охраною агнца на горѣ Сіонѣ. Новая хвалебная пѣснь, доступная для изученія только святымъ, воспѣвается предъ престоломъ Божіимъ. Одинъ ангелъ возвѣщаетъ народамъ вѣчное евангеліе и увѣщаетъ бояться Бога, другой возвѣщаетъ паденіе Вавилона, третій предостерегаетъ отъ поклоненія антихристу. Затѣмъ Іоаннъ видитъ Самого Христа, Царя и Судію міра, Который носитъ вѣнецъ на главѣ и серпъ въ рукѣ, чтобы жать уже созрѣвшій посѣвъ земли. Тутъ же является ангелъ, обрѣзывающій виноградъ на землѣ и бросающій его въ великое точило, находящееся за городомъ или за предѣлами Церкви (гл. 14-я). Теперь семь ангеловъ получаютъ семь чашъ божественнаго гнѣва и изливаютъ ихъ одну за другою на землю; чрезъ это наводятся страшныя бѣдствія на поклонниковъ антихриста и совершается наконецъ паденіе Вавилона (гл. 15—16-я). Затѣмъ слѣдуетъ еще троекратная

борьба. Первая идетъ противъ Вавилона великаго, который представляется блудницею, сидящею на звѣрѣ съ семью головами и десятью рогами. Семь головъ обозначаютъ семь холмовъ и вмѣстѣ семь царей, изъ которыхъ пятеро пали, одинъ, шестой, находится на престолѣ, а седьмой только останется недолгое время: послѣ него придетъ антихристъ, какъ осьмой, который вышелъ изъ семи. Онъ соединится съ десятью рогами т. е. царями и разрушитъ этотъ великій Вавилонъ, о паденіи котораго провозвѣщаетъ ангелъ и изъ котораго христіане получаютъ повелѣніе удалиться. Знакомъ совершеннаго уничтоженія Вавилона служитъ низверженіе въ море великаго камня. Раздаются хвалебныя пѣсни на небѣ по поводу паденія Вавилона, по поводу начала божественнаго царства и брака агнца (гл. 17—19, 10). Вторая борьба ведется противъ антихриста, лжепророка и сатаны. Открывается небо, и Христосъ, на бѣломъ конѣ, выходитъ сражаться противъ Своихъ враговъ. Антихристъ вмѣстѣ съ своимъ пророкомъ побѣждается и живымъ низвергается въ горящее сѣрное озеро, а сатана на тысячу лѣтъ заключается въ бездну. Совершается первое воскресеніе умерщвленныхъ за Христа и наступаетъ 1000-лѣтнее царствованіе ихъ со Христомъ (гл. 19, 11—20, 6). Но затѣмъ начинается третья борьба. Сатана опять освободился и вмѣстѣ съ Гогомъ и Магогомъ идетъ противъ св. города, однако снова побѣждается и окончательно низвергается туда же, куда брошены антихристъ и его пророкъ. На землю нисходитъ новый Іерусалимъ (гл. 20, 7—22—5). Въ заключеніе ангелъ и даже Самъ Христосъ удостовѣряютъ апостола въ скоромъ исполненіи всего, что онъ видѣлъ (гл. 22, 6—21).

Какъ видно изъ представленнаго содержанія Апокалипсиса, эта книга имѣетъ въ виду выставить на видъ читателей пришествіе І. Христа (1, 1; 22, 6) какъ побѣдителя надъ Своими врагами, какъ Судіи, произносящаго Свой судъ между вѣрными Своими приверженцами и отступниками. Но она хочетъ также и утѣшить въ земныхъ потеряхъ, которыя потерпѣла Церковь вслѣдствіе умерщвленія столь многихъ святыхъ ея исповѣдниковъ (2, 17. 26—28; 3, 5. 12. 21; 7, 15—17 и гл. 21-я), а равно научить терпѣнію и въ отношеніи къ нападеніямъ со внѣ и въ отношеніи къ

внутреннимъ возмущеніямъ правильнаго теченія Христіанской жизни. И, дѣйствительно, всѣ мы, читая Апокалипсисъ, находимъ для себя утѣшеніе въ тѣхъ горькихъ думахъ, какія возбуждаются въ насъ подъ вліяніемъ бѣдствій, постигавшихъ и постигающихъ Церковь. Мы видимъ, что онѣ уже давно были предсказаны, а равно предуказано на ихъ окончаніе. Даже всѣ потрясенія въ исторіи цѣлаго міра пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ извѣстный, опредѣленный смыслъ и не поражаютъ уже насъ ужасомъ. Но въ особенности дѣйствуетъ на сердце христіанина изображеніе окончательной погибели его исконнаго грага діавола, которая нигдѣ такъ рельефно не описана какъ въ Апокалипсисѣ. Все это, вѣроятно, и имѣлъ въ виду его великій писатель.

Изъясненіе важнѣйшихъ мѣстъ изъ Апокалипсиса.

ГЛАВА 1, 1—20.

Назначеніе Апокалипсиса и способъ дарованія его Іоанну.

Въ надписаніи Апокалипсисъ опредѣляется со стороны своего содержанія какъ откровеніе, которое сообщаетъ христіанамъ, Своимъ рабамъ, І. Христосъ, получившій его въ Свою очередь отъ Бога Отца. Открываются здѣсь тѣ событія, которыя должны, по божественному опредѣленію, совершиться вскорѣ (ἐν τάχει употребляется здѣсь въ смыслѣ ἐγγύς—близь ст. 3-го). Впрочемъ, Христосъ показалъ или посредствомъ знаменій сдѣлалъ извѣстнымъ (ἐσήμανεν) Іоанну Свое откровеніе не Самъ, а чрезъ ангела Своего. А почему именно Іоаннъ удостоился этого откровенія— въ отвѣтъ на это самъ Іоаннъ указываетъ на свое свидѣтельство за истинность Слова Божія или евангелія, причемъ его свидѣтельство сопровождалось и страданіями за истину или, какъ выражается апостолъ, было свидѣтельствомъ (μαρτυρία— испо-

вѣдничество) І. Христа [1]). Если же это, излагаемое ниже, откровеніе исходитъ отъ Бога Отца, дано въ руки Христа, сообщается ангеломъ и получено довѣреннымъ апостоломъ Христовымъ, то, понятно, оно должно имѣть великое значеніе для христіанъ, тѣмъ болѣе, что время, въ которое должны совершиться событія, предуказанныя въ откровеніи (ὁ καιρος), уже близко (ст. 1 – 3).

Привѣтствіе свое ап. обращаетъ къ семи Церквамъ Малой Азіи не потому, что только для этихъ Церквей онъ и назначалъ Апокалипсисъ, а потому, что въ символическомъ языкѣ Ветхаго Завѣта число семь было обозначеніемъ полноты и совершенства. Такимъ образомъ ап. хотѣлъ сказать, что собственно всей Церкви, и настоящей, и будущей шлетъ онъ свое привѣтствіе. Онъ желаетъ церквамъ благодати и мира отъ Іеговы, имя Котораго онъ передаетъ описательно, и отъ Духа Св., Котораго Онъ изображаетъ по Его дѣйствіямъ какъ семь духовъ, стоящихъ предъ престоломъ Іеговы, и отъ І. Христа, какъ великаго исповѣдника или мученика (ὁ μάρτυς) въ исключительномъ смыслѣ, какъ первенца изъ мертвыхъ и какъ Царя надъ царями земли. Нельзя не замѣтить, что такія обозначенія Христа, дѣйствительно, должны были произвести отрадное впечатлѣніе въ страждущія души и утвердить въ нихъ желаемый апостоломъ для христіанъ миръ. Ибо во Христѣ, какимъ Его представляетъ апостолъ, христіане находятъ надежнаго поручителя въ томъ, что и ихъ собственныя страданія за истину получатъ соотвѣтственную награду и что никакіе цари земли не сдѣлаютъ имъ ничего безъ воли Царя надъ царями, Христа. Еще же болѣе подкрѣпляетъ апостолъ души читателей тѣмъ, что указываетъ на любовь Христову къ намъ, на очищеніе насъ отъ грѣховъ и на полученное нами достоинство царей и священниковъ (ст. 4—6). Затѣмъ ап. высказываетъ главную мысль своей книги: „Господь идетъ съ облаками“ (Облако въ Ветхомъ Завѣтѣ служило знакомъ божественнаго присутствія, а у позднѣйшихъ Іудеевъ Мессія прямо назывался „облачнымъ мужемъ“). Идетъ Онъ, конечно, для совершенія

---

1) Выраженіе „елика видѣ“ естественнѣе относить въ качествѣ дополненія къ выраженію „сказа“ въ ст. 1-мъ.

суда надъ врагами Своими, и на Него обратятъ свой взоръ всѣ люди, какъ Іудеи, которые пронзили Его, такъ и всѣ народы; для всѣхъ Его пришествіе покажется страшнымъ, такъ что люди громко закричатъ отъ ужаса (χόψονται). И это совершенно вѣрно, это непремѣнно будетъ—замѣчаетъ апостолъ. За это ручается далѣе и Самъ Богъ, альфа и омега, начало и конецъ всего, Который держитъ все въ Своей власти и, слѣдовательно, сможетъ совершить все, что предсказано въ Апокалипсисѣ (ст. 7—8).

Въ соотвѣтствіе съ пророческою формою всей книги, сначала сообщается исторія происхожденія этой книги (ср. Іер. 1; Езек. 1). Іоаннъ находился на о. Патмосѣ въ ссылкѣ, какъ исповѣдникъ Христова Евангелія, и въ одинъ изъ воскресныхъ дней вошелъ въ то экстатическое, восторженное состояніе, въ какомъ находились пророки во время полученія божественныхъ откровеній т. е. жилъ исключительно высшею стороною своего существа, духомъ (πνεῦμα), отрѣшившись отъ всякихъ земныхъ попеченій. Въ это время неожиданно онъ услышалъ за собою громкій, подобный трубѣ голосъ: это былъ голосъ Бога, который повелѣвалъ Іоанну записать все, что онъ увидитъ, и послать къ семи церквамъ Малой Азіи. Оборотившись на голосъ, Іоаннъ увидѣлъ Христа, стоящаго посреди семи свѣтильниковъ, которые служили символомъ всей Церкви, посреди которой пребываетъ Христосъ. Въ наружномъ видѣ Христа апостолъ замѣтилъ большую перемѣну, по сравненію съ прежнимъ видомъ Христа. Такъ какъ Христосъ чрезъ воскресеніе получилъ прославленное тѣло, то Онъ является уже теперь не сыномъ человѣческимъ, а только подобнымъ ему. На немъ длинная первосвященническая одежда (ποδήρης см. Исх. 18, 4), золотой поясъ царя, служащій собственно не для препоясанія на работу или для путешествія, а только для украшенія, ибо онъ повязанъ на груди. Такъ Онъ является по одѣянію и первосвященникомъ и царемъ. Что касается Его наружности, то волосы Его были бѣлы и указывали въ Немъ древняго старца (вѣчность Христа), а глаза горѣли какъ у юноши и показывали своимъ блескомъ, что обладатель ихъ не дряхлый, слабый человѣкъ и все видитъ. Ноги Христа были подобны расплавленной, текущей мѣди (халколивану), чѣмъ указыва-

лось на чистоту и блескъ Христова хожденія или образа дѣйствій. Голосъ Его былъ подобенъ шуму, какой издаютъ громадныя массы воды при своемъ теченіи, и, слѣд., свидѣтельствовалъ о Его могуществѣ. Въ рукѣ Своей Онъ держалъ семь звѣздъ или, какъ объяснено ниже, ангеловъ семи Церквей, показывая этимъ, что Церкви находятся подъ Его охраною; изъ устъ Его выходилъ обоюдоострый мечъ—образъ слова Божія (ср. Еф. 6, 17); лицо Его было подобно солнцу, когда оно сіяетъ въ полномъ блескѣ, не закрытое туманомъ и облаками, и этимъ, конечно, указывалось на высочайшую святость и на животворную силу І. Христа. Пораженный несравненнымъ величіемъ явившагося Христа Іоаннъ упалъ къ ногамъ Его какъ мертвый, но Христосъ положилъ на него Свою десницу, сказалъ ему о Своемъ высокомъ достоинствѣ какъ принесшаго Себя на смерть за грѣхи человѣчества и ожившаго для вѣчной жизни, какъ имѣющаго въ своихъ рукахъ власть надъ адомъ и смертью т. е. надъ душевною и тѣлесною смертью. Изъ этого Іоаннъ могъ заключить, что явленіе Христа не будетъ для него гибельно. Затѣмъ Господь даетъ ему повелѣніе записать и то, что онъ сейчасъ видѣлъ т. е. явленіе Христа, и то, что затѣмъ скажетъ Христосъ въ отношеніи къ современному Іоанну состоянію Церкви, и, наконецъ, то, что будетъ показано ему относительно будущей судьбы Церкви. Но прежде чѣмъ записать посланія къ семи церквамъ, Іоаннъ долженъ узнать, что видѣнные имъ сейчасъ семь свѣтильниковъ означаютъ семь церквей, а семь звѣздъ—семь пастырей или предстоятелей церквей, которые сравниваются со звѣздами, конечно, потому, что звѣзды въ древности служили руководителями для путешественниковъ вообще и для мореплавателей въ особенности. Церкви же называются свѣтильниками потому, что они носятъ въ себѣ свѣтъ Христовъ и разсѣяваютъ его въ покрытомъ тьмою мірѣ (ст. 9—20).

ГЛАВА 2,1—3, 22.

Наставленія седми малоазійскимъ церквамъ.

Всѣ семь посланій къ малоазійскимъ церквамъ имѣютъ между собою большое сходство по формѣ. Сначала обыкно-

венно сообщается Іоанну повелѣніе написать ангелу той или другой Церкви, затѣмъ слѣдуютъ высокіе титулы І. Христа, обращеніе къ ангеламъ церквей вмѣстѣ съ ободреніемъ для тѣхъ, кто побѣждаетъ искушенія. Основная мысль всѣхъ семи посланій таже, что и основная мысль всего Апокалипсиса, именно второе пришествіе Господа І. Христа. Замѣчательно еще то, что Господь обращается съ словомъ похвалы и обличенія не прямо къ самымъ церквамъ, а къ ихъ ангеламъ или епископамъ, которые, конечно, отвѣтственны за состояніе управляемой ими Церкви и потому недостатки и достоинства послѣдней вмѣняются совершенно справедливо въ заслугу или въ порицаніе ея предстоятелю.

Прежде всего Господь велитъ написать посланіе къ ангелу Ефесской Церкви, потому, конечно, что Ефесъ представлялъ изъ себя метрополію Малой Азіи не только въ политическомъ отношеніи, но и въ Церковномъ. Соотвѣтственно такому значенію Церкви Ефесской и ея епископа, Господь обращается къ послѣднему какъ Такой, Который держитъ въ рукѣ Своей семь звѣздъ и ходитъ посреди семи свѣтильниковъ т. е. какъ имѣющій центральное положеніе во всей Церкви и ею управляющій. Господь похваляетъ епископа и, въ лицѣ его, всю Ефесскую Церковь за *дѣла*, именно за труды надъ своимъ и чужимъ усовершенствованіемъ, и за постоянство въ этомъ святомъ дѣлѣ, а также за удаленіе изъ своей среды дурныхъ людей и за добросовѣстное испытаніе тѣхъ, которые являлись къ нимъ подъ видомъ апостоловъ Христовыхъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ оказалось, учили не тому, чему учили эти послѣдніе. Наконецъ, въ отношеніи къ страданіямъ за имя Христово Ефесская Церковь обнаружила совершенную готовность переносить ихъ. Таковы ея заслуги предъ Богомъ (ст. 1—3). Но Господь порицаетъ ее за то, что она дала ослабѣть въ себѣ той христіанской любви, которая оживляла христіанъ въ первые моменты ихъ христіанской жизни. О горячности этой любви говоритъ книга Дѣяній Апост. (2, 44—45) и ап. Павелъ (Гал. 4, 11 и сл.). Ефесяне должны подумать о томъ, какъ печально это ниспаденіе съ первоначальной христіанской высоты жизни, и покаяться, причемъ покаяніе должно обнаружиться возвращеніемъ къ этой *первой* любви. Иначе

Господь сдѣлаетъ то, что существованіе Ефесской Церкви прекратится, свѣтильникъ ея будетъ сдвинутъ съ своего мѣста. Впрочемъ есть надежда, что Ефесская Церковь не подвергнется такому осужденію, потому что она ненавидитъ дѣла николаитовъ и этимъ угождаетъ Господу, Который также ихъ ненавидитъ. Эти николаиты составляли еретическую секту уже въ апостольское время. Она вела свое происхожденіе отъ Николая, одного изъ первыхъ діаконовъ въ Іерусалимской Церкви (Дѣян. 6, 5), который училъ, что плоть нужно παραχρῆσαι т. е. умерщвлять. Но такъ какъ это же слово могло означать и злоупотребленіе, то явились люди, которые, ссылаясь на авторитетъ Николая, стали предаваться распутству, чтобы такимъ образомъ потушить свои страсти. Въ Ефесѣ, какъ видно изъ разсматриваемаго мѣста Апокалипсиса, николаиты преимущественно заявляли себя именно съ этой послѣдней. практической стороны и, слѣд., были наиболѣе опасны для простыхъ вѣрующихъ. Если же теперь послѣдніе все таки съ ненавистію относились къ ихъ дѣйствіямъ, то, значитъ, въ отношеніи къ нимъ (ефесянамъ) можно было надѣяться на то, что призывъ къ *первой любви* не будетъ оставленъ ими безъ вниманія. Чтобы еще болѣе возбудить вниманіе Ефесянъ, Господь говоритъ имъ или собственно тѣмъ, кто имѣетъ способность понимать Его слова (*имѣяй ухо*), что вмѣсто земныхъ наслажденій, какія разрѣшали своимъ послѣдователямъ николаиты, Онъ дастъ побѣдившимъ искушенія чувственности высшую пищу, которая восполнитъ, какъ плоды древа жизни, тотъ недостатокъ жизненности, какой обнаружился въ Ефесянахъ оскудѣніемъ *первой любви* (ст. 4—7).

Въ посланіи къ Церкви Смирнской [1]) и ея епископу, которымъ совмѣстно предстояло *быть вѣрными до смерти*, Христосъ, чтобы утѣшить страдающихъ смирнянъ въ отношеніи предстоящей имъ участи, указываетъ на Свою силу какъ имѣющій въ Своей власти начало и конецъ всего, и на то, что и Самъ Онъ подвергся смерти, а теперь живъ. Господь говоритъ затѣмъ, что хотя смирнскіе христіане и

1) Смирна—древній и знаменитый іоническій торговый городъ находился въ 8 миляхъ къ сѣверу отъ Ефеса.

принадлежатъ къ бѣднѣйшему классу общества въ богатой и блестящей Смирнѣ, но за то Господу хорошо извѣстно ихъ духовное богатство, ихъ твердость въ вѣрѣ и добродѣтели. Господь утѣшаетъ страждущихъ также и тѣмъ, что хулы, какія взводятъ на нихъ еще называющіе себя славнымъ именемъ Іудеевъ, но на самомъ дѣлѣ составившіе изъ себя общество подчиненныхъ врагу Божію—сатанѣ,—что эти хулы Ему хорошо извѣстны (и, слѣд., Онъ не оставитъ хулителей безъ наказанія). Если же скорби ихъ и будутъ велики, за то они не будутъ слишкомъ продолжительны (до десяти дней). Въ концѣ посланія побѣдителю надъ всѣми искушеніями обѣщается безопасность отъ второй смерти или осужденія на вѣчныя муки (ст. 8—11).

Къ Церкви, находящейся въ Пергамѣ (городъ малоазійской провинціи Мизіи, резиденція верховнаго суда малоазійскихъ провинцій), Господь обращается какъ имѣющій обоюдоострый мечъ, показывая этимъ, что Онъ надежный защитникъ Церкви, находящейся въ такомъ опасномъ городѣ, а съ другой стороны напоминая о Своемъ мечѣ, отточенномъ съ обѣихъ сторонъ, съ тою цѣлію, чтобы христіане помнили, что и для нихъ, въ случаѣ ихъ уклоненія отъ правилъ христіанской жизни, остается другая сторона меча. Господь похваляетъ Пергамскую Церковь за твердость вѣры, за сохраненіе вѣры въ тѣ тяжелые дни, когда языческіе судьи, слѣдуя внушеніямъ сатаны и дѣлая такимъ образомъ изъ престола справедливости престолъ сатаны, убили вѣрнаго исповѣдника Христова, Антипу (ст. 11—13). Но Господь не одобряетъ Церковь Пергама за то, что въ ней есть приверженцы николаитской секты, которые имѣютъ такое же вредное вліяніе на остальныхъ вѣрующихъ, какое оказывалъ Валаамъ на Израиля, давая совѣты Валаку (14—16 ст.). Побѣдителю въ борьбѣ съ Николаитами, которые, какъ намъ извѣстно, прельщали вѣрующихъ чувственными наслажденіями, Господь обѣщаетъ великія блага: 1) сокровенную и слѣд. лучшую манну т. е. блага небесныя [1]), 2) бѣлый

[1]) Это Господь говоритъ противъ николаитовъ, которые разрѣшали своимъ послѣдователямъ вкушеніе идоложертвеннаго мяса и распутство (ст. 14).

камень, который въ древности при голосованіи на судѣ служилъ знакомъ оправданія подсудимаго (конечно, Господь разумѣетъ здѣсь оправданіе на послѣднемъ судѣ христіанина—страдальца, котораго обвинилъ пергамскій судъ, бросая въ урну черные камни), и 3) новое имя, которое будетъ написано на этомъ камнѣ и которое будетъ столь важно, что христіанинъ уже не будетъ подвергаться поношенію, какому обыкновенно подвергались со стороны язычниковъ и іудеевъ носители имени Христа (ст. 17).

Затѣмъ Господь обращается къ Церкви г. Ѳіатиры (находившагося къ сѣверной Лидіи) какъ Сынъ Божій, у Котораго пламенныя очи и подобныя халколивану ноги. Обозначаетъ Себя такъ Господь для того, чтобы показать, что предъ Нимъ не могутъ сокрыться заблужденія Ѳіатирскихъ еретиковъ и мечтателей, хотя они и выдавали себя за истинныхъ пророковъ. Точно также ноги Господа, подобныя халколивану или расплавленной мѣди, должны сжечь и стереть съ лица земли всякое превозношеніе этихъ гордыхъ мечтателей. Сыномъ же Божіимъ Господь называетъ Себя, вѣроятно. потому, что Ѳіатирскіе лжеучители отрицали Его Богосыновство. По признанію Господа, епископъ и Церковь Ѳіатиры заслуживаютъ похвалы за дѣла любви, о совершеніи которыхъ они ревнуютъ все болѣе и болѣе, такъ что послѣднія (по времени) изъ дѣлъ больше т. е. важнѣе первыхъ, раннихъ (ст. 18—19). Но не хорошо то, что Ѳіатирская Церковь подчинилась вліянію какой-то ложной пророчицы, (Господь называетъ ее Іезавелью, вѣроятно потому, что эта пророчица также увлекала христіанъ къ любодѣйству и вкушенію идоложертвеннаго мяса, какъ къ этому прежде увлекала Израильское царство царица Іезавель). Пусть не думаетъ однако эта пророчица и ея послѣдователи, что Богъ, не наказывая ее, одобряетъ ея дѣйствія: это Онъ дѣлаетъ для того только, чтобы дать ей время покаяться. А такъ какъ она все-таки не покается, то Господь броситъ ее больною на тотъ одръ, на которомъ она любодѣйствовала, а любодѣйствовавшихъ съ нею повергнетъ въ великую скорбь. Дѣти же этихъ прелюбодѣевъ умрутъ смертію т. е. вся развращающая и погубляющая сила лжеученія Іезавели скажется уже на второй генераціи еретиковъ. Тогда всѣ церкви уз-

наютъ, что Господь, предсказавшій этотъ исходъ предпріятія гордой Іезавели, дѣйствительно проникаетъ въ сердце человѣка (ст. 20—23). Но не увлекшіеся ученіемъ Іезавели и, къ счастію, не способные, по признанію еретиковъ, проникнуть въ глубины сатаны, который былъ первымъ виновникомъ этого лжеученія, не будутъ подвергнуты Господомъ новому испытанію, кромѣ того, какому они подверглись со стороны лжеучителей Однако соблюдать до конца вѣрность Христу во всемъ столь трудно, что удовлетворившимъ этому условію Господь обѣщаетъ награду, которую Онъ обѣщалъ, еще при жизни Своей на землѣ, дать только ближайшимъ къ Нему лицамъ (Лук. 22, 28 и сл.), именно власть суда или господства надъ всѣми народами земли. Какъ царямъ, имъ будетъ дана звѣзда—знакъ царскаго достоинства (Давидъ напр. называется свѣтиломъ во Израилѣ 2 цар. 21, 17), и притомъ звѣзда самая свѣтлая, яркая, какою обыкновенно бываетъ утренняя (ст. 24—29).

Къ Церкви Сардійской (въ г. Сардахъ, принадлежавшемъ къ провинціи Лидіи) Господь говоритъ какъ имѣющій семь духовъ Божіихъ и семь звѣздъ, желая показать этимъ обозначеніемъ Себя, что въ Немъ заключается полнота духовной жизни, изъ которой могутъ черпать духовные дары или самую жизнь омертвѣвшіе члены Сардійской Церкви. Въ особенности Онъ готовъ одарить этими духовными богатствами епископовъ, потому что они ближе всѣхъ стоятъ къ Нему: эти звѣзды Церкви находятся въ рукѣ Его. Что касается состоянія Сардійской Церкви, то, судя по внѣшности, она живетъ правильною христіанскою жизнью; но если заглянуть внутрь, то окажется, что душа давно отлетѣла отъ этого великаго тѣла и что внѣшнее приличіе закрываетъ собою внутреннюю пустоту. Требуется со стороны епископа и самой Церкви особое стараніе о томъ, чтобы начатыя ими добрыя дѣла были доводимы до конца. Требуется затѣмъ неослабное, твердое соблюденіе тѣхъ правилъ христіанской жизни, какія были преподаны Сардійцамъ при самомъ ихъ обращеніи ко Христу. Иначе, если они будутъ предаваться духовной дремотѣ, то не замѣтятъ, какъ придетъ къ нимъ день суда (гл. 3, ст. 1—3). Впрочемъ и въ этой Церкви есть люди, не поддавшіеся общему настроенію, которые по-

этому сохранять здѣсь, на землѣ, тѣ добродѣтели или бѣлыя ризы, какія украшали Господа во время Его земной жизни: они вполнѣ достойны быть послѣдователями Христа. На небѣ эти люди также удостоятся особеннаго отличія и имена ихъ никогда не будутъ изглажены изъ книги граждaнъ небеснаго града: Господь всегда будетъ признавать ихъ Своими (ст. 4—6).

Соблюдшей вѣрность Господу Церкви г. Филадельфіи (въ провинціи Лидіи) Онъ является какъ совершенная противоположность тому, какимъ Его представляла вѣрующимъ христіанамъ синагога сатаны или общество невѣрующихъ іудеевъ. Іудеи хулили Его, но Онъ является святымъ, какъ пазывался въ В. Завѣтѣ Іегова; іудеи смѣялись надъ христіанами, которые, по ихъ словамъ, почитали ложнаго Мессію, но Господь является истиннымъ, исполнившимъ всѣ предсказанія о Мессіи; наконецъ, они только себѣ приписывали право на царство Мессіи, но Господь является съ ключемъ Давидовымъ въ рукахъ и слѣд. отъ Него зависитъ, допустить или недопустить человѣка къ престолу Божію, какъ прежде отъ гофмейстера Давидова зависѣлъ доступъ къ царю. Какъ такой, Господь растворяетъ предъ Филадельфійской Церковію двери царства Божія, потому что члены этой Церкви, несмотря на свою малочисленность, съумѣли отстоять свою вѣру во Христа. Мало того, Господь заставитъ ложно именующихся почетнымъ именемъ іудеевъ преклониться съ почтеніемъ предъ христіанами Филадельфіи. Онъ сохранитъ послѣднихъ и въ тотъ великій часъ искушенія, какой для многихъ будетъ гибеленъ и который уже недалеко, потому что недалеко уже пришествіе Христово, которое должно воспослѣдовать вслѣдъ за этимъ искушеніемъ (Господь имѣетъ тутъ въ виду, конечно, пришествіе антихриста). Это спасеніе Господь объясняетъ тѣмъ, что спасаемые соблюли вѣрно слово о терпѣніи Христовомъ или подражали Христу въ терпѣніи всякихъ скорбей. Побѣдителя надъ тѣми искушеніями, какія исходили на филадельфійскихъ христіанъ со стороны невѣрующаго іудейства, Господь обѣщаетъ сдѣлать столпомъ въ храмѣ Бога Своего т. е. дать ему такое важное значеніе въ небесной Церкви,

какое имѣетъ столпъ, поддерживающій своды храма. На этомъ побѣдителѣ будетъ написано имя Божіе—въ знакъ того, что онъ составляетъ собственность Бога,—затѣмъ имя новаго, небеснаго Іерусалима въ знакъ того, что онъ законный, полноправный гражданинъ этого города и, наконецъ, имя новое І. Христа—какъ знакъ того. что онъ, подобно Христу, сталъ царемъ царей (ст. 7—13).

Къ Церкви Лаодикійской (во Фригіи), члены которой смотрѣли не съ достаточною серьезностью на свои христіанскія обязанности, какъ будто думая, что за это они не подвергнутся никакому наказанію, къ этой Церкви Господь обращается какъ олицетворенное утвержденіе истинности Своихъ словъ (Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный) и даже какъ такой, который Самъ въ состояніи исполнить всѣ угрозы, какія Онъ высказалъ въ отношеніи къ забывающимъ Его предписанія. Характеризуя состояніе Лаодикійской Церкви Господь сравниваетъ ее съ теплою водою, которую, взявшій ее въ ротъ, невольно выплевываетъ, такъ какъ она производитъ очень непріятное ощущеніе. Лучше бы было, если бы лаодикійцы были холодны т. е. оставались бы язычниками: тогда бы ихъ можно было оставить въ покоѣ, въ ожиданіи ихъ обращенія; а еще лучше, конечно, если бы они имѣли горячую приверженность ко Христу. Господу особенно непріятно то самохвальство, съ какимъ лаодикійцы говорятъ о своемъ духовномъ состояніи. Вмѣсто того чтобы хвалиться своими мнимыми богатствами духовными, они должны бы обратиться смиренно къ Господу, прося Его помочь имъ въ ихъ нищетѣ и болѣзняхъ духовныхъ. А это такъ легко! ибо Господь Самъ стучится въ дверь человѣческаго сердца и съ тѣми, кто радушно Его принимаетъ, вкушаетъ вечерю какъ другъ и съ своей стороны угощаетъ его въ Своемъ домѣ. Такъ какъ побѣдить такой упадокъ христіанскаго духа, какой замѣченъ Господомъ въ Лаодикіи, дѣло очень трудное, то совершившему это дѣло Господь обѣщаетъ и великую награду, именно мѣсто рядомъ съ Собою на престолѣ (ст. 14—22).

ГЛАВА 12, 1—14, 5.

Церковь Христова и борьба антихриста противъ нея.

Послѣ седьмой трубы и пѣсни 24-хъ старцевъ Іоаннъ увидѣлъ великое знаменіе на небѣ. Именно явилась женщина, одѣтая въ солнце, и имѣющая подъ ногами своими луну, а на головѣ—вѣнецъ изъ 12-ти звѣздъ. На основаніи того, что въ Библіи вообще Церковь Божія представляется подъ образомъ жены, отцы и учители Церкви видятъ въ этой апокалипсической женѣ Церковь, но уже не ветхозавѣтную, а новозавѣтную, Христову, потому что Іоаннъ, конечно, и здѣсь имѣетъ въ виду изобразить будущія судьбы Церкви христіанской, а не іудейской. Подъ солнцемъ, въ которое облечена Церковь, слѣдуетъ, также на основаніи Св. Писанія, разумѣть Солнце правды—Самого І. Христа, въ Котораго облекаются всѣ члены Церкви [1]). Луна, находящаяся подъ ногами Церкви,—это видимый, чувственный міръ, который служитъ ей для достиженія ея высокихъ цѣлей. Вѣнецъ изъ 12 звѣздъ, украшающій главу ея—полнота святыхъ, достигшихъ совершенства. Церковь, подобно женщинѣ, мучается въ родахъ т. е. съ особенными усиліями, производитъ въ духовную жизнь новыхъ членовъ Христова Царства (Гл. 12, ст. 1—2). Вслѣдъ за тѣмъ другое явленіе поразило взоры Іоанна, именно явленіе дракона, подъ которымъ, очевидно, должно разумѣть діавола. Драконъ имѣетъ тѣло краснаго цвѣта—знакъ его кровожадности и свирѣпости. Въ подражаніе Агнцу или Христу (гл. 5, 6), дѣло Котораго онъ хочетъ погубить и поставить на Его мѣсто себя, драконъ имѣетъ семь главъ и десять роговъ. Какъ Христосъ пользуется для Своихъ цѣлей семью духами Божіими, такъ діаволъ употребляетъ для своего служенія семь (т. е. полноту) коронованныхъ, царскихъ главъ. Точно также желая оспорить у Агнца, имѣющаго семь роговъ (полнота силы), власть надъ міромъ, діаволъ является съ десятью рогами.

---

[1]) Гал. 3, 27.

Третья часть звѣздъ неба, увлеченная на землю хвостомъ дракона, обозначаетъ собою не падшихъ ангеловъ, потому что далѣе они представляются еще пребывающими на небѣ, а тѣхъ руководителей человѣчества, которые подобно звѣздамъ должны были указывать путь людямъ и однако сами были увлечены на служеніе низшимъ интересамъ силою діавола. Этотъ драконъ безстыдно останавливается передъ женою, намѣреваясь пожрать сына, котораго она родитъ, т. е. діаволъ всегда стоитъ на готовѣ погубить, уничтожить новорожденныхъ чадъ Христовой Церкви. Но его намѣреніе не осуществляется: младенецъ, рожденный женою, оказался мужескаго пола т. е. крѣпкимъ, и предназначенъ былъ къ тому, чтобы упасти народы жезломъ желѣзнымъ т. е. необыкновенною твердостью вѣры одолѣть язычество. Защиту себѣ этотъ младенецъ нашелъ у Бога и Его престола т. е. вѣрующіе укрѣплялись противъ искушеній діавола, предавая свои души, возносясь духомъ къ Богу. Жена же или Церковь бѣжала въ пустыню т. е. пребывая въ мірѣ, она жила совершенно особенною жизнію и даже дѣйствительно скрывалась отъ ярости преслѣдователей въ пустынныхъ мѣстахъ. Но это послужило ей на пользу (*да тамо питается*). Церковь, дѣйствительно, въ теченіи 1260 пророческихъ дней, которыя составляютъ $3^1/_2$ пророческихъ года т. е. вѣка, укрѣпилась въ этомъ обособленіи отъ римскаго государственнаго міра (ст. 3—6).

Чтобы для Іоанна была болѣе понятною ярость дракона противъ христіанства, взору Іоанна представляется видѣніе изъ недавно-прошедшаго времени. Апостолъ увидѣлъ брань, происшедшую на небѣ между добрыми и злыми духами, изъ которыхъ послѣдніе были побѣждены и низвержены на землю. По теченію рѣчи здѣсь лучше всего видѣть символическое представленіе той побѣды, которая была одержана Христомъ надъ діаволомъ и о которой говорилъ апостоламъ ранѣе Самъ Христосъ (Лук. 10, 18; Іоан. 12, 31). Вслѣдъ затѣмъ эта побѣда небесныхъ духовъ прославляется громогласно на небѣ, потому что она устанавливаетъ спасительное царство Бога и Христа, потому что врагъ людей побѣжденъ послѣдними при помощи чудесной крови агнца и ихъ собственнымъ мужествомъ, которое дало имъ возмож-